Н. Н. Яковлев

ЦРУ против СССР

Н. Н. Яковлев

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979

66.2(7США)
Я47

Ряд специальных вопросов
освещен Ю. Н. ЛИСТВИНОВЫМ

Я $\frac{11105-017}{078(02)-80}$ БЗ—60—023—79. 0801000000

НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ

Попытка объективного анализа современных западных спецслужб наталкивается на великие трудности. Исследователь и рассказчик продирается через дебри, зачастую становится в тупик, а иной раз буквально видит волчьи ямы. Трудности эти носят как концептуальный характер, так и связаны с поиском и отбором фактов. Хотя обозреваемый предмет, безусловно, существует самостоятельно, а порой имеет собственные движущие силы, работа спецслужб в конечном итоге не больше чем продолжение политики соответствующих правительств иными средствами. Во многих случаях, однако, работа эта такого характера, от которой официально и внешне убедительно открещиваются те самые правительства. Уже по одной этой причине, не говоря о понятной секретности, ощущается нехватка фактов, каковые, как известно, воздух исследователя. Приходится буквально задыхаться. Больше того — дышать миазмами отравленной атмосферы, ибо, пожалуй, ни в одной сфере государственной деятельности Запада не прибегают так часто к дезинформации.

А вторгнуться в эту сферу настоятельно необходимо. Совершенно невозможно понять современный мир без учета работы спецслужб, в данном случае ЦРУ США, которая затронула все человечество. Отнюдь не преувеличение.

Классик американского шпионажа (да, да, эта отрасль настолько разрослась, что обзавелась классиками) А. Даллес энергично закончил труд своей жизни «Искусство разведки»: «Военную угрозу в ракетно-ядерный век хорошо понимают, и мы справедливо тратим миллиарды долларов, чтобы противостоять ей. Таким образом мы должны относиться ко всем аспектам тайной войны... Самое последнее, на что мы можем пойти, — заковать в цепи нашу разведку. Ее функции защиты и информации необходимы в эру исключительной и постоянной опасности»[1]. В этом суждении много примечательного — как указание на стоимость разведки (не дешевле межконтинентальных ракет и термоядерных бомб), так и семантическая нагрузка сказанного.

Человек знающий, в прошлом главный офицер связи Пентагона с ЦРУ Ф. Праути в редчайший момент истины в середине семидесятых годов на исходе Вьетнама и в преддверии Уотергейта заявил по поводу именно этих слов А. Даллеса: «Заключительное, итоговое положение книги старого хозяина — лучший пример того, как разведывательное сообщество считает нужным жить в ядерный век. Они хотят, чтобы мы располагали самой дорогой и разветвленной разведкой, имеющей возможности автоматически парировать все, что представляется им угрозой. Хотя Аллен Даллес не сказал этого в своей книге, его концепция разведки предусматривает: 10% обычной разведки и 90% тайной подрывной работы. Другими словами, мы должны, по мысли Даллеса, быть круглосуточно заняты по всему миру, противодействуя по «всем аспектам тайной войны». Под этим он имеет в виду вмешательство во внутренние дела других стран независимо от того, знают или разрешают они это. Именно этим и занимались Соединенные Штаты во всевозрастающей степени, начиная от вмешательства в Берлине и Иране в сороковые годы. Кульминационной точкой этого образа действия была страшная катастрофа во Вьетнаме, где дело началось с крупной операции силами разведки, затем наступила стадия тайной подрывной работы, неизбежно перешедшая в открытую войну в эру Джонсона» [2].

Почему Ф. Праути озарили светлые мысли — понятно. Он писал в 1973 году, когда в США с негодованием подбивали пассив войны во Вьетнаме. Приводились различные подсчеты, разобравшись с ними, Р. Зингфорд (в неопубликованной диссертации «Риторика войны во Вьетнаме: президенты Никсон и Джонсон», защищенной в университете Миннесоты в год выхода книги Ф. Праути) заключил: «Как бы ни рознились оценки, прямая и косвенная стоимость войны во Вьетнаме для США в долларах и центах примерно 350 млрд. долларов» [3]. Дорого! Конечно, как подобает в сверхпрагматических Соединенных Штатах, людские жизни, в первую очередь вьетнамцы, не в счет.

В 1978 году, когда шок прошел, бывший директор ЦРУ У. Колби спокойно разъяснил: в семидесятые годы расходы на подрывную работу ЦРУ «быстро уменьшались. ЦРУ урезало свои траты на политические и квазивоенные операции до такой степени, что затраты на подрывную работу, мертвым грузом давившие на бюджет ЦРУ, от-

нимавшие более 50% его в пятидесятые и шестидесятые годы, упали менее чем до 5%». Что, уменьшение расходов на эти цели? Вовсе нет. Затраты на подрывную работу просто стали проводить и по другим статьям. Не кто другой, как сам У. Колби, указал, как ЦРУ дошло до жизни такой: «Расходы практически на все политические и квазивоенные операции... взял Пентагон», а как «финансировать, например, радиостанции «Свободная Европа», «Свобода», «Фонд Азии», решают государственный департамент и конгресс»[4]. Сообщил все это У. Колби также в труде жизни «Люди чести. Моя жизнь в ЦРУ», пространных и дурно написанных мемуарах.

Для заголовка он повторил изречение равного — предшественника в кресле директора ЦРУ Р. Хелмса, который в начале семидесятых годов публично заверил усомнившихся в добродетелях ведомства: «Вы должны доверять нам. Мы люди чести». Случилось так, что через очень короткое время Хелмса засекли на лжесвидетельстве перед законодательным органом — конгрессом, за что обычный американец прочно и надолго сядет в тюрьму. Но деятели ЦРУ — каста неприкасаемых для законов заокеанской «демократии». Когда Хелмса все же позвали в суд, он с адвокатом решительно высказались против осуждения, ибо «оно оставит шрам на всю жизнь». Суд внял просьбе, оштрафовав в ноябре 1977 года Хелмса на две тысячи долларов по удивительному поводу — вместо состава преступления «лжесвидетельство», сочинив не предусмотренный уголовным кодексом проступок: нежелание дать «полные, исчерпывающие и точные показания» конгрессу.

Как ядовито заметил журнал «Нэйшн» 19 ноября 1977 года, в лице Хелмса власть защищала себя, ибо при желании на несостоявшемся «процессе бывший директор ЦРУ мог бы предъявить для юридической стирки громадный узел грязного белья. Среди прочего для всеобщего обозрения были бы выставлены запачканные до изумления рубашки Генри Киссинджера». Отпущенный из зала суда только с символическим по размерам содеянного штрафом, Хелмс, продолжает журнал, «разговорился с журналистами, и тот «шрам» чудесным образом превратился в «знак чести» и даже в «знамя», присовокупил лукавый адвокат»[5]. Для ЦРУ успешно отбить покушения, разобраться в сути системы правления в США, откуда бы они ни проистекали, никак не меньше, чем дело чести.

Для того, помимо прочего, оно и существует. Но мы отвлеклись.

Нет более глубокого заблуждения, чем представлять ЦРУ как только орган разведки и контрразведки. Какие бы поправки ни вносил Колби, верна пропорция, указанная Ф. Праути со ссылкой на авторитет А. Даллеса — разведка в прямом смысле, вероятно, составляет 10 процентов или немного больше забот ЦРУ. Если бы было иначе, тогда незачем было вообще создавать ЦРУ. У США, как мы увидим дальше, в достатке разведывательных органов — по грубым подсчетам, около десяти. Д. Кеннан, политический мыслитель по призванию, дипломат, а по совместительству разведчик, совершенно справедливо заметил в книге «Облако опасности. Нынешние реалии американской внешней политики» (1977 г.): «Разведка как таковая была нормальной функцией государств задолго до возникновения Советского Союза или Соединенных Штатов, и чистейшая утопия надеяться на ее полное исчезновение. Но всему должны быть пределы». Какие? «Я сам был свидетелем, — пишет Кеннан, — того, как американские разведывательные власти раз за разом проводили или пытались проводить операции, которые не только прямо подрывали советско-американские дипломатические отношения, но сами возможности достичь лучшего взаимопонимания между двумя правительствами» [6]. Сказанное только слабая тень того, что следует заявить по поводу политики, проводящейся Вашингтоном руками ЦРУ.

Это, конечно, не только и не столько разведка. На ЦРУ возложена задача ведения так называемой «психологической войны», на нее и идет условно 90 процентов ресурсов исполинского ведомства. «Психологическая война» в служебных наставлениях американской разведки определяется так: «Координация и использование всех средств, включая моральные и физические (исключая военные операции регулярной армии, но используя их психологические результаты), при помощи которых уничтожается воля врага к победе, подрываются его политические и экономические возможности для этого; враг лишается поддержки, помощи и симпатий его союзников и нейтралов или предотвращается получение им такой поддержки, помощи или симпатий; создается, поддерживается или увеличивается воля к победе нашего собственного народа и его союзников; приобретается, поддерживается и

увеличивается поддержка, помощь и симпатии нейтралов»[7].

Перечисленные методы «психологической войны» однозначны попыткам подорвать государственный строй государства, избранного его целью, и в конечном счете свергнуть его. Шпионаж — производное и подчиненное этой цели. Острие «психологической войны», которую ведет ЦРУ, направлено против Советского Союза. В этом смысл создания и существования ЦРУ — организации, не имеющей прецедента во всей истории организованного человеческого общества.

В широком плане ЦРУ — один из важнейших и, вероятно, самый острый инструмент правящей элиты США для перечеканки мира по американскому образцу, насаждения в нем порядков, угодных Вашингтону.

Независимо от тона и раскраски официальной риторики ораторов республики, лежащей за Атлантикой, господствующая американская политическая традиция — нетерпимость. Она восходит к тем временам, когда отцы пилигримы, не ужившиеся в Старом Свете, уплыли за океан строить государство в соответствии со своими взглядами. Уже тогда сформировалось узколобое мировоззрение — либо «мы», либо «они». Вдумчивый наблюдатель в наши дни без труда определит: выступая на словах за политический плюрализм, государственные деятели США не терпят его на практике, почитая единственно возможной и превосходной во всех отношениях только форму правления, существующую в Соединенных Штатах. Отсюда по причинам, коренившимся в этой американской политической традиции, неизбежен перманентный конфликт Соединенных Штатов со всем миром. Функциональная роль ЦРУ — сделать все, чтобы разрешить этот конфликт в пользу США.

Нетерпимость во всем — как вне пределов земли великолепной «демократии», так и внутри ее. Поистине нравы сектантов. Что исходит от Белого дома, почитается мудростью в конечной инстанции. Незачем уходить далеко в прошлое, только последние примеры. Президент Л. Джонсон положил критерием пригодности кандидатов на высшие государственные посты следующее: «Мне нужна не верность вообще. Мне нужна такая верность, когда целуют мой зад при полном освещении и восклицают — пахнет как роза»[8]. Хорошо, а как средства массовой информации, пресловутая пресса? Ведь пишут разное! Да, пи-

шут, только высшая честь для американского журналиста быть аккредитованным при дворе президента, а там, с отвращением заметил газетчик не из избранных, «боже мой, взгляните, как типы вроде Миарса (У. Миарс, представитель Ассошиэйтед Пресс) и Семпла (У. Семпл от «Нью-Йорк таймс») ползают на брюхе и целуют зад Рона Зиглера (представитель Белого дома по связи с прессой при Никсоне)» [9]. Иначе и быть не может, «психологическая война» обращена и внутрь страны в интересах утверждения крайнего конформизма.

Но известно, что в США писали и пишут о ЦРУ и даже «расследовали» деятельность ведомства. Посмотрим!

Эмоциональную волну негодования, взметнувшую было в середине семидесятых годов в США различные «расследования» спецслужб, к нашим дням почти целиком поглотила разветвленная канализация американской государственности. Теперь, когда даже пена той волны скрылась в бездонных клоаках «демократии», можно без труда обозреть твердые остатки, вынесенные ею на поверхность из административных трущоб ЦРУ, ФБР и К°. Сразу впечатляет феномен — «расследователи» накладывали руку не на то, что хотели или что хотя бы плохо лежит, а получили в основном только те факты, которые считали возможным предать огласке государственное руководство и спецслужбы. Пестрые, иные устрашающего свойства, но неизменно пропущенные через сито придирчивой политической цензуры.

По поводу этой добычи и ломались копья на беспримерном ристалище, устроенном не только американскими, но и западными средствами массовой информации. Иные американцы в дозволенных рамках знают и достаточно возмутились ставшими общим достоянием тщательно отобранными сведениями о функционировании карательной системы в США, американской разведки, опытах над людьми с целью поставить под контроль их поведение. Были произнесены надлежащие страшные слова в осуждение недостойной практики, но все же в чем функциональная роль всей этой кампании в конечном счете в предопределенных свыше рамках? Не будет преувеличением сказать, что достаточно подробный обзор (со зловещими недомолвками), скажем, об усилиях поставить под контроль разум и есть существенная часть работы по установлению этого контроля в самых широких масштабах. По крайней мере инакомыслящие в США сим предупреж-

дены, что их ждет. Однако генеральная цель всего этого много шире — запугать мир, показав, кто караулит классовое господство капитала. Особенно вне границ заокеанской «демократии».

Американский журнал, избравший своим названием «Прогрессив», а посему высказывающий приличествующие заголовку суждения, заметил по поводу «расследований», поставленных на Капитолийском холме: «Отчеты о них подверглись жестокой цензуре. Сенатский комитет был довольно откровенен в отношении нарушений законов и эксцессах ФБР, но почти льстил в некоторых своих оценках ЦРУ... «Самое хорошее в этом деле, что оно позади, — возгласил сенатор от штата Теннесси Х. Бейкер по поводу пятнадцатимесячного расследования, когда наступил великий момент его завершения. — Мы закончили и мы провели расследование, не нанеся никакого ущерба, никакого урона соответствующим ведомствам» [10]. Какой тут урон, скорее реклама! И очень устрашающего свойства, в первую голову для самих американцев, отлично знающих, что поджидает ослушников «закона и порядка».

В перехваленной цивилизации осмотрительный подданный ищет для себя нишу в духовном эскапизме, а некоторые пытаются сбежать из прекрасной страны. Поучительный пример тому тысяча американцев, названных сектой, которые в семидесятых годах укрылись в джунглях Гайаны. Причины исхода несчастных людей в дебри тропических лесов очевидны: они пытались обрести свободу. Пусть некоторые страдали извращенным представлением о бесценном благе и подпали под влияние религиозного фанатика и мистика Д. Джонса, но не вся же тысяча! Не совершив решительно никаких преступлений или проступков, они ощутили жгучие щупальца спецслужб, доставших их в джунглях. Для ревнителей американской «демократии» коллективный протест ногами из США уже «заговор» со всеми вытекающими последствиями. В результате стоило возникнуть реальной перспективе снова оказаться в путах «закона и порядка», как почти все в ноябре 1978 года предпочли покончить с собой. Очередные жертвы «психологической войны».

* * *

Подрывная работа ЦРУ идет по многим направлениям. В наше время, по всей вероятности, не откладывая в сторону других средств, ЦРУ в отношении СССР и других

социалнстическнх стран употребляет особые уснлня в области идеологин. Выбор в пользу сосредоточення внимания на этом аспекте «психологнческой войны» был сделан по ряду прнчнн, частично ие зависящих от волн руководства ведомства. Почему? Небесполезио разобраться.

Было бы в корне неверно представлять США как страну, где безраздельио господствуют темные силы. Там есть люди, которые реалистнчески смотрят иа обстановку в мире и высказываются за добрые отиошення с Советским Союзом. Оин не делают секрета из своих убеждений. Подорвать их влияние, которое ощутнмо, н стремятся стратегн «психологнческой войны», сосредоточивая усилия в идеологнческой сфере.

Давайте попытаемся осветить имеино этот аспект деятельиости ЦРУ. Полностью вычленнть его нз общей картины подрывной работы западных спецслужб совершенио невозможно, поэтому нензбежно затрагиваются и другие вопросы.

Первый из иих — отчего ЦРУ было создаио в 1947 году. Нн раиьше, ни позже. Как это прослеживается по американским источнкам, по которым в осиовном и иаписана эта кнnга.

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1

Эпохальный и сурово-величественный год 1947-й в истории нашей Отчизны. В тот год были залечены первые раны, оставленные войной на теле Родины, — по осени уровень промышленного производства достиг довоенного. За сухими и точными строчками ЦСУ крылся гигантский труд народа по восстаиовлению сметенного и разрушенного войиой на западе традицнонной территории России, где и разыгрались исполннские сражения Великой Отечественной.

На пепелищах городов и сел, заводов и фабрик возрождалась мирная жизнь, которую строили вчерашние солдаты. Рабочими спецовками почти поголовно были шинели и ватники, гимнастерки н кирзовые сапоги, спнсанные как б/у рачительными старшинами. Их, пропитанных порохом и хранивших пыль Европы, донашивала армия строителей-созидателей. Жить было трудно, проблемы, стоявшие перед страной, были гигантскими. Иного не было дано, собственными и только собственными силами прочно поставить на ноги государство, чтобы уверенно смотреть в будущее. Быстрее вернуть нормальную жизнь народу-герою, вынесшему на своих плечах тяжелейшую войну в истории.

Советские люди заслужили, завоевали право на резкий подъем жизненного уровня, наконец, отдых после сокрушительных тягот войны. Хотя делалось все возможное, работы оставался край непочатый. Дело было не только в наследии войны, напоминавшем о себе на каждом шагу. Ресурсы страны и после победы отвлекали военные, теперь именовавшиеся обороинымн иужды. Они властно иапомнили о себе, когда еще не смолкли орудия Красиой Армии. Вспышки ярче миллиона солнц — атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки сурово предостерегли все человечество, на что способен вооруженный по последиему слову иауки империализм. Пришлось уже на рубеже войны и мира изыскивать и бросать громадные средства на создание новых, дорогостоящих систем вооружения, в первую очередь атомного. А на счету был каждый рубль! Это не могло не затро-

нуть жизнь всех советских людей, неизбежно сказывалось во всем и на всех.

В 1947 году генерал-полковник Е. И. Смирнов, возглавлявший медицинскую службу Вооруженных Сил в войну, как и многие, сменил военный мундир на штатский костюм. Ему, великолепному организатору гигантского дела в годы вооруженной борьбы, теперь был доверен пост министра здравоохранения СССР. Он принес в министерство свой богатый опыт — ни одна армия в мире не имела столь высокого процента бойцов, возвращавшихся в строй по излечении от ран, страна не знала в самое суровое время инфекционных заболеваний. Представитель гуманной профессии, Е. И. Смирнов со свойственной ему энергией взялся за постановку послевоенного здравоохранения. Он объезжал разоренные области и был потрясен. В Донбассе, в Макеевке, в больнице не могли предложить больным иной посуды, кроме консервных банок. Эти самые банки с загнутыми краями в руках больных были перед мысленным взором министра, когда он докладывал о первоочередных нуждах здравоохранения правительству. Нужны деньги. Их отпускали, но далеко не в нужных размерах. Министр бушевал, доказывал очевидное, но без большого успеха.

И. В. Сталин, признав его заботу, безусловно, законной, указал: Смирнову, по должности знавшему о разработке атомного оружия, не подобало не понимать, куда идут средства. Удовлетворение многих и очень многих кричащих нужд откладывалось. Но другого выхода не было. Над советским народом-героем, спасшим цивилизацию и себя от угрозы, снова нависла смертельная угроза.

2

Тогда в мире была единственная страна, располагавшая избыточными ресурсами, — Соединенные Штаты. Они не пострадали, а, напротив, расцвели в те годы, когда на полях сражений решались судьбы человечества. Мы находились в войне в одном строю, однако наш и американский вклады в нее оказались различными. На американской земле не разорвалось ни одного снаряда, ни один дом не был разрушен. Мы потеряли 20 миллионов бесконечно дорогих жизней, американцы — 400 тысяч человек. На каждых 50 погибших советских людей приходился один американец. В своих работах по истории вто-

рой мировой войны я неоднократно прибегал к этому сравнению. Некоторые заокеанские историки, отнюдь не разделяющие наших взглядов, тем не менее не могут не признать справедливости этого сопоставления, хотя, разумеется, с не очень большой охотой. Американский историк профессор Д. Гэддис в книге «Россия, Советский Союз и Соединенные Штаты. Опыт интерпретации» (1978 г.), сославшись на одну из моих работ, заметил: «Автор хотя и подчеркнуто, но точно указал — на каждого американца, убитого в войне, приходилось пятьдесят умерших русских» [1].

Совершенно различными оказались материальные потери. Война унесла треть нашего национального богатства. Вспомним: такую же долю национального богатства потеряла наша Родина в результате первой мировой войны и последовавшей за ней гражданской войны. В цифрах утраченное нами в 1941—1945 годах выглядит следующим образом. По тогдашнему курсу война обошлась СССР в 485 миллиардов долларов (учитывая стоимость разрушенного). Военные расходы США на вторую мировую войну — 330 миллиардов долларов. США оказывали противникам держав «оси» помощь по ленд-лизу, истратив на это 43,6 миллиарда долларов. Поставки по ленд-лизу Советскому Союзу составили около 10 миллиардов долларов, или примерно 3,5 процента от общих военных расходов США в годы второй мировой войны. Вот эту цифру — 3,5 процента, точно отражающую вклад Соединенных Штатов в исполинские сражения на основном фронте борьбы против Германии и ее союзников, нужно всегда помнить, когда мы мысленно возвращаемся к боевому сотрудничеству наших стран в те годы.

В первые послевоенные годы Советский Союз посетило немало влиятельных или известных в своей стране американцев. Их тепло встречали, памятуя о недавнем военном сотрудничестве. Иных из них принимал или отвечал на их вопросы И. В. Сталин. Корреспонденту агентства Юнайтед Пресс Х. Бейли, спросившему, «заинтересована ли все еще Россия в получении займа у Соединенных Штатов», И. В. Сталин 29 октября 1946 года ответил: «Заинтересована».

Х. Бейли деловито осведомился: «Сколько времени потребуется для восстановления опустошенных районов Западной России?» Ответ: «Шесть-семь лет, если не больше» [2].

Сын президента Франклина Д. Рузвельта Э. Рузвельт 21 декабря 1946 года во время интервью с И. В. Сталиным поставил вопрос по-иному: «Если между Соединенными Штатами и Советским Союзом будет достигнуто соглашение о системе займов или кредитов, принесут ли такие соглашения длительные выгоды экономике Соединенных Штатов?», на что получил ответ: «Система таких кредитов, бесспорно, взаимно выгодна как Соединенным Штатам, так и Советскому Союзу» [3].

Логика уже не очень молодого, а следовательно, способного соображать отпрыска покойного президента была поразительна — что могут еще получить разбогатевшие Соединенные Штаты от израненного войной Советского Союза! Как будто мало того, что советские люди грудью прикрыли и Америку в минувшую войну!!!

А в то время действительно ожидалось, что США протянут руку союзнику военных лет и хоть чем-то помогут в восстановлении разрушенного в защите не только нашей Родины, но и дела Объединенных Наций. Все это осталось на стадии разговоров, ибо в высшем эшелоне власти в США были приняты противоположные решения. Спустя два десятилетия после описываемых событий Д. Кеннан (тогда советник посольства США в Москве) написал в первом томе своих мемуаров, вышедшем в 1967 году:

> «Тогдашние американские администрации, как Ф. Рузвельта, так и г-на Трумэна, впоследствии часто критиковали за то, что летом 1945 г. помощь по ленд-лизу России была резко прекращена, мы не предложили Советскому Союзу большого займа, а, по мнению некоторых, советским лидерам дали понять, что они могли рассчитывать на него... Должен признать, что если правительство США заслуживает критики за жесткую линию во всех этих делах, то я заслуживаю куда большей критики за то, что занял еще более жесткую позицию раньше, чем правительство, за то, что подстрекал и вдохновлял жесткость Вашингтона... Вот показательный пример моих взглядов, которые я в то время излагал послу и государственному департаменту: «Нет никаких оснований, ни экономических, ни политических, для предоставления России дальнейшей помощи по ленд-лизу или для нашего согласия на то, чтобы Россия, не являющаяся государством, делающим взносы в

ЮНРРА *, получила сколько-нибудь значительную помощь от ЮНРРА или для предоставления американского правительственного займа России без получения эквивалентных политических уступок»... Я не нахожу решительно никаких причин для раскаяния в содеянном».

Откуда такая ярость в отношении союзника Соединенных Штатов? Что, Кеннан не представлял нашей страны и нашего народа, он, отдавший всю жизнь изучению нас и считавшийся в те годы в США лучшим экспертом по делам Советского Союза? В его мемуарах мы находим поучительные эпизоды, проливающие свет на образ мышления тех, кто помогал формировать американскую политику. «На мои взгляды по поводу возможной экономической помощи Советскому Союзу, — пишет он, — оказали воздействие впечатления во время поездки по Советскому Союзу вскоре после окончания войны в Европе». Советник американского посольства посетил Новосибирск, Кузнецк и везде радушно принимался, «приходилось выносить тот доброжелательный, но утомительный ритуал русского гостеприимства: «Вы ничего не едите? Попробуйте это!» Любезные хозяева не могли взять в толк, что задача Кеннана, замечает он в мемуарах, «побывать в Кузнецке, куда, насколько удалось узнать, вот уже несколько лет не заглядывал ни один иностранец с Запада, а я никогда не видел крупнейших советских заводов».

То была, по Кеннану, на редкость удачная поездка, он поглядел на все, что хотел. Проехал по тем районам, где в годы отгремевшей войны ковалась военная мощь Страны Советов. Вероятно, убедился в ней. Спустя десятилетия он идиллически описывает запавшие в памяти дни, когда свободно говорившего по-русски американца никто не принимал за иностранца.

«У меня возникло ощущение, что я не чужак, а простой советский человек! Мои попутчики в само-

---

* ЮНРРА — Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций была создана в 1943 году для целей, видных из ее названия. Совет ЮНРРА постановил, что государства, ее члены, территория которых не была оккупирована, делают взнос в ее фонд в размере до 2 процентов от национального дохода страны в 1943 году. Другие участники организации призывались делать посильные взносы. На деле представители США в ЮНРРА использовали помощь в попытках добиться угодных Вашингтону целей. Организация распущена в 1947 году. *(Здесь и далее примеч. автора.)*

> лете, по крайней мере, не принимали меня ни за кого иного. На аэродроме в Омске, в жару, сидя на траве в тени крыла самолета, я читал вслух по их просьбе случившуюся со мной книгу Алексея Толстого «Петр Первый».
>
> Вечерами в маленьких гостиницах при аэродромах я был с ними, как будто я был такой же, как они, рядовой человек. Мне было с ними просто и легко».

Но долг превыше всего! Открытые русские не могли и заподозрить, о чем думал и что решал рядом с ними некто в скромном поношенном пиджачке и неброской кепочке:

> «Когда под самолетом медленно поплыли обширные равнины к западу от Волги, я стал размышлять в связи с моими милыми попутчиками о проблемах американской помощи России. Русские, как еще раз подтвердила моя поездка, великий и привлекательный народ. Совсем недавно они перенесли чудовищные страдания, частично за нас. Конечно, хотелось бы помочь, но разве это было возможно? Если народ находится под контролем сильного авторитарного режима, особенно враждебно настроенного к США, то, на мой взгляд, американцы почти ничем не могут помочь ему, не помогая одновременно режиму... Народ и режим, другими словами, диалектически взаимосвязаны, поэтому нельзя помочь народу, не помогая режиму, и нельзя нанести ущерб режиму, не нанося ущерба народу. Посему лучше не пытаться ни помогать, ни наносить ущерба, а оставить все как есть. В конечном счете то *их* тяжкое положение, а не наше».

Возвышенные, почти философские, а в сущности, гадкие суждения. Сидя бок о бок с нашими людьми, Кеннан мыслил только антисоветскими стереотипами. Какой тут реализм! Колючими холодными глазами «эксперт» по Советскому Союзу смотрел на тех, кто «пострадал» и за США в годы войны, это «*их* тяжкое положение», подчеркнув «их» в тексте. Ладно, это личное восприятие, а как насчет пресловутой «враждебности» к США? Неторопливо разматывая нить повествования, Кеннан описывает, как осенью 1945 года группа американских конгрессменов напросилась на прием к И. В. Сталину. Кеннан, возглавлявший в отсутствие посла американское

посольство в Москве, собрался везти их в Кремль. Конгрессмены возникли перед его глазами из-под земли — гостям показывали Московское метро, где предложили перекусить, и (вот оно, зловещее русское гостеприимство!) они потеряли чувство меры, хотя, надо думать, хозяева отнюдь не добивались этого. Как-то случается, что иностранец у нас в гостях не может удержаться: иной не увидит дна даровой бутылки. Конгрессмены были в доску пьяны, вспоминает Кеннан:

«как раз перед встречей с великим Советским лидером. Мы отправились в двух машинах в Кремль, я сидел рядом с шофером в одной из них. Когда мы приближались к воротам Кремля (наверное, нигде больше в мире нет более бдительной охраны), я похолодел — позади меня раздался скандальный голос: «Кто такой, черт возьми, этот тип Сталин? Я не хочу ехать к нему, я выйду». Уже была достигнута договоренность о встрече, паспорта представлены в МИД СССР, и я знал, что, если кого-нибудь не будет, встречу вежливо отменят. Я жестко сказал: «Нет, вы так не поступите. Сидите где сидите и оставайтесь с группой». Последовали формальности у ворот. Открывали двери машин, устанавливали личности, заглядывали под сиденья. Впереди и позади нас поехало по автомобилю, набитому вооруженными людьми, и так мы покрыли короткое расстояние до центра Кремля. В этот момент скандалист позади меня снова подал голос: «А что, если я дам по носу старому мошеннику?» Мое сердце оледенело. Не помню, что я сказал, но уверен — никогда в жизни я не говорил с большей искренностью. Меня поддержали, насколько помню, менее пьяные члены группы. Как бы то ни было скандалист кротко пошел с нами. В кабинете Сталина он уселся у конца длинного стола и ограничился тем, что бросал хитрые взгляды и подмигнул пару раз удивленному диктатору. Поэтому скрытые стволы, которые, несомненно, могли простреливать кабинет, мрачно промолчали».

Невероятно! Что за нагромождение глупостей и дикого вздора, коим место разве в детективе бульварного пошиба! И кто ходит в «экспертах» по нашей стране в США, причем имеет там репутацию человека здравомыслящего. Если уж говорить о «враждебности», то не хле-

щет ли она потоками из каждой строчки написанного г-ном Кеннаном? Так о чем же говорили избранники американского народа в тот день со Сталиным! «Не могу припомнить содержание беседы конгрессменов со Сталиным (в архивах в Вашингтоне, конечно, есть ее запись), — замечает Кеннан, — у меня запечатлелся только наш подход в этом случае» [4].

С «подходом» мы уже познакомились, что до содержания беседы, то нет необходимости ворошить архивы, языкатые конгрессмены по возвращении из СССР без промедления рассказали всем и каждому, зачем они ездили в Кремль. То были члены специального комитета конгресса по послевоенной экономической политике и планированию во главе с председателем комитета У. Колмером. Собрав и проанализировав их тогдашние высказывания по возвращении в США, Д. Гэддис в книге «США и возникновение холодной войны 1941—1947» (1972) изложил дело так:

«14 сентября 1945 г. делегации под руководством председателя комитета Уильяма М. Колмера от штата Миссисипи была оказана честь: Сталин принял ее. Колмер заявил советскому лидеру, что его комитет знает о желании России получить заем от США. Как, он хочет знать, Советы используют средства, как вернут их и что может Вашингтон ожидать взамен?.. Делегация... сделала отчет государственному секретарю Д. Бирнсу, а затем совещалась с Трумэном. Группа Колмера подчеркнула в беседах с обоими, что необходимо «ужесточить наш подход к Советской Республике». Комитет Колмера был готов одобрить американский заем Советскому Союзу при условии, что русские примут определенные обязательства. Они должны сообщить, какая доля их производства идет на вооружение. Они должны сообщить важнейшие данные о советской экономике и дать возможность проверить точность этих данных. Советский Союз не должен оказывать помощи в политических целях в Восточной Европе и доложит содержание его торговых договоров с этими странами. Как в СССР, так и в странах Восточной Европы, находящихся под его контролем, Кремль должен гарантировать полную защиту американской собственности, право распространять американские книги, журналы, газеты и кинофильмы.

Наконец, Соединенные Штаты должны настаивать на «выполнении русских политических обязательств на тех же условиях, как и другие правительства. Это включает вывод советских оккупационных войск в соответствии с Потсдамскими соглашениями и Ялтинской конференцией». Коротко говоря, Колмер и его коллеги требовали, чтобы Советский Союз в обмен на американский заем изменил свою систему правления и отказался от своей сферы влияния в Восточной Европе»[5].

Говорят, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, и вполне понятно, какие речи г-да из комитета Колмера завели в Кремле. Но они наверняка не накачались водкой, когда во многих публичных заявлениях и статьях, суммированных Д. Гэддисом и надлежащими ссылками на источники, развивали описанные взгляды на отношения с СССР. Были сказаны, как видим, вещи такого порядка, что не оставалось ни малейшего сомнения, кто настроен «враждебно» и к кому, а поэтому опытный дипломат Д. Кеннан «забыл» их и любопытным порекомендовал сходить в архивы. Хотя с легко различимым раздражением он подвел итог беспримерному набегу американских конгрессменов на Москву:

> «Эпизод, сам по себе, конечно, малозначительный, оказался одним из тех (а их было немало во время моей дипломатической службы), которые постепенно привели меня к глубокому скептицизму касательно абсолютной ценности личных контактов для улучшения межгосударственных отношений. Должен также заметить, что визитеры из нашего конгресса значительно отличались друг от друга по степени личной выгоды, которую они извлекали из этих поездок»[6].

Последнее замечание, по необходимости темное под пером профессионального дипломата, проясняет поведение официальных лиц из США, гужом тянувшихся тогда в Москву. Летом 1946 года в нашу столицу явилась, например, делегация по вопросам репараций во главе с крупным нефтепромышленником Э. Поули; основная задача делегации заключалась в том, чтобы познакомить советские органы с принципом «первой заимки», а именно, разъясняет в книге «Потрясенный мир» (1977 г.) американский историк Д. Ерджин, «репарации из текущей продукции, т. е. из продукции германской экономики, сни-

жаются до минимума. Во-вторых, экспорт из этой продукции сначала идет на оплату товаров, ввозимых с Запада, а только потом на репарационные поставки Востоку. Германия включается в многосторонний, находящийся под американским контролем мировой экономический порядок до выплаты репараций (в сущности, помощи) советскому союзнику... Некоторые члены американской делегации не скрывали своей враждебности, находя и эти директивы слишком мягкими, другие не могли сдержать порывы к наживе. Ряд членов делегации Поули продали свои костюмы в Москве по спекулятивной цене — по 250 долларов за костюм»[7].

Оказались мелкими спекулянтами. Они преуспели в этом и в срыве репарационных платежей Советскому Союзу, хотя к этому времени выяснилось — экономический потенциал Германии в 1945 году, несмотря на разрушения, был выше, чем в 1939 году[8]. Ни от «теоретиков» типа Кеннана, ни от практиков вроде Колмера, Поули и К° ожидать ничего хорошего нам не приходилось. По той простой причине, что Советский Союз в Вашингтоне считали врагом и вели себя соответственно.

3

Вот как они нас представляли и представляют по сей день. Тон многотомному докладу сенатской комиссии Ф. Черча, расследовавшей в 1975—1976 годах деятельность разведывательного сообщества в США, задает вводная глава к этому официальному отчету. В ней сказано: «Вторая мировая война ознаменовала поражение одного типа тоталитаризма. Но быстро вырос другой вызов тоталитаризма. Советский Союз, главный союзник США в войне, стал главным противником США в мире. Мощь нацизма лежала в руинах, но мощь коммунизма мобилизовывалась... Офицеры американской военной разведки одни из первых усмотрели изменение обстановки. Почти сразу после взятия Берлина Красной Армией американская разведка постаралась определить цели Советов. Офицер разведки Гарри Розицкий, впоследствии глава управления по делам СССР ЦРУ, был послан на «джипе» в Берлин... Он так описывал в показаниях комиссии (31 октября 1975 г.) свои впечатления: «Мы въехали в пригороды Берлина и кричали: «Американцы!», русские горячо приветствовали нас. На автостраде, а я хорошо

знал Германию до войны, нам бросилась в глаза колонна немцев моложе 16 и старше 60 лет, которых гнали на восток монголоидные солдаты ростом в 140—150 см в лаптях... Мы пробирались через руины Берлина, по большей части движение было односторонним, стараясь запомнить цифры на погонах каждого встречного солдата... Насмотревшись вдоволь, а все мы трое очень нервничали, мы ринулись прямо из Берлина в английскую зону. Когда мы добрались туда, то очень развеселились, почувствовали облегчение, ибо целых 36 часов были в другом мире. Первое, что мне пришло тогда на ум, — Россия идет на Запад» [9].

Не было этого — не «гнали» советские солдаты немецких мальчишек и старцев на восток и не могли взять логово фашистского зверя — Берлин недомерки, да еще «в лаптях», не обозначали на фронтовых погонах номеров частей, и не «шла Россия на Запад». Все врал паршивец в мундире офицера американской разведки своему начальству тогда, а спустя тридцать лет — стариком сенаторам. Он представил полуторасуточное пребывание в Берлине как некий «подвиг». А его вместе с двумя такими же подонками наверняка сердечно приветствовали советские воины. Как союзников, не ведая в радости победы, что к ним прикатила паскудная компания глуповатых шпионов *.

Какой спрос с молодого, хотя и подававшего надежды, прохвоста Г. Розицкого. А генерал Д. Паттон, прославлен-

* То, что сошло для сенаторов, вероятно, оказалось слишком для американского издательства «Ридерз Дайджест Пресс». В отличие от седовласых законодателей, принявших вздор Розицкого как должное, ибо он соответствует стереотипам их мышления, редакторы дрогнули.

В выпущенной в 1977 году, через два года после памятных показаний Розицкого в комиссии сената, его книге «Тайные операции ЦРУ» тот эпизод был начисто лишен колоритных деталей, приемлемых на Капитолийском холме: «Тогда никто не знал, что русские делают в Берлине, и трое из нас, один говоривший на русском румын, вызвались проникнуть в русскую зону и посмотреть. Напряженно и с опаской мы потратили пять часов, чтобы перебраться через границу зоны и провели шесть часов в Берлине. Зрительные впечатления запечатлелись у меня по сей день. Толпы немецких мальчишек и стариков, которых гнали по берлинской кольцевой дороге на восток» и т. д. «Лапти» и прочее исчезли, надо думать, под редакторским карандашом, да и «36 часов» пребывания в советской зоне. Но дух остался: «Россия идет на Запад, пронеслось у меня в уме, Европа больше не будет прежней!» (Введение к указанной книге, pp. XXV—XXVI.)

ный в США герой той войны, ему, казалось, надлежало быть серьезнее. Куда там! Он открыл, что русские «вырождающаяся раса монгольских дикарей», каждый из нас и все мы вместе «сукины сыны, варвары и запойные пьяницы» [10]. Вот так, и не иначе!

Что касается высшего командования американских вооруженных сил, то оно определило Советский Союз потенциальным «врагом» задолго до окончания второй мировой войны. Исходной посылкой замечательного заключения на первых порах были отнюдь не умозрительные соображения, а факторы, поддававшиеся количественному учету, — какое государство окажется, помимо США, наиболее сильным в послевоенном мире. Таковым мог быть и оказался только и исключительно Советский Союз, следовательно, вот он, «враг»! Параметры врага определялись, следовательно, не его намерениями, а физическими возможностями великой державы — Советского Союза — вести войну. Бескрылый профессионализм (с политической точки зрения явный кретинизм) не мог не укрепить решительным образом антикоммунизм как идеологию, придав ему, во всяком случае, осязаемость в глазах официального Вашингтона.

Все это шло рука об руку с разработкой в американских штабах новой военной доктрины, основные контуры которой прояснились довольно рано. Уже в 1943 году, рассуждая о послевоенных проблемах, заместитель военно-морского министра Д. Форрестол публично учил: «Понятия «безопасность» больше не существует, и вычеркнем это слово из нашего лексикона. Запишем в школьные учебники аксиому — мощь подобна богатству: либо используют ее, либо утрачивают» [11]. Тем временем исследовалось соотношение сил между США и СССР. Перед лицом побед Советских Вооруженных Сил комитет начальников штабов США пришел к реалистическим выводам относительно последствий вооруженного конфликта между нашими странами. Они были сформулированы в серии рекомендаций, представленных комитетом правительству, начиная со второй половины 1943 года, то есть после Сталинграда и Курска. Вероятно, самыми поучительными среди них были рекомендации, направленные 3 августа 1944 года государственному секретарю К. Хэллу, недвусмысленно предупреждавшие правительство против взлетов в политическую стратосферу без учета реальных возможностей США:

«Успешное завершение войны против наших нынешних врагов приведет к глубоким изменениям в соответственной военной мощи в мире, которые можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это имеет кардинальное значение для последующих международных урегулирований и всех обсуждений, касающихся их. Помимо устранения Германии и Японии как военных держав, изменения соответственной экономической мощи главных государств, технические и материальные факторы значительно способствовали этим изменениям. Среди них: развитие авиации, общая механизация вооруженной борьбы и заметный сдвиг в военном потенциале великих держав.

После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. В каждом случае это объясняется сочетанием их географического положения, размеров и громадного военного потенциала. Хотя США могут перебросить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относительная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон выступит Британская империя» [12].

Американские высшие штабы своевременно поняли и оценили происходившее тогда — исполинские победы Советского Союза привели к созданию военного равновесия в силах между СССР и США, а в широком плане между социализмом и капитализмом. Здесь коренятся истоки всего послевоенного развития международных отношений. Если Великий Октябрь был прорывом в цепи капитализма, то победа СССР в Великой Отечественной войне создала равновесие в силах между социализмом и капитализмом. Обратить вспять, опрокинуть сложившееся в результате советских побед соотношение сил — в этом усматривал свою генеральную задачу Вашингтон.

Американские военные, мыслившие привычными категориями голой силы, стали приискивать надлежащие средства для удара по «врагу», то есть Советскому Союзу. Философским камнем при решении проблемы, представлявшейся неразрешимой в рекомендациях, относящихся к 1943—1944 годам, явилось атомное оружие. Еще

до его испытания и использования в высших советах Вашингтона обозначилось согласие, что угроза атомной бомбы, зашифрованной под кодовым названием S-1, заставит СССР «либерализовать» свой строй и отказаться от плодов победы в Европе. Военный министр Г. Стимсон по крайней мере вынес такое впечатление от бесед с Ф. Рузвельтом. В одной из записей Стимсона после встречи с Рузвельтом значится: «Необходимость ввести Россию органически в лоно христианской цивилизации... Возможное использование S-1 для достижения этого...»[13] Учитывая крайнюю секретность всего связанного с атомной бомбой, Стимсон по необходимости был краток в записях — отточия и сокращения документа.

После сожжения атомными бомбами Хиросимы и Нагасаки и еще до капитуляции Японии комитет начальников штабов США приступил к разработке планов новой войны. Они были зафиксированы в директивах 1496/2 «Основа формулирования военной политики» и 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», утвержденных комитетом начальников штабов соответственно 18 сентября и 9 октября 1945 года. Тогда вся эта документация была строго засекречена, в наши дни для некоторых американских исследователей открыт к ней ограниченный доступ.

В работе М. Шерри «Подготовка к следующей войне», увидевшей свет в 1977 году, сказано:

> «Мы не нанесем первого удара», — заверил конгресс Эйзенхауэр поздней осенью (1945 г.), однако секретные планы свидетельствовали об обратном. Даже в публичных заявлениях некоторые военные прозрачно намекали на мудрость превентивного удара. Законность первого удара, лишь подразумевавшаяся в ранних планах, отныне безоговорочно подтверждалась комитетом начальников штабов...
>
> На серии штабных совещаний был усилен акцент на действиях в плане превентивных ударов. Штабные планировщики потребовали включить в директиву 1496 подчеркнутое указание на нанесение «первого удара», настаивая: «На это следует обратить особое внимание с тем, чтобы было ясно — отныне это новая политическая концепция, отличная от американского отношения к войне в прошлом...»

В случае большой войны некоторые ее цели были ясны. США должны «следовать нашей еди-

ственной политике, которой мы придерживались в течение тридцати лет. Мы предпочитаем вести наши войны, если они необходимы на чужой территории». Располагая системой передовых баз и мобильными вооруженными силами, США должны максимально защититься от прямого нападения... В набросках директивы 1518 выражалось сомнение в целесообразности попыток добиться полного завоевания или уничтожения главного врага типа Советского Союза. Но генерал Линкольн доказывал, что цель в войне против СССР: «не загнать его за свои границы, а уничтожить его военный потенциал, в противном случае последует длительная война»...

Комитет начальников штабов в октябре (1945 г.) рекомендовал ускорить атомные исследования и производство атомных бомб, сохранение максимальной секретности и «отказ ввести в эти тайны любую страну или ООН». Чтобы ускорить движение по избранному пути, военное министерство возглавило усилия по установлению военного контроля над будущими атомными исследованиями...

Убежденные, что иного пути нет, военные отцы составляли планы использования атомных бомб как главного средства массированного сдерживания и возмездия. Это не держали в тайне. В ноябре 1945 года был опубликован доклад (главнокомандующего ВВС) генерала Арнольда военному министру, в котором указывалось, что США должны «указать потенциальному агрессору — за нападением на США немедленно последует всесокрушающий атомный удар по нему с воздуха». Куда дальше, чем Арнольд, зашел комитет начальников штабов, который в секретном докладе взвесил желательность нанесения атомных ударов по Советскому Союзу как в виде возмездия, так и первыми. Объединенный разведывательный комитет наметил двадцать советских городов, подходивших для атомной бомбардировки... Этот комитет рекомендовал атомное нападение не только в случае неминуемого выступления СССР, но и в том случае, если успехи врага в области экономики и науки указывали на создание возможностей «в конечном итоге напасть на США или создать оборону против нашего нападения». Комитет советовал «предоставить приори-

тет стратегической авиации» в любых усилиях пресечь продвижение России к созданию возможностей для нападения. Комитет добавил, что атомные бомбардировки относительно малоэффективны против обычных вооруженных сил и транспортной системы, т. е. признал — атомная бомба будет пригодна только для массового истребления (населения) городов»[14].

Эти оголтелые, плечи которых густо усыпали генеральские и офицерские звезды, сочинявшие каннибальские планы и разгонявшие маховик гонки атомных вооружений, что, они верили в советскую «угрозу»? Уже приведенное содержание секретных штабных документов, которые обозрел и в какой-то степени проанализировал М. Шерри с надлежащими отсылками к архивным досье, не оставляют сомнения — никто не верил в «агрессивность» Советского Союза. Конечный вердикт М. Шерри:

> «Советский Союз не представляет собой непосредственной угрозы, признало командование вооруженных сил. Его экономика и людские ресурсы были истощены войной... Следовательно, в ближайшие несколько лет СССР сосредоточит свои усилия на восстановлении... Советские возможности, независимо от того, что думали о намерениях русских, представлялись достаточным основанием считать СССР потенциальным врагом»[15].

Директива комитета начальников штабов 1496/2 не осталась достоянием военных. Она была доложена координационному комитету, объединявшему представителей государственного департамента, военного и военно-морского министерств. Уже как документ этого комитета (СВНКК-282) она была предложена на рассмотрение и суждение руководства государственного департамента. Политики, как им подобает, сделали второстепенные замечания в своей записке от 16 ноября 1945 года: «действия во исполнение заявления комитета начальников штабов о военной политике США», но и слова не сказали по поводу устрашающего положения директивы 1496/2, воспроизведенной в документе СВНКК-282, а именно: «Мы не можем допустить, чтобы возобладала ложная и опасная идея — дабы избежать занятия агрессивной позиции, мы позволим первому удару обрушиться на нас. В таких обстоятельствах наше правительство должно добиваться быстрого политического решения, одновременно проведя все

приготовления, чтобы в случае необходимости самому нанести первый удар»[16].

Итак, в сентябре — ноябре 1945 года Соединенные Штаты приняли на вооружение доктрину «первого удара», внезапной атомной агрессии против Советского Союза.

Повод к открытию военных действий был ясен: чем быстрее становился на ноги Советский Союз после тяжелейшей войны, тем громче звучал военный набат в Вашингтоне. Мы безмерно радовались тому, что год 1947-й стал годом великого успеха — Советский Союз после четырех лет войны и двух лет восстановления снова вышел на позиции, завоеванные в ходе социалистического строительства к 1941 году. Открылись горизонты, омраченные было войной.

Страна, скорбя о павших в недавнюю войну, чествовала героев мирного труда. Наши успехи были замечены и «отмечены» правящей элитой Соединенных Штатов, которая сделала из них надлежащие, практические выводы. Выводы в глазах той самой элиты вдвойне прочные, ибо одновременно с советским народом, героически трудившимся на послевоенных стройках, не покладала рук бесславная рать «специалистов» по нашей стране. Эти доподлинно установили, кто мы такие, и разработали рекомендации, как именно с нами поступить, какие орудия и средства употребить для этого.

4

22 февраля 1946 года поверенный в делах США в СССР Д. Кеннан отослал в Вашингтон «длинную телеграмму», которую американские политики и историки единодушно считают по сей день краеугольным камнем в оценке Советского Союза. В 8 тысячах гадких слов, на комментирование которых в США с тех пор ушли многие миллионы слов, Кеннан обрисовал жуткую угрозу, будто бы нависшую над США, и предложил стратегию неукоснительной вражды к СССР. «Итак, перед нами политическая сила, фанатически утвердившаяся в убеждении, что с США не может быть постоянного модус вивенди... Вот отправная точка, от которой должен действовать отныне наш политический генеральный штаб»[17]. Против Советского Союза надлежит действовать только силой.

Умники, собравшиеся в Вашингтоне при Трумэне, уже по одной причине, что Кеннан не без лукавства обозвал их «политическим генеральным штабом» (себя-то он всегда почитал пророком!), преисполнились сознания собственной государственной значимости и пустились в состязание с ним по части сочинения прожектов расправы с советским народом. Специальный помощник президента К. Клиффорд по приказу Трумэна провел совещание с высшими государственными руководителями США и 24 сентября 1946 года представил ему обширный доклад «Американская политика в отношении Советского Союза». Определенно разделяя апокалипсическое видение Советского Союза Кеннаном, Клиффорд высказался:

> «Адепты силы понимают только язык силы. Соединенные Штаты и должны говорить таким языком... Надо указать Советскому правительству, что располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим, ибо его промышленность и естественные ресурсы широко рассредоточены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков. Следовательно, чтобы держать нашу мощь на уровне, который эффективен для сдерживания Советского Союза, США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну. Высокомеханизированную армию, перебрасываемую морем или по воздуху, способную захватывать и удерживать ключевые стратегические районы, должны поддержать мощные морские и воздушные силы. Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружения... Любые переговоры об ограничении вооружений вести медленно и осторожно, постоянно памятуя, что предложения о запрещении применения атомного оружия и наступательных видов вооружения дальнего действия значительно ограничат мощь Соединенных Штатов...
>
> США должны понять, что советская пропаганда опасна (особенно когда подчеркивается американский «империализм») и избегать любых действий, которые могли бы придать видимость правды советским

обвинениям... США должиы приложнть энергичные уснлня, чтобы добиться лучшего поимания США среди влнятельиых слоев советского иаселення, и противодействовать антиамерикаиской пропаганде, которую Кремль распространяет средн советского народа. В самых шнрокнх масштабах, какне только потерпит Советское правительство, мы должны доставлять в страну кннги, журналы, газеты н кннофнльмы, вести раднопередачн на СССР... В самих Соедннеиных Штатах коммуннстическое проиикновенне должно быть разоблачено и ликвидировано»[18].

Еслн присовокупнть вялые н косиоязычиые рассуждения в докладе (Клнффорд, конечно, не отмеиный стилист Кениан) иасчет того, что «трудиости» США с СССР порождены советскнм режимом, а ссоры с русским народом у Вашиигтоиа-де нет, тогда обрнсовываются контуры стратегического мышления правящей элиты США. К генеральной целн — уннчтожения нлн фатального ослабления Советского Союза ведут два путн: войиа илн (на подступах к ней, а при определениых условиях вместо нее) подрывиая работа. Вашиигтон должен быть готов проводнть оба курса, какой возобладает, покажет завтрашиий день, точнее, соотношеиие сил между СССР и США. Мнрного сосуществоваиия, не говоря уже о сотрудиичестве, между капнтализмом и соцналнзмом быть не может.

Так гласила доктриіа, восторжествовавшая в самых верхах американского общества. Оиа отражала отчаяние увядающей цнвилнзацин, которая мобилнзовала силы, чтобы удержаться на исторической арене. Как ни оценнвать Кеннаиа, он все же имел склониость к фнлософнн и в гадкой «длииной телеграмме» объясиял высокопоставленным вашнигтонскнм бюрократам:

«Многое завнсит от здравия н жнзиеспособности иашего собственного общества. Мнровой коммуннзм подобеи зловредиому паразиту, который питается только в больном оргаиизме. В этом пуикте сходнтся виутреиняя и виешияя политика. Каждая смелая и мудрая мера, разрешающая внутренние трудности нашего собствениого общества, роста увереииости в себе, днсциплины, морали н духовной общиости нашего народа, является днпломатнческой победой над Москвой, которая стоит тысячн днпломатическнх нот и совместиых заявлеиий. Еслн мы ие победим фатализм н безразлнчне перед лнцом пороков собственного об-

щества, выиграет Москва, больше того, Москва не может не воспользоваться ими во внешней политике».

Он заклинал:

«Новый образ марксизма с его медоточивыми обещаниями для отчаявшегося и измученного мира более опасен и заразителен, чем когда-либо»[19].

Политика США в отношении Советского Союза была представлена миру как политика «сдерживания» коммунизма. А рамки этого расплывчатого и пустого лозунга оказались достаточно широкими, чтобы охватить «доктрину Трумэна», «план Маршалла», сколачивание агрессивных блоков и окружение Советского Союза плотным кольцом американских военных баз. В интересах «сдерживания» на исходе 1947 года проводится реорганизация высшего государственного руководства в США. Учреждается Совет национальной безопасности во главе с президентом, орган чрезвычайного руководства, который отныне в глубокой тайне решает вопросы войны и мира для Соединенных Штатов. В прямом подчинении Совета национальной безопасности учреждается Центральное разведывательное управление. Одновременно основывается министерство обороны для руководства и координации военных усилий. Эта структура государственного правления была создана для войны и имела в виду скорейшее развязывание войны против СССР. То, что инициативу возьмут на себя Соединенные Штаты, в Вашингтоне сомнений не вызывало.

Одновременно с созданием описанной структуры подал голос Кеннан, возглавивший к тому времени совет планирования политики государственного департамента. В официальном качестве он представил 7 ноября 1947 года «Резюме международной обстановки»:

«Опасность войны многими значительно преувеличивается. Советское правительство не желает и не ожидает войны с нами в обозримом будущем... Крайние опасения по поводу опасности войны исходят из неверной оценки советских намерений. Кремль не желает новой большой войны и не ожидает ее... В целом нет оснований полагать, что мы внезапно будем вовлечены в вооруженный конфликт с СССР»[20].

Получив и ознакомившись с выводами совета планирования политики, те в Вашингтоне, кто готовил нападение на Советский Союз, надо думать, испытали немалое удовлетворение — подготавливаемый удар будет внезапным.

Штабное планирование к этому времени зашло далеко, и министр обороны Д. Форрестол 10 июля 1948 года потребовал представить правительству «всестороннюю оценку национальной политики» в отношении Советского Союза, ибо без нее «нельзя вынести логических решений относительно размеров ресурсов, уделяемых военным целям» [21]. Совет планирования политики представил просимый анализ, озаглавленный «Цели США в отношении России», который был утвержден 18 августа 1948 года как совершенно секретная директива Совета национальной безопасности СНБ 20/1. Этот документ, занявший 33 страницы убористого текста, впервые опубликован в США в 1978 году в сборнике «Сдерживание. Документы об американской политике и стратегии 1945—1950 гг.».

Во вступительной части директивы СНБ 20/1 объяснялось:

«Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время, чем было необходимо в отношении Германии и Японии еще до начала военных действий с ними... При государственном планировании ныне, до возникновения войны, следует определить наши цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, сократив до минимума разрыв между ними».

В элегантнейших фразах формулировалось:

«Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы...

б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России».

По уже сложившейся практике высшего государственного руководства намечались действия в условиях мира и в условиях войны. Для мирного периода директива СНБ 20/1 предусматривала капитуляцию СССР под давлением извне. Последствия такой политики в директиве СНБ 20/1, конечно, предвиделись:

«Наши усилия, чтобы Москва приняла наши концепции, равносильны заявлению: наша цель — свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки

зрения, можно доказать, что эти цели недостижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаем: наша конечная цель в отношении Советского Союза — война и свержение силой Советской власти.

Было бы ошибочно придерживаться такой линии рассуждений.

Во-первых, мы не связаны определенным сроком для достижения наших целей в мирное время. У нас нет строгого чередования периодов войны и мира, что побуждало бы нас заявить — мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или «прибегнем к другим средствам...».

Во-вторых, мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, не совместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества (так именуется социализм и капитализм. — *Н. Я.*). Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительство мы не несем ответственности за внутренние условия в России...»

В директиве СНБ 20/1 подрывная работа против Советского Союза хладнокровно признавалась государственной политикой, неотъемлемым элементом общего политического курса Вашингтона. Для этого понадобилась тотальная мобилизация немалых ресурсов традиционного лицемерия заокеанской республики. В самом деле, в директиве СНБ 20/1 с редкой софистикой констатировалось:

«Нашей целью во время мира не является свержение Советского правительства. Разумеется, мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые им не придутся по вкусу. Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Од-

нако следует со всей силой подчеркнуть — то их, а не наше дело... Если действительно возникнет обстановка, к созданию которой мы направляем наши усилия в мирное время и она окажется невыносимой для сохранения внутренней системы правления в СССР, что заставит Советское правительство исчезнуть со сцены, мы не должны сожалеть по поводу случившегося, однако мы не возьмем на себя ответственность за то, что добивались или осуществили это».

Так какая же эта «обстановка»? В директиве СНБ 20/1 в обобщенной форме, но достаточно четко указывалось: «Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля». В сумме все эти соображения сводились к одному — различными подрывными действиями и разными методами свергнуть социалистический строй в нашей стране. Такова конечная цель директивы СНБ 20/1 для «мирного» времени.

На случай войны дело много упрощалось, предусматривался самый разудалый образ действия. Составители документа не вдавались в детали, как именно будет нанесено военное поражение Советскому Союзу — то дело генералов, а занялись дележом шкуры неубитого медведя, то есть политикой в отношении нашей страны после ее разгрома. Вероятно, они все же бросили взгляд на карту, а посему записали:

«Мы должны прежде всего исходить из того, что для нас не будет выгодным или практически осуществимым полностью оккупировать всю территорию Советского Союза, установив на ней нашу военную администрацию. Это невозможно как ввиду обширности территории, так и численности населения... Иными словами, не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим».

Вашингтонские стратеги рассматривали несколько вариантов этого «урегулирования» в зависимости от исхода боевых действий:

«Если взять худший случай, т. е. сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией, то мы должны потребовать:

а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т. д.), с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;

б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира». Условия, имеющие в виду расчленение нашей страны, беспрепятственное проникновение «идей извне» и т. д. «Все условия должны быть жесткими и явно унизительными для этого коммунистического режима. Они могут примерно напоминать Брест-Литовский мир 1918 г., который заслуживает самого внимательного изучения в этой связи».

Прекрасно! В 1948 году Совет национальной безопасности США объявлял себя наследником германских милитаристов 1918 года! В директиве СНБ 20/1, впрочем, исправлялась «ошибка» кайзеровской Германии, а именно:

«Мы должны принять в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будут доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления. Мы слишком натерпелись в минувшие пятнадцать лет, действуя, как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны».

Но упомянутые 15 лет, то есть с 1933 года, — это восстановление дипломатических отношений между США и СССР, сотрудничество наших двух стран в войне против держав фашистской «оси». Не только мы, но все человечество видело, что Советский Союз защитил дело Объединенных Наций, включая США, а теперь, в 1948 году, выяснилось, что Америка «натерпелась»: «Натерпелась» тогда, когда советский солдат спас и Соединенные Штаты! Но бесполезно говорить о морали и элементарной порядочности, вернемся к директиве СНБ 20/1. Ее составители тщательно проанализировали куда более привлекательный для них исход войны против Советского Союза — исчезновение Советской власти:

«Так какие цели мы должны искать в отношении любой некоммунистической власти, которая может возникнуть на части или всей русской территории в результате событий войны? Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической осно-

вы любого такого некоммунистнческого режима н иезавнсимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздавать хвалу демократии и либерализму, мы должиы добиться осуществления иаших целей, вытекающнх нз уже упомяиутых требоваиий. Другимн словамн, мы должны создавать автоматическне гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммуннстнческий и иомннально дружественный к иам режнм:

а) не имел большой военной мощи,

б) в экономмческом отношеинн сильно завнсел от внешнего мира,

в) не имел серьезной властн над главнымн национальнымн меньшинствами и

г) не установнл инчего похожего иа железный занавес. В случае если такой режим будет выражать враждебиость к коммуиистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы этн условия былн иавязаны неоскорбнтельным нли унизительным образом. Но мы обязаны ие мытьем, так катаньем *навязать* нх для защиты наших нитересов».

Следовательио, роль шла ие только об уннчтоженни Советской властн, ио н российской государственности, исчезновении нашей страны нз числа великих держав, а кто, по мысли Совета иацнональной безопасности, будет правнть на территориях, некогда составлявшнх Советскнй Союз. «В настоящее время, — заявлялось в днрективе СНБ 20/1, — есть ряд интересиых н сильиых русских эмнграитских группировок... любая из иих... подходит, с иашей точки зрения, в качестве правнтелей Росснн». Все оии, конечно, подкармливались американскими спецслужбами, назойливо выпрашивая новые подачки. Надо думать, что в Вашнигтоие немало иамучилнсь с иимн, а посему включили в днректнву СНБ 20/1 плаи, который должен был избавнть америкаиских полнтиков от многих хлопот:

«Мы должиы ожидать, что разлнчные группы предпримут эиергнчные усилия, с тем чтобы побудить иас пойти на такие меры во внутрениих делах Россни, которые свяжут иас и явятся поводом для полнтнчеокнх групп в России продолжать выпрашнвать иашу помощь. Следовательио, нам иужио приият решительные меры, дабы избежать ответствеиности за решенне, кто имеино будет править Россией после распада советского режима. Наилучший выход

> для иас — разрешить всем эмнграитским элементам веряуться в Россию максимально быстро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от иас, чтобы оии получнли прнмерио равные возможиости в заявках иа власть... Вероятно, между различными группами вспыхнет вооруженная борьба. Даже в этом случае мы ие должны вмешиваться, еслн только эта борьба ие затронет нашн военные интересы».

Оставалось решить вопрос о полнтнке в отиошеннн Коммуиистической партнн Советского Союза: «Как быть с снлой Коммуннстнческой партин Советского Союза — это в высшей степенн сложный вопрос, на который нет простого ответа». После разного рода рассуждеинй составнтели днректнвы СНБ 20/1 постановили вверить его в рукн тех самых «правителей» для иашей страиы, которых США доставят из-за границы. Что даст возможность физически истребнть коммуинстов, а США умоют руки:

> «На любой террнторин, освобожденной от правлеиия Советов, перед намн встаиет проблема человеческнх остатков (язык-то какой! — *Н. Я.*) советского аппарата властн. В случае упорядочеиного отхода советских войск с нынешией советской территорин местный аппарат Коммуинстической партии, вероятио, уйдет в подполье, как случилось в областях, заиятых иемцами в недавнюю войну. Затем ои виовь заявнт о себе в форме партизанских банд.
>
> В этом отиошеннн проблема, как справиться с ннм, отиосительио проста: нам окажется достаточным раздать оружне н оказать военную поддержку любой иекоммуннстнческой властн, контролирующей даиный район, и разрешить расправнться с коммуинстнческими баидами до конца траднцнонными методамн русской граждаиской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммуннстнческой партни или работннкн (советского аппарата), которых обиаружат н арестуют нлн которые отдадутся на милость нашнх войск нлн любой русской властн. И в этом случае мы ие должны брать иа себя ответственностн за расправу с этнмн людьмн илн отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с иими... Это дело любой русской властн, которая придет иа смеиу коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет миого лучше судить об опасности бывших коммунистов для без-

опасиостн иового режнма и расправиться с ннми так, чтобы онн в будущем не наноснли вреда... Мы должны неизменно помиить: репрессии руками ннострайцев иензбежно создают местиых мученнков... Итак, мы ие должны ставнть своей целью проведенне нашимн войскамн на территорнн, освобожденной от коммуинзма, шнрокой программы декоммуннзацин н в целом должны оставить это на долю любых местных властей, которые прндут на смену Советской властн»[22].

На этом заканчивалась директнва СНБ 20/1 (подчеркнутые места по тексту документа), которая вызвала неистовый восторг Белого дома, руководства государственного аппарата н легла в осиову амернкаиской политикн в отиошеиин Советского Союза. Во многом н очень миогом, даже в нумерацнн, она сходнлась с днрективой № 21, отдаиной прнмерно за восемь лет до этого Гнтлером о плаие «Барбаросса»...

Соединенные Штаты брали курс на развязыванне агрессивной войиы протнв Советского Союза в самом ближайшем будущем. Непосредственные задачн военного плаиирования потребовалн нзложення описаиного документа лаконнчным языком, дабы довестн его в качестве руководства до сведення командоваиия вооруженных сил. Это взялн на себя члены Совета иацнональной безопасиости: вице-презндеит СНБ А. Барклн, государственный секретарь Д. Маршалл, мнннстр обороны Д. Форрестол, военный мииистр К. Ройал, мнннстр военио-морского флота Д. Салливан, мнннстр авиации С. Саймнигтон, днректор ЦРУ контр-адмнрал Р. Хнлленкоттер, днректор управлення нацнональиых ресурсов Д. Стилмен и исполнительный секретарь СНБ адмирал С. Соуэрс[23].

Внушительиый авторскнй коллектнв несколько месяцев трудился над собственной версией днректнвы СНБ 20/1, в конечном нтоге сократнв ее ровно в четыре раза. Конечиый вариаит, предложенный презндеиту Трумэну н утвержденный им 23 ноября 1948 года как директива СНБ 20/4, воспронзводнл все основные положения предшествовавшей днрективы, иемиого подпорченные каицелярскнм стилем высокопоставлениых авторов. Конечно, онн и нх помощннки в совокупиостн ие обладалн литературиым даром главы совета планнрования полнтики, где была сочниена директнва СНБ 20/1.

С чиновничьим изяществом в директиве СНБ 20/4 заявлялось: «Самую серьезную опасность безопасности США в обозримом будущем представляют враждебные замыслы, громадная мощь СССР и характер советской системы». Следовательно, само существование советского строя — «серьезная угроза», и все тут. Далее иногда в небольшом перифразе, а главным образом буквальным воспроизведением ключевых мест повторялась директива СНБ 20/1 и перечислялись уже известные нам действия как в «мирное время», так и во время войны. По сравнению с ней, однако, несколько больший упор делался на подрывную работу в обоих случаях, с конечным выводом в этом отношении:

> «Если Соединенные Штаты используют потенциальные возможности психологической войны и подрывной деятельности, СССР встает перед лицом увеличения недовольства и подпольной оппозиции в зоне, находящейся под советским контролем».

Были кой-какие различия и в терминологии. Так, в директиве СНБ 20/4 появился термин применительно к СССР «большевистский режим», что понятно — ее писали люди много старше, чем сочинители директивы СНБ 20/1. Все это были несущественные различия, порожденные скорее авторским честолюбием, чем различием во взглядах.

Коль скоро директива СНБ 20/4 спускалась исполнителям, их заверили, что СССР война застигнет врасплох, ибо «тщательный учет самых различных факторов указывает на вероятность того, что Советское правительство в настоящее время не планирует никаких умышленных военных действий, рассчитанных на вовлечение США в конфликт»[24]. Положения директивы СНБ 20/4 были приняты к исполнению высшими американскими штабами, цитировались и учитывались при составлении оперативных планов нападения на Советский Союз, каковых в это время было немало. Политики подтвердили генералам, кто враг, а тем, в свою очередь, осталось определить военные методы и средства разгрома Советского Союза. Без большей оттяжки, ибо директивы СНБ 20/1 и 20/4 исходили из того, что война против СССР не за горами.

6

К 1948 году в сейфах американских штабов скопилось немало оперативных разработок нападения на Советский Союз. Как комитет начальников штабов, так и командую-

щие на местах приложили к этому руку. Например, командующий американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэр оставил в наследство своему преемнику на этом посту план «Тоталити», составленный в конце 1945 года. Планы, естественно, обновлялись, однако всеобъемлющая подготовка к скорому нападению на СССР последовала за принятием описанных директив Совета национальной безопасности.

По приказанию комитета начальников штабов к середине 1948 года был составлен план «Чариотир». Война должна была начаться

> «с концентрированных налетов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных городов и избранных предприятий нефтеочистительной промышленности с баз в западном полушарии и Англии».

В первый период войны — тридцать дней — намечалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. Из них 8 атомных бомб на Москву, с разрушением примерно 40 квадратных миль города и 7 атомных бомб на Ленинград с соответственным разрушением 35 квадратных миль. В последующие за этим два года войны предполагалось сбросить еще 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб. Командование стратегической авиации предполагало, что где-то в ходе этих бомбардировок или после них Советский Союз капитулирует[25].

К 1 сентября 1948 года по штабам соединений вооруженных сил США был разослан план «Флитвуд» — руководство к составлению соответствующих оперативных планов. Как в наметках «Чариотира», так и в плане «Флитвуд» признавалось, что с началом войны Советский Союз сможет занять Европу. Как было, например, отмечено в плане «Флитвуд» применительно к Средиземноморью: «К исходу шестого месяца боевых действий Советы смогут оккупировать и укрепиться на всем северном побережье Средиземного моря, от Пиренеев до Сирии, и подвергнуть линии коммуникаций в море сосредоточенным ударам с воздуха. Кроме того, СССР через шесть месяцев после начала войны сможет оккупировать Испанию и подвергнуть артиллерийскому обстрелу коммуникации (через Гибралтарский пролив)»[26]. Объединенный разведывательный комитет в приложении к плану «Флитвуд» заключил:

«СССР в борьбе с вероятными противниками США,

Аиглией и союзными с ннмн странамн сможет овладеть ключевымн районамн Европы и Азии» [27].

Перспектнвы для американскнх агрессоров выглядели мрачноватыми, тогда зачем открывать войну, в первый пернод которой по планам только и думалн об эвакуации нз Западной Европы? Командование амернкаиской стратегической авнацни предлагало временно закрыть на это глаза, ибо пока Красная Армия будет продвнгаться по Европе и Азнн, атомные бомбарднровкн Советского Союза-де подорвут осиовной элемент советской мощн — полнтнческнй, каковой по заключеиию объедниенного разведывательного комнтета в приложенни к плану «Флнтвуд» состоял в следующем: «1) прирожденное мужество, выдержка и патриотизм русского иаселення; 2) отлаженный и четкий механнзм централизованного контроля Кремля в советской орбите... 3) идеологическая привлекательиость теоретического коммуннзма; 4) доказанная способность советского режима мобнлнзовать прнрожденный русскнй патрнотнзм в поддержку советскнх военных уснлий; 5) способность русского народа н правительства вести войну в условиях крайией дезорганизацнн, как случилось в первые годы второй мнровой войны» [28]. Атомные бомбы, заверялн генералы американских ВВС, сильнее. Вот по этому поводу — могут ли стратегические ВВС сломнть волю русскнх к борьбе — и завязался спор в высшем командованни вооруженных снл, спор, проходнвшнй на фоне завершения подготовки к атомным ударам. 21 декабря 1948 года главнокомандующий ВВС доложнл комнтету начальников штабов составленный во исполиенне указанных директнв оперативиый план САК ЕВП 1—49:

«2. Война начнется до 1 апреля 1949 г.

3. Атомные бомбы будут использоваться в масштабах, которые будут сочтены целесообразными...

32 а. С учетом колнчества нмеющнхся атомных бомб, радиуса действия союзных бомбардировщнков, точностн бомбометання, мощностн бомбарднровок первостепенными объектамн для ударов с воздуха являются главные города Советского Союза. Уничтоженне нх настолько подорвет центры промышленностн н управлення СССР, что наступательная и обороннтельная мощь Советскнх Вооруженных Снл резко снизятся.

в. Плаиы объектов н иавнгацнонные карты для операций против первых 70 городов будут роздаиы

по частям к 1 февраля 1949 г. Имеющиеся навигационные карты в масштабе 1 : 1 000 000 достаточно точны, чтобы обеспечить полет к любому нужному пункту на территории СССР.

л. Для первых атомных бомбардировок в целях планирования принимаются возможные потери в 25% от числа участвующих бомбардировщиков, что совсем не воспрепятствует использованию всего запаса атомных бомб. По мере воздействия атомного наступления на советскую ПВО, потери бомбардировщиков снизятся...

33 а. Из всего изложенного следует вывод:

в. Мощное стратегическое воздушное наступление против ключевых элементов советского военного потенциала может быть проведено по плану» [29].

Оптимизм генералов ВВС бил ключом, не зная никаких границ. Им не терпелось поднять в воздух стратегическую авиацию. Но они определенно не понимали следующего. Речь шла не о том, удастся или не удастся сжечь города (генералы на это отвечали утвердительно), а о том, какие моральные последствия это будет иметь для всего населения и достижения целей войны в целом. Командующим другими видами вооруженных сил и родов оружия, помимо стратегической авиации, претензии ее штабов представлялись малореальными. В начале 1949 года был создан специальный комитет из высших чинов армии, флота и авиации под председательством генерал-лейтенанта Х. Хармона, который попытался оценить политические последствия намеченного атомного наступления с воздуха на Советский Союз. 11 мая 1949 года комитет представил сверхсекретный доклад «Оценка воздействия на советские военные усилия стратегического воздушного наступления»:

«Проблема 1. Оценить воздействие на военные усилия СССР стратегического воздушного наступления как предусмотренного в нынешних военных планах, включая оценку психологического воздействия атомных бомбардировок на волю Советов вести войну...

3. План стратегического воздушного наступления... предусматривает две отдельные фазы:

а) первая фаза: серия налетов главным образом с применением атомных бомб на 70 городов (командование стратегической авиации ныне планирует выполнить это за 30 дней);

б) вторая фаза: продолжение воздушного наступления с применением как атомных, так и обычных бомб.

Последствия для промышленности: 9. Материальный ущерб, гибель людей в промышленных районах, другие прямые и косвенные последствия первой фазы воздушного наступления приведут к снижению промышленного потенциала СССР на 30—40%. Оно не будет постоянным — либо будет компенсировано советскими восстановительными работами, либо усугубится в зависимости от мощи и эффективности последующих налетов...

Людские потери: 11. Первая фаза атомного наступления приведет к гибели 2 700 000 человек и в зависимости от эффективности советской системы пассивной обороны повлечет еще 4 000 000 жертв. Будет уничтожено большое количество жилищ, и жизнь для уцелевших из 28 000 000 человек будет весьма осложнена (то есть общее население городов, намеченных для атомных бомбардировок. — *Н. Я.*).

Психологическое воздействие. 12. Атомное наступление само по себе не вызовет капитуляции, не уничтожит корней коммунизма и фатально не ослабит советское руководство народом.

13. Для большинства советского народа атомные бомбардировки подтвердят правильность советской пропаганды против иностранных держав, вызовут гнев против Соединенных Штатов, объединят народ и приумножат его волю к борьбе. Среди меньшинства, размеры которого определить невозможно, атомные бомбардировки могут стимулировать диссидентство * и надежду на освобождение от угнетения. Если перед диссидентами не откроются куда более благоприятные возможности, эти элементы не окажут сколько-нибудь примечательного воздействия на советские военные усилия.

14. В СССР возникнет психологический кризис, который может быть обращен на пользу союзников своевременным использованием вооруженных сил и методов психологической войны. Если мы быстро и эффективно не сделаем этого, шанс будет упущен, и последующая психологическая реакция Советов не-

* В американских документах понятие «диссидент» впервые появляется в этой связи.

благоприятно скажется на достижении целей союзников.

Воздействие на Советские Вооруженные Силы. 15. Возможности Советских Вооруженных Сил быстро продвинуться в избранные районы Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока не будут серьезно расстроены, однако впоследствии будут прогрессивно убывать». Далее перечисляются технические аспекты — нехватка горючего, транспортные затруднения и т. д.

«17. Атомные бомбардировки развяжут руки всем противникам применять оружие массового поражения и приведут к тому, что СССР прибегнет к максимальным мерам возмездия, какие окажутся в его распоряжении.

Общий вывод. 18. Атомные бомбардировки приведут к определенным психологическим реакциям и мерам возмездия, наносящим ущерб военным целям союзников, а их разрушительные последствия осложнят послевоенные проблемы. Однако атомное оружие — главный компонент военной мощи союзников в любой войне против СССР. Он является единственным средством быстро вызвать шок и нанести серьезный ущерб ключевым элементам советского военного потенциала. Атомные удары, нанесенные в начале войны, значительно облегчат использование других средств союзной военной мощи и снизят собственные потери. Полное использование этих преимуществ зависит от быстроты проведения других военных операций и мер психологической войны. С точки зрения наших национальных интересов, преимущества немедленного применения в войне атомного оружия стоят превыше всего. Должны быть употреблены все разумные усилия, дабы подготовить средства для быстрой и эффективной доставки максимального количества атомных бомб к намеченным целям»[30].

Генералам, во всяком случае в канун войны, подобает думать о победах, а не размышлять о поражениях, отсюда налет оптимизма в докладе комитета Х. Хармона. Однако при зрелом размышлении со всей очевидностью проступает глубокая озабоченность по поводу сумасбродных замыслов нанести поражение Советскому Союзу главным образом, если не исключительно, атомными бомбардиров-

камн. Да, если даже они, как обещает командование ВВС, пройдут по плану и будет за первый месяц убито 6,7 миллиона советских граждан, моральный дух русских не будет подорван, а воля к борьбе только возрастет. Хармон с коллегами не заглядывали дальше первого месяца войны, и, надо думать, умышленно: они определенно страшились, что откроет атомный пролог. Политические проблемы оружие, особенно только атомное, не разрешит. Ну конечно, они, как подобает военным, призвали к пополнению арсеналов, особенно средств доставки и т. д.

Расчеты и подсчеты комитета X. Хармона (вероятно, были и другие такого же свойства) пока остановили атомщиков у роковой черты, но зловещий курс на войну с СССР не был оставлен. В апреле 1949 года сколачивается агрессивный Северо-Атлантический пакт. По периметру границ социалистического лагеря строились и вводились в действие все новые военные базы, США раскручивали маховик военной экономики. Высшие американские руководители, мышление которых во всевозрастающей степени милитаризовалось, полагали, что удастся создать подавляющее военное превосходство над СССР, которое сведет до минимума значение описанных политических факторов. Простым путем — поголовным физическим истреблением. Командующий ВВС США в Европе генерал К. Лимей, собственно, так и представлял дело. Он с насмешкой отозвался тогда о составлении разных планов войны с СССР: незачем — США-де имеют средства просто «очистить от людей громадные пространства поверхности планеты, оставив только следы материальной деятельности человека»[31]. Эти, типа Лимея, были уверены, что у них есть время. На Западе думали, что пройдет немало лет, пока СССР создаст атомное оружие. Но...

3 сентября 1949 года американский бомбардировщик Б-29, совершавший плановый патрульный полет в северной части Тихого океана, при очередном заборе пробы воздуха обнаружил повышенную радиоактивность. Лихорадочная проверка данных, и примерно через неделю сомнений не осталось: в Советском Союзе испытана атомная бомба. Комиссия по атомной энергии США, введшая примерно за год до этого «программу дальнего обнаружения» — круглосуточное дозиметрическое наблюдение за атмосферой, — торжествовала: не военные, особенно ВВС, а ученые оказались правы в оценке советской науки...[32] То был исторический подвиг советских ученых и инже-

ров, положившний конец американской монополии на атомное оружие. Материальные жертвы оказались не напрасными, страну отныне прикрывал и атомный щит.

25 сентября 1949 года ТАСС сообщил: «Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году. Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия».

Ответ Вашингтона: немедленное рассмотрение возможности развязать превентивную войну. «Однако, — замечает американский исследователь А. Браун, — превентивная война не была развязана. Помимо всего прочего, Соединенные Штаты не могли выиграть такую войну в 1949—1950 гг. Стратегическая авиация не могла в то время нанести России один непоправимый удар»[33]. И в своей книге «Дропшот. Американский план атомной войны против СССР в 1957 г.» (1978 г.) Браун подробно рассматривает причины этого. В конце 1949 года США имели 840 стратегических бомбардировщиков в строю, 1350 в резерве, свыше 300 атомных бомб. Только с баз на Британских островах можно было достичь Москвы, Ленинграда и другие объекты в европейской части СССР. Для целей планирования датой начала войны было установлено 1 января 1950 года. С ее началом в течение трех месяцев предстояло сбросить примерно 300 атомных бомб и 20 тысяч тонн обычных бомб на объекты в 100 советских городах, для чего необходимо 6 тысяч самолето-вылетов. Все это именовалось планом «Тройан».

Комитет начальников штабов приказал группе генерал-лейтенанта Д. Хэлла проверить на штабных играх шансы выведения из строя девяти стратегических районов: Москва — Ленинград, Урал, объекты у Черного моря, Кавказ, Архангельск, Ташкент — Алма-Ата, Байкал, Владивосток. Вот как выглядели подсчеты, скажем, для действий против объектов в районе Черного моря 233 бомбардировщиков Б-29 и Б-50 (32 из них несли атомные бомбы, а остальные подавляли советскую ПВО и создавали помехи для работы локаторов). Предполагалось, что на объекты будут сброшены 24 атомные бомбы (три атомные бомбы будут потеряны в сбитых самолетах, две не сбро-

сят, а еще три сбросят не на цели). Потери: 35 самолетов от действий истребителей, 2 — от огня зенитной артиллерии, 5 — по другим разным причинам, неустановленное число машин получат повреждения, не поддающиеся ремонту.

Проиграв воздушное наступление против СССР, группа Хэлла подвела итог: вероятность достижения целей 70 процентов, что повлечет потерю 55 процентов наличного состава бомбардировщиков. Но сумеют ли экипажи продолжать выполнение заданий при таких потерях? Во время второй мировой войны самые тяжкие потери понесла группа из 97 бомбардировщиков, бомбившая в ночь с 30 на 31 марта 1944 года Нюрнберг. Не вернулось 20, или 20,6 процента, самолетов, участвовавших в налете. После этого среди летного состава на базах в Англии возникло брожение, граничившее с мятежом. А здесь потери в 55 процентов! По ряду технических причин воздушное наступление против СССР не могло быть проведено молниеносно, атомные бомбардировки Москвы и Ленинграда планировались только на 9-й день с открытия боевых действий. А самые оптимистические подсчеты указывали: базы на Британских островах, например, будут полностью выведены из строя действиями ВВС СССР теперь уже с применением атомного оружия максимум через два месяца. Это наверняка, а быть может, скорее, но когда? Вскрылось, что стратегическая авиация США, нанеся ужасающий урон городам СССР, выбывала из игры — она оказывалась без достаточного количества самолетов, баз, система обеспечения и обслуживания приходила в крайнее расстройство. А советские армии к этому времени уже вышли на берега Атлантического и Индийского океанов. Аксиомой американского планирования войны против СССР была утрата в первые месяцы Европы, Ближнего и Дальнего Востока.

Начальник оперативного управления штаба ВВС США генерал-майор С. Андерсон доложил 11 апреля 1950 года министру авиации США С. Саймингтону: «ВВС США не могут: а) выполнить все воздушное наступление по плану «Тройан», б) обеспечить противовоздушную оборону территории США и Аляски»[34].

Вопрос о превентивной войне против Советского Союза в 1950 году ввиду ее военной невозможности был снят. Коль скоро выяснилось, что Соединенные Штаты не располагают достаточными силами, чтобы нанести пораже-

ние Советскому Союзу, агрессия была перенесена в плоскость подготовки коалиционной войны, на что требовалось время. Датой открытия боевых действий было принято 1 января 1957 года.

По указанию правительства комитет начальников штабов с 1949 года разработал план войны под кодовым названием «Дропшот», в интересах сохранения тайны название умышленно бессмысленное. Предполагалось, что совместно с США выступят все страны НАТО. Ирландия, Испания, Швейцария, Швеция, Египет, Сирия, Ливия, Ирак, Саудовская Аравия, Йемен, Израиль, Иран, Индия и Пакистан «постараются остаться нейтральными, но присоединятся к союзникам, если подвергнутся нападению или серьезной угрозе». Разумеется, многие страны, не входящие в НАТО, едва ли предполагали, что их уже вписали в план «Дропшот».

«Общая стратегическая концепция» плана выглядела следующим образом:

> «Во взаимодействии с нашими союзниками навязать военные цели Советскому Союзу, уничтожив советскую волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Евразии и стратегической обороной на Дальнем Востоке.
>
> Первоначально: защитить западное полушарие; вести воздушное наступление; начать выборочное сдерживание советской мощи приблизительно в пределах зоны: Северный полюс — Гренландское море — Норвежское море — Северное море — Рейн — Альпы — р. Пиава — Адриатическое море — Крит — южная Турция — долина Тигра — Персидский залив — Гималаи — Юго-Восточная Азия — Южнокитайское море — Восточнокитайское море — Берингово море — Берингов пролив — Северный полюс; удержать и обеспечить важнейшие стратегические районы, базы и коммуникационные линии; вести психологическую, экономическую и подпольную войну, одновременно подвергая беспощадному давлению советскую цитадель, используя все методы для максимального истощения советских военных ресурсов.
>
> В последующий период: вести координированные наступательные операции всеми видами вооруженных сил»[35].

В первый период войны планировалось сбросить на Советский Союз свыше 300 атомных и 250 тысяч тонн

обычных бомб, уничтожив до 85 процентов советской промышленности. Были детально расписаны задачи по подавлению советской ПВО, против советских наземных, морских и воздушных сил. Во втором периоде продолжается наступление с воздуха и изготавливаются к действию наземные силы НАТО — 164 дивизии, из них 69 американских. Устанавливается контроль над морскими и океанскими коммуникациями и т. д. На третьем этапе с запада переходят в наступление 114 дивизий НАТО, с юга (с высадкой на северо-западном побережье Черного моря) 50 дивизий, которые уничтожают Советские Вооруженные Силы в Центральной Европе. Эти действия и продолжающиеся массированные бомбардировки советских городов принуждают СССР и его союзников к капитуляции. В войне против СССР всего задействуются до 250 дивизий — 6 миллионов 250 тысяч человек. В авиации, флоте, противовоздушной обороне, частях усиления и пр. еще 8 миллионов человек. В общей сложности для выполнения плана «Дропшот» предусматривалось использовать вооруженные силы общей численностью в 20 миллионов человек [36].

Последний, четвертый период буквально любовно выписанный в плане «Дропшот», — «дабы обеспечить выполнение наших национальных целей, союзники должны оккупировать» Советский Союз и другие социалистические страны Европы. Общие потребности оккупационных войск определялись в 38 дивизий, то есть примерно 1 миллион человек в наземных войсках. Из них 23 дивизии несут оккупационные функции на территории Советского Союза. Территория нашей страны делится на «4 района ответственности», или оккупационные зоны: Западная часть СССР, Кавказ — Украина, Урал — Западная Сибирь — Туркестан, Восточная Сибирь — Забайкалье — Приморье. Зоны подразделялись на 22 «подрайона ответственности». Оккупационные войска распределялись по следующим городам: в Москве — две дивизии и по одной дивизии в Ленинграде, Минске, Мурманске, Горьком, Куйбышеве, Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе, Ростове, Новороссийске, Батуми, Баку, Свердловске, Челябинске, Ташкенте, Омске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке.

Из пяти воздушных армий, предназначенных для оккупации всех стран социализма, четыре дислоцировались на территории СССР. В каждую армию должны были вхо-

дить 5—6 боевых групп, одна группа транспортных самолетов и одна штурмовая группа. В Балтийское и Черное моря вводилось по оперативному авианосному соединению. Особо подчеркивалось, что сильное насыщение оккупационных сил авиацией «должно дать зримое доказательство мощи союзников» советским людям. Памятуя о том, что оккупантам придется выполнять карательные функции, план «Дропшот» предусматривал дополнительное обеспечение войск транспортом всех видов для придания им высокой мобильности[37].

Как в предшествующих планах агрессии, так и в плане «Дропшот» война против Советского Союза и оккупация носили ярко выраженный классовый характер. Необходимость войны определялась:

> «Серьезной угрозой безопасности США, которую... представляет характер советской системы...
>
> Никогда еще в истории намерение и стратегические цели агрессора не определялись так ясно. На протяжении веков победа в классовой борьбе пролетариата против буржуазии определяется как средство, при помощи которого коммунизм будет господствовать над миром»[38].

«Дропшот» был переломным в американском военном планировании в том отношении, что в отличие от прежних планов, имевших в виду агрессию чисто военными средствами, в этой войне против СССР обращалось внимание на использование классовых союзников по ту сторону фронта, то есть «диссидентов». Термин становится принятым в военных планах. Конечно, штабные планировщики не строили никаких иллюзий насчет силы диссидентов самих по себе:

> «Будет труднее применять методы психологической войны к народу СССР, чем к народу Соединенных Штатов...
>
> Но психологическая война чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране...
>
> Широкая психологическая война — одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель — уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов их нынешней системы правления и

распространения среди народов СССР осознания, что свержение Политбюро в пределах реальности...

Эффективного сопротивления или восстаний можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут предоставить материальную помощь и руководство и заверить диссидентов, что освобождение близко...»[39].

Эти рассуждения, в сущности, являлись перефразом специальных американских исследований того времени о причинах провала похода гитлеровской Германии против нашей страны. Американские теоретики сочли, что Берлин в 1941—1945 годах упустил из виду политические аспекты, которые сформулировал еще К. Клаузевиц, а именно: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров»[40]. Теперь американские стратеги вознамерились исправить ошибки руководителей рейха.

В общей стратегической концепции плана «Дропшот» психологическая война занимала следующее место:

«Анализ. Начало или усиление психологической, экономической и подпольной войны, направленной как на дружественные, так и на вражеские группы или страны, сильно увеличит шансы на быстрое и успешное завершение войны, ибо поможет преодолеть волю врага в борьбе, поддержит моральный дух дружественных групп на вражеской территории, поднимет мораль дружественных стран и повлияет на отношение нейтральных стран в отношении союзников.

Этот тип войны может применяться и в мирное время как против СССР, так и дружественных стран, но она должна быть решительно усилена с началом боевых действий с максимальным использованием психологических последствий воздушного наступления. Она потребует участия всех видов вооруженных сил для оказания помощи другим ведомствам в ее проведении...

Задача. Добиться интеграции психологической, экономической и подпольной войны и военных операций»[41].

В заключение в плане «Дропшот» бросается взор в будущее — после разгрома СССР и его союзников в Евро-

не наступал черед Дальнего Востока, где на протяжении войны против Советского Союза США находились в стратегической обороне. Итак:

«Мы исходим из того, что коммунистический Китай и другие районы Юго-Восточной Азии, контролируемые местными коммунистами, в отличие от Кореи и европейских сателлитов не окажутся под полным господством СССР и в случае его быстрой капитуляции необязательно также капитулируют. Следовательно, введение союзных оккупационных войск в эти районы до капитуляции СССР может оказаться как неосуществимым, так и нежелательным, поскольку для подавления противодействия потребуется вести настоящую войну. Следовательно, решение о надлежащих действиях в этих районах будет принято с учетом обстановки, которая сложится после капитуляции СССР. Следует иметь в виду, что достижение национальных целей Соединенных Штатов потребует мощного наступления на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии после капитуляции Советского Союза» [42].

Если принять в соображение, что по замыслу плана «Дропшот» на стороне США по доброй воле или под нажимом должны были выступить не только страны НАТО, но ряд государств Азии и Ближнего Востока, а Латинской Америке и Африке отводилась роль резерва и источников сырья, то упомянутые операции на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии подводят итог: Вашингтон вознамерился вооруженной рукой стереть социализм с лица всей земли. Это означало одновременно достижение заветной цели американской олигархии — установление мирового господства Соединенных Штатов. Если нужны еще официальные доказательства, исходящие от правящей элиты США, то вот они — план «Дропшот»!

Тогда почему стал возможным доступ к нему исследователей? А. Браун, опубликовавший в 1978 году этот план в книге с надлежащими комментариями, замечает:

«План «Дропшот», американский план мировой войны против Советского Союза, был подготовлен комитетом в рамках комитета начальников штабов в 1949 г. по указанию и с ведома президента Гарри С. Трумэна... Военная география не изменяется. А обычное вооружение меняется только по степени своей разрушительной силы. Поля сражений 1949—

1957 гг. могут прекрасно стать полямн сраженнй будущей войны.

Эти очевидные соображеиия ведут к постановке важиейшего вопроса: разве ие глупость предавать гласности план «Дропшот»? Я много размышлял иад этнм и выиужден заключнть: да, предание гласности этого докумеита — глупость. Его иужио было сжечь, закопать или хранить в самом тайиом сейфе, ибо ои отнюдь не придает Амернке прнвлекательностн в глазах России. «Дропшот» был не только плаиом атомизации Росснн, но предусматривал оккупацню громадной страны американскимн войскамн н уннчтожеине корней большевизма. Несомиеиио, в наше критическое время, когда холодная вoйиа прекратнлась, пусть времеиио, а политическая н идеологическая война бушует с иеослабевающей снлой, русские укажут: «Дропшот» — прнмер продолжающейся враждебиости Америки к России, и поэтому Россия должиа иметь и расширять вооружеииые снлы.

Тогда почему стала возможиым публнкация плана «Дропшот»? Нет законов, требующих от комитета иачальииков штабов его рассекречивания... Докумеит с сопутствующими ему материалами в совокупиостн показывает: 1) Соедннеиные Штаты вполие могли проиграть третью мировую войну; 2) Россия, вероятно, смогла бы занять Западную Европу за 20 дией; 3) комаидованне ВВС США считало, что Россия сумеет вывести из строя за 60 дней тогдашиего главиого американского союзнnка Аиглию с ее базами, имевшнми первостепенное значение для иаиесеиия атомных ударов; 4) русскне атомные бомбардировки и коммуннстическая партизаиская войиа в США зиачнтельно подорвалн бы способиость н волю Америки к продолжению войиы; 5) Америка не смогла бы защитить свои собствеиные города; 6) США потребовалось бы два года, чтобы ее промышленность н вооружеииые снлы достнглн бы такого уровня, который позволнл бы амернканское воеиное возвращеиие в Европу н 7) США иамеревалнсь оккупировать Россню, идя на риск ие утихающей там партнзанской войны...

Я лнчио счнтаю, что комитет иачальииков штабов, рассекретив «Дропшот», ие руководствовался решительио иикакими мотивами. Дело очень просто —

план считается устаревшим, с теперешними видами вооружения мы стоим на пороге Судного Дня, и поэтому он не имеет решительно никакого значения»[43].

Какая-то часть правды в рассуждениях А. Брауна есть, но только часть, и причем небольшая. Мотивы предания огласке этого плана и иных сходных документов, конечно, не поддаются однозначному истолкованию. Что до «устарелости», то в отношении преступных замыслов вроде тех, что воплощены в раскладках плана «Дропшот», здравый смысл возмутится при одной мысли, что к ним может быть применен срок давности. Можно уверенно утверждать, что публикация своего рода оправдание: задним числом приводятся веские доказательства — Вашингтон никогда не был «мягок» к коммунизму, а это драгоценный тезис кликуш-милитаристов в США, проливающих слезы по поводу того, что США тогда не нанесли атомного удара по Советскому Союзу. Успех-де был гарантирован. Не кто другой, как генерал К. Лимей, вознесенный в президентство Д. Кеннеди на пост главнокомандующего ВВС США, в 1968 году выпустил книгу «Америка в опасности», в которой, имея в виду рубеж сороковых и пятидесятых годов, все еще настаивал: «Мы могли бы стереть Россию с лица земли, не поцарапав при этом локтей»[44]. Доступный ныне для обозрения плана «Дропшот» начисто девальвирует генеральскую мудрость.

Но все же те, кто разрешил пустить в научный и публицистический обиход описанные документы, больше думают о будущем, а не о прошлом. Американцам внятно рассказано и наглядно показано, какие гибельные последствия повлекла бы за собой большая война с СССР даже в то время, когда не было создано термоядерное оружие, а межконтинентальные ракеты еще не стартовали с чертежных столов. Подспудно и даже иной раз прямо указывается: при существующем соотношении сил между СССР и США вооруженная схватка гибельна и для Соединенных Штатов. Десятилетия гонки вооружений, унесшие из карманов американских налогоплательщиков фантастические суммы, не дали Вашингтону искомого преимущества в военной области. Равновесие в силах между капитализмом и социализмом, завоеванное советским народом в 1941—1945 годах, опрокинуть не удалось. Этим мы обязаны солдатам Великой Отечественной войны, героям смертельной борьбы против держав фашистской «оси», тем, кто показал, на что способен народ, отстаивающий свою власть.

Тут мы подходим к главиому — указаиия на опасность военного пути в отношении Советского Союза приводятся как доказательство высшей разумиости попыток нанестн нам поражение нными методамн, то есть не переступая порога термоядерного Армагеддоиа. Коротко говоря, подрывной работой в самом широком смысле. Военные былн засажены за то, что им ведать надлежит свой «Дропшот», а высшее амерпкаиское государствеииое руководство прнступило к рассмотреиию всей стратегии США в отиошеиии СССР с учетом того, что мы располагаем атомиым оружием и впереди термоядериая эра. В 1950 году Совет национальной безопасиости разрабатывает директнву СНБ-68, призваииую смеиить директиву СНБ 20/4.

7

Смеиить... Пожалуй, громко сказаио. Речь шла не больше чем о перестаиовке акцеитов. В иовом, очеиь пространиом документе, почти в два раза превышавшем по объему днрективу СНБ 20/1, описанные цели политики США полиостью подтверждалнсь. Составители проекта — тот же совет плаиироваиия полнтики государствеииого департамеита, который теперь вместо Д. Кеинана вел П. Нитце, обильио цитировали директнву 20/4, но внеслн в документ дух тревогн, еслн не паннки. Онн пнсали: «Советская угроза безопасности США резко возросла. Она носит тот же характер, что указан в СНБ 20/4 (утвержденной президеитом 24 ноября 1948 г.), однако куда ближе, чем считалн раньше. Республика и ее граждане в зеиите мощн подвергаются самой страшной опасиости. Речь идет о гибели не только республики, но н всей цивилизацин».

Директива СНБ-68 открывалась широким обзором кореииых изменений, поразнвших мир в предшествовавшне 35 лет, — ушли в небытне пять нмперий: Оттомаиская, Австро-Венгерская, Германская, Итальянская н Японская. За жизнь одиого только поколеиия соотношение снл в мнре приобрело совершеиио иовые очертания. Осталнсь лишь две сверхдержавы — «США н СССР, оказавшиеся центрами, во всевозрастающей степени сосредоточивающие вокруг себя мощь». Хотя не очеиь четко, подтверждалось равновесие в военных снлах между США и СССР, то есть вывод комитета начальников штабов, восходивший к 1943—1944 годам.

Ну конечно, это признавалось нетерпимым. Шли по-

дробные выкладки соответственных экономических потенциалов США и СССР и констатировалось, что Соединенные Штаты обязаны в несколько раз увеличить военные расходы. Что, как известно, и было сделано вслед за принятием директивы СНБ-68. На закате президентства Трумэна ежегодные военные расходы США перевалили за 50 миллиардов долларов, более чем в три раза превысив ассигнования конца сороковых годов. Есть ли потолок увеличению военных расходов в широком смысле? В директиве СНБ-68 определялось: «В случае чрезвычайного положения Соединенные Штаты могут уделять до 50% своего валового национального продукта на эти цели, как было во время прошлой войны». Валовой национальный продукт США в 1949 году равнялся 225 миллиардам долларов. За этими рассуждениями просматривалось то, что становится заботой Вашингтона: взвинчивая расходы на военные цели, вовлечь Советский Союз в гонку вооружений и, не доводя пока дела до войны, разорить его.

Советский Союз давал все новые и новые доказательства своей приверженности делу мира. Те, кто раздувал военную истерию, не могли не знать, что и после создания атомного оружия Москва с новой силой подтвердила свою позицию: атомная бомба должна быть запрещена. Как быть? В директиве СНБ-68 констатировалось: «Нам предлагают заявить, что мы не используем атомного оружия, за исключением возмездия на первое применение этого оружия агрессором... Если мы не собираемся отказаться от наших целей, мы не можем искренне выступить с таким заявлением, пока не убедимся, что достигнем наших целей без войны или, в случае войны, не применяя атомное оружие в стратегических и тактических целях». Решительно никакого просвета. Атомные маньяки стали на своем, а посему: преимущества нападения на Советский Союз подробно и тщательно изучались и взвешивались. Но вот беда: «Способность Соединенных Штатов вести эффективные наступательные операции ныне ограничивается атомным ударом. Можно нанести его Советскому Союзу, однако по всем оценкам одни эти операции не побудят Кремль к капитуляции, и Кремль сможет использовать имеющиеся у него силы, чтобы поставить под свое господство большую часть Евразии». Правда, вот проблеск надежды: «Если США создадут термоядерное оружие раньше Советского Союза, то США смогут на определенное время оказывать возрастающее давление на СССР». Но

опять проблема: «Если начнется войиа, то какова в ней роль снлы? Еслн мы не используем ее так, чтобы показать русским людям, что иаши усилня иаправлеиы против режима н его агрессивиой мощн, а ие против нх ннтересов, мы объедниим режнм н народ в борьбе до последией капли крови». Определеиио нн атомная, ни тем более термоядерная бомбы ие могли провести столь тоикого различня, не говоря уже о главиом — войиа против СССР, как мы видим, ие сулила победы Соедииеиным Штатам.

Директива СНБ-68 указывала путь из описаииого тупика: с одиой стороиы, резко увеличить воеииые приготовлеиия США и их союзиинков, с другой —

> «в целом сеять семена разрушения виутри советской системы, с тем чтобы заставить Кремль по крайней мере нзмеиить его политику... Но без превосходящей наличиой н легко мобилизуемой воеиной мощи политика «сдерживаиия», которая по своему существу полнтика рассчитаииого и постепеииого прииуждеиия, не больше чем блеф».

Исходиая посылка:

> «Главиое уязвимое место Кремля — характер его отношеиий с советским иародом».

Следовательно:

> «Нам иужио вести открытую пснхологическую войну с целью вызвать массовое предательство Советам н разрушать замыслы Кремля в других отиошеиях. Усилнть позитивиые н своевремениые меры и операцин тайиыми средствамн в области экономической, политнческой н психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избраниых стратегнчески важных странах-сателлитах».

Коиечиые целн этого образа действня по директиве СНБ-68:

> «Цели свободиого общества определяются его основным цеииостями и необходимостью поддерживать материальное окружеиие, в котором оии процветают...
>
> 1. Мы должиы быть сильиыми в утвержденин иаших цениостей в иашей национальиой жизни и в развитнн иашей военной н экономической мощи.
>
> 2. Мы должиы руководить строительством успешио фуикционнрующей политической и экономической снстемы свободного мнра...
>
> 3. Но, помимо утверждения наших цениостей, иаша полнтика и действия должны быть таковы, чтобы вы-

звать коренные изменения в характере советской системы, срыв замыслов Кремля — первый и важнейший шаг к этим изменениям. Совершенно очевидно, что обойдется дешевле, но более эффективно, если эти изменения явятся в максимальной степени результатом действия внутренних сил советского общества...

Победу наверняка обеспечит срыв замыслов Кремля постепенным увеличением моральной и материальной силы свободного мира и перенесения ее в советский мир таким образом, чтобы осуществить внутренние изменения советской системы» [45].

7 апреля 1950 года директива СНБ-68 была представлена президенту Трумэну. Она немедленно начала претворяться в жизнь. Официальное утверждение директивы Трумэном последовало 30 сентября 1950 года. СНБ-68 до точки послужила основой американской политики в отношении СССР на многие годы, а в своих важнейших аспектах действует по сей день.

Политическое мышление в Вашингтоне в отношении Советского Союза вращалось в той или иной мере в круге очерченных идей. Случались и курьезы: в 1952 году сенатор Г. Хэмфри, тогда новичок в сенате и, вероятно, не посвященный в высшие государственные тайны, обратился с письмом к Трумэну, подняв вопрос, который, писал сенатор 11 июля 1952 года президенту, «теснейшим образом связан с Вашими самыми коренными интересами... Простите меня, но я вторгаюсь в эти дела, руководствуясь соображениями величайшей государственной значимости». За льстивым вступлением Хэмфри высказался о том, что тревожило сенатора, — как лучше организовать оккупацию Советского Союза. Указав, что война с СССР «возможна», он просил президента:

«Я уверен, что я не выхожу за рамки вероятных событий, предлагая, чтобы наши военные активнейшим образом разобрали несколько альтернатив, которые встанут перед нами в конечном итоге после войны и победы. Это по необходимости приведет к заключению, что мы должны оценить значение наших усилий в Германии и Японии по завершении военных действий. Полагаю, г-н президент, что Вы с Вашим острым интересом к истории особо заинтересуетесь историческим обзором нашей оккупационной политики в этих странах. Для историка культуры, на мой взгляд, нет ничего более интересного, чем тщатель-

ный и объективный анализ наших новейших основных усилий оказать решительное воздействие на культуру другого народа прямым вмешательством в процессы, через которые проявляется эта культура» [46].

Документ этот, хранящийся в архиве Г. Трумэна, вероятно, послужил прекрасным аттестатом молодому сенатору в глазах высших американских руководителей. Какие меры были приняты по письму озабоченного Хэмфри, сказать невозможно. Но можно высказать предположение: высокие чины наверняка поздравили друг друга с отличной охраной государственных тайн в США. Сенатор пекся о вмешательстве в «культуру», каковое уже было, как мы видели, определено в секретных военных планах — сначала атомные бомбы, а затем оккупация Советского Союза. В планах ее «культура» не упоминалась, а заботились о физическом истреблении советских людей.

Предание гласности директивы СНБ-68 в 1975 году [47], несомненно, преследовало цель перекинуть прочный мост между прошлым и будущим, показать замечательную преемственность и последовательность американской внешней политики. Действительно, зыбучие пески времени не поглотили положений директивы СНБ-68, и правящая олигархия Запада все еще живет на проценты интеллектуального капитала, собранного Советом национальной безопасности США что-то около тридцати лет тому назад, и еще далека от того, чтобы прожить его.

Это достаточно показали события на международной арене примерно за три десятка лет, а в области политической мысли одно из тягчайших доказательств соображения специальной трехсторонней исследовательской группы, представленные трехсторонней комиссией, обсужденные ею и опубликованные в 1978 году в виде доклада «Капитальное рассмотрение отношений между Западом и Востоком».

8

«Отношения между Западом и Востоком» — общепринятый термин для обозначения отношений между промышленно развитыми демократиями, ныне известными как трехсторонние страны, с одной стороны, и главными коммунистическими державами с их союзниками — с другой. Памятуя о том, что по отношению к Европе и атлантическому побережью США коммунистические державы лежат на востоке, а по

отношенню к Япоинн н тнхоокеаискому побережью США — на западе, мы будем для краткости пользоваться этнм термнном. Так вот, мы можем заявнть, что в последине 30 лет отношення между Западом и Востоком характеризовалнсь долговремениым коифлнктом, в который вкраплнвалнсь элементы сотрудничества... Несмотря иа появлеиие новых возможных проблем, особенно советско-китайского коифлнкта, иапряжения «Север — Юг» между промышлеиными державами н менее развнтыми страиамн и появлеиия ряда непрнсоедннившихся стран — конфликт между Западом и Востоком, по иашему мненню, сохраняет свое ведущее значеиие по сей деиь»[48].

Кто эти «мы», выражающнеся безапелляцноино н уверенно, трактующне о предметах не меиьше чем в глобальных масштабах? Что такое «трехстороиняя комиссия»? О ней нзвестно отиоснтельио немного. Журиал «Пеитхауз» в декабре 1977 года пнсал, конечно, с определеиным оттеиком сеисацноииостн:

«В 1972 г. Дэвнд Рокфеллер решнл стать фактическим правителем иекоммуинстнческого мира. Его орудие для этого — трехсторонняя комнссня... В 1973 г. Дэвнд Рокфеллер попроснл Збигнева Бжезииского создать трехстороннюю комнссию, закрытый клуб мультнмнллнонеров н нх советинков, для правлеиия миром»[49]. Ее участннкн буквально щеголяют своим прагматизмом, который в их устах озиачает: в современиом мире уснлня «частных» лнц иной раз могут дать больше, чем правнтельства, пораженные бюрократнческнм склерозом.

Трехсторонняя комнссия, созданная в 1973 году, объедннеет руководителей крупнейшнх моиополнй США, Западной Европы и Японни. Насколько известно, на секретных заседаннях онн разрабатывают единую политику, начав с попыток разрешения главиых экоиомических и валютных проблем капнталнстического мнра. Конечиая цель, еслн верить словам Бжезниского, учреждеине «сообщества развнтых держав» — США, Западиой Европы и Япоиин. С 1973 года под эгндой комиссин выходят доклады специальных исследовательскнх трехстороиних групп. Для «капитального рассмотрения отношеиий между Западом и Востоком» очередь прншла к 1978 году. Это 15-й по счету доклад. Хотя мир жнвет в эпоху, отмечениую разрядкой международной иапряжеиности, доклад 15-й гласный и напнсан иначе, чем зловещие рекомеидации дирек-

тивы СНБ-68, в которой выражались с откровенностью, приличествующей строго секретному документу, дух этой директивы витает над рассуждениями тех, кто разъясняет кредо трехсторонней комиссии. В самом деле:

> «Стабильный мировой порядок, о котором часто говорят на Западе, не реалистическая цель... Больше того, иллюзия стабильности ущербна, ибо склоняет Запад к обороне... Наша основная цель в долговременных отношениях с коммунистическими державами: Запад не должен довольствоваться защитой своих основных ценностей и стремиться воплотить их в жизнь только на своей территории. Запад должен поставить своей целью оказывать влияние на естественные процессы изменений, происходящие в третьем мире и даже в коммунистическом мире, в направлении благоприятном, но не неблагоприятном для этих ценностей.
>
> Это не значит, что мы должны «сделать мир безопасным для западной демократии» или, говоря другими словами, для западного капитализма... В странах, находящихся под коммунистическим господством, переход к демократии в западном смысле в обозримом будущем невозможен без краха их режимов, а одна из молчаливых предпосылок, лежащих в основе разрядки: мы не должны ставить своей целью такой «дестабилизирующий» кризис. Больше того, дестабилизация советского режима по всем данным невозможна извне...
>
> Говоря о мирных изменениях в направлении наших ценностей, мы должны скорей стремиться к изменениям внутри этих режимов, оказывая влияние на выбор альтернатив, которые возможны и необходимы в рамках их существующего строя... Запад не может оказывать эффективное влияние простой пропагандой их преимуществ или увеличивая требования к советским лидерам. Но в переговорах в рамках разрядки... Мы должны сформулировать перед партнером альтернативы так, чтобы тот или иной курс во внутренних делах для него представлялся более выгодным».

За обтекаемыми парламентскими формулировками кроется очевидное намерение во всевозрастающей степени вклиниваться в дела Советского Союза в интересах подрыва социалистического строя и утверждения взамен пресловутых «ценностей» капитализма. Одновременно идет поиск союзников внутри нашей страны, каковыми, как всегда,

признаются те, кого советские люди считают жалкими отщепенцами. «Политическая деятельность «диссидентов», принадлежащих к «демократическому движению», оказывает давление», — констатируется в докладе. То самое искомое давление «изнутри». Вот только что огорчительно: «Эти группы малы... и не пользуются массовым влиянием». Значимость их в глазах Запада в том, что они отстаивают те самые «ценности» капитализма, то есть находятся на передовой линии фронта против социализма. Ведут бескомпромиссную борьбу, ибо выделяется в докладе:

> «Отношение к правам человека — одно из коренных различий между ценностями коммунистических и западных правительств. По своему характеру это различие едва ли может быть преодолено в рамках мирного сосуществования между различными системами».

Если так, тогда вот и признание из авторитетнейшего источника — кампания Запада о «правах человека» рассчитанно наглая провокация, подрывающая самые основы мирного сосуществования, коренные принципы разрядки. Но вернемся к честолюбивому докладу. Пусть кампания Запада идет вразрез с мирным сосуществованием:

> «Это не означает, что западные правительства должны... не делать ничего полезного в области прав человека. Они могут и должны настаивать на том, чтобы восточные режимы смирились с информацией о нарушениях ими прав человека, распространяемой западными средствами массовой коммуникации, включая специальные передачи для Востока, это и есть «идеологическая борьба...». Западные правительства... поступят мудро, избегая создавать впечатление, что предпринимаются открытые правительственные попытки произвести изменения «силой» во внутренней политике восточных стран. Большая часть — позитивных или негативных последствий в этих делах — зависит от стиля и методов» [50].

Об этом «стиле и методах» достаточно понаслышались.

9

Уникальным держателем арсенала «стиля и методов», конечно не связанных с «открытыми правительственными попытками» подрывать государственный и общественный строй других государств, является Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов.

ОТ ОСС К ЦРУ

1

Ранняя история ЦРУ в Соединенных Штатах окутана клубком благостных легенд, намертво затянутым вокруг пламенной заботы о «национальной безопасности». «Своим существованием ЦРУ может считать себя полностью обязанным внезапному нападению на Пирл-Харбор и послевоенному расследованию той роли, которую сыграла разведка (или ее отсутствие) в том, что нашим вооруженным силам не удалось получить соответствующего своевременного предупреждения о готовящемся нападении Японии»[1], — объявила в 1955 году комиссия Г. Гувера, занимавшаяся реорганизацией американского государственного аппарата. Мнение по тамошним меркам сверхавторитетное, комиссией руководил экс-президент США.

Г. Трумэн, в президентство которого и было создано ЦРУ, всецело солидаризировался с одним из своих предшественников в Белом доме. Он сообщил в мемуарах, оконченных в 1956 году: «По сей день я часто думаю, что, если бы в то время информация, поступавшая правительству, координировалась, было бы значительно труднее, если бы это вообще оказалось возможным, для японцев преуспеть во внезапном нападении на Пирл-Харбор. Ведь в те дни военным не было известно все, что знали в госдепартаменте, а дипломаты не имели доступа к сведениям армии и флота».

После второй мировой войны положение президента стало совсем плачевным, жаловался Трумэн: «Необходимая ему информация поступала от различных ведомств. Военное министерство имело свое разведывательное управление — Джи-2, у флота своя разведка — управление военно-морской разведки. С одной стороны, госдепартамент получал информацию по дипломатическим каналам, с другой стороны, министерства финансов и сельского хозяйства имели собственные источники информации из различных частей мира о валютных, экономических и продовольственных проблемах. В войну ФБР вело некоторые

операции за рубежом, и в довершение всего Отдел стратегических служб, созданный президентом Рузвельтом и отданный под руководство генерала Уильяма Д. Донована, собирал за границей информацию. Разнобой в методах получения информации свидетельствовал, на мой взгляд, о дурной организации» [2].

Трумэн и выправил дело, основав в 1947 году в рамках реорганизованного высшего государственного руководства Центральное разведывательное управление в прямом подчинении Совету национальной безопасности. В официальной истории ЦРУ, написанной в 1975 году для нужд сенатской комиссии Ф. Черча, сказано:

> «В законе (о создании ЦРУ) функции ЦРУ определялись очень неопределенно... На управление возлагались пять главных функций: 1. Давать рекомендации СНБ по вопросам, касающимся национальной безопасности. 2. Вносить рекомендации в СНБ о координации разведывательной деятельности различных ведомств. 3. Соотносить и оценивать разведывательные данные и обеспечивать должный доклад их. 4. Выполнять «функции, представляющие общий интерес». 5. «Выполнять иные функции и обязанности, касающиеся национальной безопасности, которые СНБ сочтет необходимым указать...» Тень катастрофы в Пирл-Харборе довлела над мышлением политиков, определявших цели централизованной разведки. Они считали, что ликвидируют условия, в которых оказался возможным Пирл-Харбор, — существование раздерганной разведки на военной основе, которая, используя современную терминологию, не могла отличить «сигналов» от «шума», не говоря уже о том, что не была в состоянии дать их оценку вышестоящим инстанциям».

Сказано складно, с точки зрения поверхностной логики сомнений не вызывает. Вашингтон собрался на войну с Советским Союзом и, естественно, озаботился упорядочить разведку. Все правильно. В той же официальной истории ЦРУ подчеркивается:

> «Генезис Центрального разведывательного управления в мирное время восходит к Отделу стратегических служб (ОСС) периода второй мировой войны. В результате напористости и целеустремленной решимости организатора и первого начальника ОСС Уильяма Д. Донована эта организация стала первым

независимым американским разведывательным ведомством, создав в организационном отношении прецедент для ЦРУ. Функции, структура и особые навыки ЦРУ были в значительной мере почерпнуты у ОСС» [3].

Тоже правильно. Но только вот какой вопрос: если ОСС — форма для отливки слепка ЦРУ, то зачем потребовалось разбить эту форму за два года до основания ЦРУ, точнее, 20 сентября 1945 года, когда ОСС был ликвидирован приказом Трумэна? Зачем президент собственными руками создал трудности, для преодоления которых, по его словам, и пришлось создать ЦРУ? Что, в этом отношении он был слеп в 1945 году и прозрел в 1947 году? Недоуменных вопросов бездна, и для ответа на них уместно обревизовать самым сжатым образом наследие, оставленное ОСС в поучение и как руководство к действию для послевоенных американских спецслужб.

2

Что бы ни утверждали ревнители американской «демократии», Соединенные Штаты к началу второй мировой войны были в избытке укомплектованы самыми различными службами шпионажа и контршпионажа. В этой сфере Вашингтон всегда предпочитал перебрать, не считаясь с неизбежными организационными издержками и материальными затратами. Они знали свое место и неплохо обслуживали текущие нужды государства. Так, вероятно, Соединенные Штаты и прошли бы через огненную грозу второй мировой войны, если бы руль государственного корабля держал человек меньшего калибра и с меньшей склонностью к тайной политике, чем Франклин Д. Рузвельт, нашедший себе понятливого партнера по делам потаенным Уинстона С. Черчилля.

Хотя по разным причинам: Черчилль ввиду ограниченности ресурсов Англии, а Рузвельт ввиду решимости с наименьшими потерями для США ввести мир в «Американский Век», оба положили гранитной основой своей политики стремление добиться победы над державами «оси» минимальной ценой для своих стран. А к победе этой они стремились прийти во всеоружии, не растратив людских и материальных ресурсов в ходе вооруженной борьбы, с тем чтобы продиктовать обескровленному миру свою волю. Наученные российским Октябрем 1917 года, Рузвельт и

Черчилль понимали, что повторение кровопролития первой мировой войны для США и Англии, а развитие военной техники к 1939 году оставило бы далеко позади его масштабы, может оказаться роковым, привести к коренным социальным сдвигам. В конечном итоге и эту войну породил тот же строй — капитализм.

С началом второй мировой войны Черчилль в воевавшей Англии и Рузвельт в невоевавших Соединенных Штатах стали изыскивать средства к достижению этой цели. За быстро растущей военной мощью англоязычных держав и в ее непроницаемой тени куда стремительнее развертывался потенциал для тайных операций. Многие самые секретные шифры держав «оси» оказались раскрыты криптографами западных союзников. Дешифрованные документы из германских источников докладывались Белому дому и Даунинг-стрит, 10 под кодовым названием «Ультра». Была поставлена эффективная служба дезинформации на самом высшем уровне, дабы подтолкнуть противника на желательные действия или воспретить проведение им опасных для Англии и США планов.

Путеводная звезда самой разнообразной тайной деятельности в рамках большой стратегии этих стран — добиться ослабления и уничтожения держав «оси» прежде всего руками других. Английская разведка Интеллидженс сервис, центр которой был перенесен на годы войны в Нью-Йорк, делилась своим необъятным опытом политических интриг и ставила на ноги соответствующие подразделения американских спецслужб. Подразделения такого рода постепенно создал и возглавил друг Рузвельта генерал Донован, до войны процветавший юрист с Уолл-стрита. Коль скоро сильнейшей державой Старого Света, противостоявшей агрессорам, был Советский Союз, то наша страна оказалась в фокусе внимания Вашингтона и Лондона, стремившихся, не спрашивая хозяев, распорядиться нашей мощью в своих интересах. Расчеты эти в конечном счете строили на песке, но от этого отнюдь не убывало рвение, скажем, Донована, отвечавшее его кличке «дикий Билл».

Начало Великой Отечественной войны Советского Союза оборвало подготовительную работу Донована. Нужно было торопиться анализировать противоборство Советского Союза с европейскими державами «оси», с тем чтобы Вашингтон мог прийти к своевременным выводам и планировать собственную политику. В компетентном исследовании вопроса подчеркивается: «Нападение на Россию сде-

лало для него (Рузвельта) политически возможным назначить Билла Донована своим координатором информации» [4], о чем было объявлено исполнительным приказом президента 11 июля 1941 года. Первоначально было избрано самое туманное название «координатор» (термин ОСС появился 13 июня 1942 года), чтобы как сбить с толку врагов, так и обезоружить многочисленное ревнивое разведывательное сообщество, разгневанное и недоумевавшее по поводу появления соперника, а недовольными оказались 8 ведомств: ФБР, Джи-2, военно-морская разведка, разведка госдепартамента, таможенная служба министерства торговли, секретная служба министерства финансов, иммиграционная служба министерства труда, федеральная комиссия связи, занимавшаяся и радиоперехватами.

Они не могли взять в толк, что ОСС, формально подчиненная комитету начальников штабов, а в действительности президенту, — орган стратегической разведки, подрывной работы и «черной» пропаганды, а все перечисленные ведомства оставались на своем прежнем положении, если угодно, тактической разведки, каждое только в своей сфере. Самое важное добытое ими подлежало анализу ОСС. Негодованию многотысячной армии военных разведчиков не было пределов, они почитали кощунством, что военных вопросов касаются руки каких-то штатских профессоров! Но власть есть власть, и с ней нельзя не считаться, исполнительный приказ президента возложил на ведомство Донована «сбор и анализ всей информации и данных, которые могут иметь отношение к национальной безопасности». Р. Клин, начинавший в ОСС и дослужившийся до заместителя директора ЦРУ, через три с половиной десятилетия отметил в книге «Тайны, шпионы и ученые» (1976 г.): «Положение, гласящее «сбор и анализ всех данных», многозначительно и, разумеется, отражает дух той разведки «из всех источников», который вдохновлял Донована, Аллена Даллеса, ОСС и ЦРУ... В приказе был также изобретен термин «национальная безопасность», который жив и по сей день и является удобным оправданием значительной части разведывательной деятельности и равным образом служит туманным оправданием почти всего, чего желает президент» [5].

К концу войны в ОСС работало свыше 30 тысяч человек. Исполинский мозг ведомства, занимавший, вероятно, до половины его туловища, — Главное управление исследований и анализа (РА), возглавил очень известный профес-

сор истории Гарвардского университета У. Лангер. Первоначально разместившись в библиотеке конгресса и никогда не порывавшее с ней, это гигантское подразделение ОСС, напомнил К. Форд, биограф Донована,

«в конечном итоге стало крупнейшим сосредоточением преподавателей и ученых, когда-либо собранных вместе в государственном учреждении. РА сняло сливки с факультетов общественных наук по всей стране, забрав специалистов всевозможных отраслей знаний. Географы давали сведения о землях и климате за рубежом, психологи изучали радиопередачи держав «оси», доискиваясь скрытого значения, экономисты прорабатывали нацистскую прессу, устанавливая размеры военного производства, историки разъясняли смысл и причины международных событий. В конце войны в РА работали 1600 ученых в области общественных наук из одного только Вашингтона. Так был создан национальный университет, не имевший равного ни раньше, ни после... В 1964 году М. Банди в книге «Возможности дипломатии» писал: «Для истории науки любопытно, что первый громадный центр комплексных исследований в США был создан не в университете, а ОСС в Вашингтоне во время второй мировой войны. В подавляющей степени программы комплексных исследований, введенные в американских университетах после войны, были укомплектованы или руководились людьми, прошедшими через ОСС, замечательное учреждение, составленное наполовину из оперативников, а наполовину из ученых. Верно на сегодня, и я верю, что так будет всегда, что существует высочайшая степень взаимодействия между университетами и разведывательными органами правительства США ...РА послужило моделью для создания профессором Лангером в 1950 году в ЦРУ управления национальных оценок»[6].

Хотя в центре забот ОСС по очень понятным причинам находились державы «оси», РА никогда не обходило вниманием союзника — Советский Союз. Это констатируется в американской специальной литературе, разумеется, только в общих чертах и, несомненно, с порядочной дозой дезинформации. Вашингтонские руководители, решавшие, например, что предоставить СССР по ленд-лизу, в этой связи пытались определить «подлинные» потребности нашей страны, с тем чтобы ничего из отправленного нам не пере-

шло на послевоенный период. Как в отношении врага, так и в отношении союзника — СССР, американские и английские спецслужбы объединяли свои усилия, продолжает биограф Донована:

«Оценки РА мощи Советского Союза отличались от выводов англичан, и прилежный исследователь русской истории профессор Героид Т. Робинсон из Колумбийского университета, который впоследствии возглавил Русский институт в этом университете, отправился в Англию в имевшееся там сходное с РА ведомство, размещавшееся в Оксфорде. После недельного обсуждения английские коллеги признали: «У вас лучшие ученые, у вас больше информации, мы согласны с вашими оценками». Профессор Лангер настаивает, что ни одно правительство не имело в своем распоряжении ведомства, хотя бы приближавшегося к РА. «Включая немцев, — добавлял он, — они могли бы учредить такое ведомство, если бы захотели, но не обладали для этого должной компетенцией» [7].

Если полностью перечислить представителей старшего поколения американских ученых в области общественных наук, то есть тех, кто возглавил их после второй мировой войны, то трудно обнаружить не работавших в ОСС. Большая часть отдала годы службе в ОСС. Достаточно напомнить в дополнение к упоминавшимся именам историков А. Шлезингера, У. Ростоу, Э. Глисона, Ш. Кента, философа Г. Маркузе, экономистов Э. Масона, У. Хитча, Э. Деспрее, синологов Д. Фербанка, М. Вилбура. Вердикт Р. Клина, несомненно, справедлив: Донован «поднял разведку с ее скромного статуса в военном мире, в котором она имела небольшой престиж и динамизм, превратив эту работу в карьеру для предприимчивых гражданских лиц, обладавших широким кругозором. Традицию поддержало ЦРУ, которое систематически вербует к себе часть самых способных выпускников американских университетов. Они овладевают профессией разведчиков, учась у ветеранов ОСС» [8].

Мощным дополнительным стимулом для адептов науки явилась возможность в стенах ОСС быть, конечно внешне, на равной ноге с отпрысками самых богатых и влиятельных в США семей. Ученым, несомненно знающим структуру власти в заокеанской республике, не могло не льстить общение с представителями семей Дюпонов, Райанов, Ван-

дербильтов, Меллонов, Арморов, Брюсов. Потяиулись в ОСС иекоторые русские эмигранты — виук Л. Н. Толстого Илья, киязь С. Оболенский и др. Хлопотливое дело распоряжением фоидов ОСС взял на себя Ю. Моргаи, партиер Д. П. Моргаиа. Миожество юристов, обслуживавших крупиейшие корпорации, также трудились в ОСС. Известиый тогда журиалист Д. Пирсои публичио заметил, что ОСС «состоит из баикиров с Уолл-стрита», Доиоваи был скорее польщеи, чем разгневаи, раскрытием в печати скрытого от глаз. Накоиец, иа связи ОСС с правительством был старший сыи президеита Джеймс Рузвельт.

Как-то так случилось, что иителлектуалы и даже жрецы чистой иауки, оказавшись среди профессиональиых разведчиков и дельцов, приобрели иеожидаииые качества. Во всяком случае, оии иа диво ие боялись крови и с величайшим увлечеиием разрабатывали кровожадиые плаиы. Собствеиио, к временам ОСС восходят в США опыты иад людьми и попытки разработать методы коитроля иад их поведеиием, различиые средства для увеличеиия эффективиости допросов и миогое другое в том же роде. Давияя практика америкаиских спецслужб ликвидировать опасиых противииков без следствия и суда была «иаучио» обосиоваиа, а примеиительио к задачам ведеиия войиы от иее ожидали великих результатов.

Некий иеиазваииый профессор отчекаиил положеиие: для борьбы против держав «оси» иеобходимо «бороться террором против террора... Мы должиы стать чудовищами, чтобы уиичтожить чудовище». Новатор, описаиный как «бормотавший под иос профессор», ввел в разведку прием, ставший практикой работы РА ОСС. То было прекрасиое оружие при должиом примеиеиии. Собирались все мельчайшие подробиости о том или ииом человеке, и вот вы могли представить его, как будто ои был перед глазами. Первой жертвой иовой техиики стал Гейдрих[9]. Был составлен «психологический портрет», из которого явствовало, что иацистский палач весьма опасеи. ОСС и британские спецслужбы иашли чешских патриотов, которые убили Гейдриха и погибли в последовавшей иемецкой облаве, а жители деревии Лидице пополнили миогомиллиоииый мартиролог замучеииых фашистами.

Ближайший коллега Доиоваиа руководитель аиглийской разведки У. Стефеисои миого лет спустя после войиы объясиял мотивы ОСС и британских спецслужб в этом деле: «Нужио было моральио подготовить иаселеиие виут-

ри «Крепости Европы», наши партизанские действия должны были поддержать большинство населения. Был единственный путь обеспечить народную поддержку тайных армий — устроить побольше драматических актов сопротивления и контртерроризма»[10]. Это отлично вписывалось в американо-английскую стратегию воевать чужими руками, но ведь, за исключением убийства Гейдриха, не слышали о других «драматических актах», что, вероятно, неплохой критерий возможностей ОСС. Главное в другом — не интриги спецслужб США и Англии, а беззаветная борьба советского народа пробудила и организовала европейские силы Сопротивления. Вооруженный до зубов фашизм могла сокрушить только превосходящая военная мощь — Красная Армия.

Бушевала гигантская война, а ученые-невидимки в ОСС с патетической склонностью решать мировые проблемы предлагали руководству богатейший ассортимент планов, рожденных нетерпеливым воображением неофитов разведки. Уолтер Лангер, психоаналитик по профессии, приведенный в ОСС маститым братом Уильямом Лангером, взялся выполнить поручение Донована — составить «психологический портрет» Гитлера, что, закатил глаза шеф ОСС, будет иметь величайшее значение для судеб войны. Рассекреченное и изданное в начале семидесятых годов под заголовком «Внутренний мир Адольфа Гитлера», исследование это скорее рисует «психологический портрет» руководства ОСС, а следовательно, и ЦРУ. Написанного на 200 страницах о Гитлере достаточно, чтобы заставить даже современных психоисториков воскликнуть: «Довольно!» То внушительный коллективный экскурс в сферу фрейдизма.

Источниками для написания исследования, законченного осенью 1943 года, послужила уже тогда объемистая литература о Гитлере, опрос лиц, знавших его лично и оказавшихся по тем или иным причинам доступными ОСС. Извлеченное из печатных публикаций и устных сообщений сравнили со скорбными листами душевнобольных и сделали вывод: «Гитлер, вероятно, психопат на грани шизофрении. Это не означает, что он безумен в общепринятом смысле, а неврастеник без надлежащих сдерживающих импульсов. Плюс страдающий раздвоением личности, в общем, тип, известный как «доктор Джекил и мистер Хайд».

Поставив диагноз душевного состояния фюрера, психоаналитики от ОСС поднялись на высоты обобщений, за-

ключив: «Ведущие войну против Германии... должны осознать, безумие фюрера стало безумием нации, если не большей части (Европейского) континента. Речь идет не о действиях индивидуума, а о взаимоотношении между фюрером и народом, безумие одного стимулирует безумие других, и наоборот. Не только безумец Гитлер создал германское безумие, но германское безумие создало Гитлера... С научной точки зрения мы должны рассматривать фюрера, Гитлера, не как воплощение дьявола с его отвратительными делами и философией, а как выражение умонастроений миллионов людей не только в Германии, но, пусть в меньшей степени, во всех цивилизованных странах. Устранение Гитлера только первый необходимый шаг, а не лечение... Мы должны обнаружить и исправить основные факты, которые вызвали этот нежелательный феномен. Мы должны вскрыть психологические истоки, питающие этот разрушительный склад ума, с тем чтобы направить их в должные каналы, что позволит дальнейшее развитие нашей цивилизации». От общего к конкретному — личности фюрера, и тут широко распахнулись двери творческой лаборатории ОСС, за которыми оказался порядком изношенный инструментарий Фрейда.

В кучу было свалено все — мессианские наклонности Гитлера и слезы над мертвой канарейкой, механизм воздействия на толпу и народ вообще, который фюрер рассматривал как женщину, вступая с толпой в сексуально-детерминированный контакт с трибуны. Отсюда парализующая эффективность, по мнению экспертов ОСС, речей фюрера. И конечно, весьма документированная история его сексуальной жизни от первоначальных наблюдений за родителями трехлетнего Адольфа! Отвергнув расхожие представления о гомосексуалистских склонностях фюрера, психоаналитики со смаком описали в мельчайших подробностях, как именно Гитлер удовлетворял свои сексуальные желания: валялся раздетый под ногами женщин, умолял бить его, в истерике настаивал, чтобы они мочились и испражнялись на него, а «великая опасность удовлетворения этой страсти состоит в том, что экскременты попадают в рот», и т. д. Клинический случай классического мазохизма, потрясавший не осведомленных в патологии партнерш настолько, что двое из них покончили с собой, а пресловутой Еве Браун согласие на экстравагантные просьбы фюрера далось с определенным трудом, через две попытки к самоубийству. Впрочем, привыкла, надо думать, автомати-

чески вогнала ему пулю из «вальтера» 6,35 в висок. Выполнила последнее пожелание фюрера.

Боги мои, боги! Зачем все это паскудство и к чему хвалебное и гадостное послесловие к отчету Д. Вайта, писанное в начале семидесятых годов с подтверждением на основе послевоенных разысканий: да, Гитлер «безмерно наслаждался, когда молодые дамы испражнялись ему на голову». И зачем заставлять читателя карабкаться по генеалогическому древу Гитлера, чтобы убедиться — его дед евреем был. Какое отношение это имело к жесточайшей войне и чем помогло выяснение этих обстоятельств Вашингтону? Как объяснил руководитель исследования У. Лангер во введении к своему опусу в 1972 году: «Если бы такой анализ Гитлера был проведен на несколько лет раньше в меньшей спешке и с большими возможностями получить информацию от очевидцев, тогда не было бы Мюнхена... президента Нго Дин Дьема — глубокое вовлечение США во Вьетнам. Исследования такого рода не могут разрешить международные проблемы. Ожидать от них этого слишком. Но они, однако, могут помочь избежать ряда серьезных просчетов, которые мы, вероятно, сделали из-за незнания ряда психологических факторов и характера лидеров, с которыми мы имели дело». По Лангеру, блистающее беспристрастностью исследование. В части странных повадок Гитлера весьма возможно, но в целом анализ Гитлера убеждает: в ОСС дисциплина была поставлена на славу, и давали «наверх», в Белый дом, только то, что могло польстить самолюбию получателя.

В самом деле, в исследовании сказано: «Есть все доказательства того, что единственный человек в мире, кто может бросить вызов Гитлеру в роли лидера, — Рузвельт. Все информаторы согласны: Гитлер не боится ни Черчилля, ни Сталина. Он считает, что они схожи с ним, он понимает их психологию и может возобладать над ними. Для него загадка Рузвельт. Как можно возглавлять 130-миллионный народ и вести его без ругани и злоупотреблений, остается для него тайной. Он не может взять в толк: лидер и в то же время джентльмен. В результате он втайне восхищается Рузвельтом независимо от того, что публично говорит о нем. Вероятно, он в той же степени боится его, как не может предвидеть его действий» [11].

Коль скоро Лангер с ученейшими коллегами списали со счетов публичные высказывания фюрера об американском президенте, а обратились к тому, что фюрер думал о нем

«втайне», то «Застольные беседы Гитлера», изданные в 1953 году, стенографические записи его изречений в тесном кругу — очень подходящий источник для выяснения именно этих мыслей Гитлера. Генеральная оценка им Рузвельта — президент «слабоумный». Он внушал своим приближенным: «Оба англосакса стоят друг друга... Черчилль и Рузвельт, что за шуты!.. Рузвельт как в политике, так и вообще ведет себя как изворотливый, мелкотравчатый еврей... а Черчилль, разнузданный боров, пьяный восемь часов из двадцати четырех». Что касается Сталина, то он, «безусловно, заслуживает уважения» и в «своем роде великолепный деятель» [12]. Риббентроп, в разгар войны ознакомившись с оценкой СССР службой В. Шелленберга, говорил ему: «Я хорошо изучил ваши специальные доклады о России и обдумал положение. Затем я пошел к фюреру и откровенно заявил ему, что наш главный и самый опасный противник — Советский Союз, а Сталин обладает большими способностями как стратег и государственный деятель, чем Черчилль и Рузвельт, вместе взятые. Фюрер разделяет это мнение и заметил, что он относится с должным уважением только к Сталину» [13].

Современные историографы американских спецслужб наверняка знают все это, но не придают этому решительно никакого значения, они горой стоят за честь мундира и настаивают — описанный анализ Гитлера безупречен. Больше того, от написанного Лангером и К° ведется отсчет аналогичных «исследований», выполненных и выполняемых ЦРУ. Р. Клин, например, бесхитростно бросает в пользу этой точки зрения не только свой профессиональный вес бывшего высокопоставленного работника ведомства, но и авторитет своей побочной профессии — заметного в США историка (его перу принадлежит один из основных томов 99-томной истории армии США во второй мировой войне — «Командный пункт в Вашингтоне»). Он без колебаний заявил: «У. Лангер руководил созданием в высшей степени точного анализа личности Гитлера, опубликованного в виде книги много лет спустя, который открыл дорогу для проведения аналогичных исследований иностранных руководителей психоаналитиками ЦРУ» [14].

И снова хочется воскликнуть — боги мои, боги! Могли ли помыслить крупные историки, из американцев приходят на ум К. Беккер и Ч. Бирд, какое применение найдет их методологический принцип релятивизма в руках ученых на

чиновничьих постах в спецслужбах. Что очень устраивает их руководителей. Г. Розицкий в 1977 году положительно гордился тем, что ЦРУ «выдает психологические портреты ведущих политических деятелей в традициях опубликованного анализа ОСС Гитлера, выполненного профессором У. Лангером»[15]. Уже и «традиции»!

Очень вероятно, что круг лиц, на которые составляются пресловутые «портреты», не ограничивается крупными деятелями. Еще более вероятно, что в ЦРУ сложилась практика заниматься этим в отношении лиц, которые сочтены опасными для существующего в США строя, не только иностранцев, но и американцев. Похоже на то, что расследование, предусмотренное законом, заменяется совершенно произвольной процедурой составления анонимными специалистами секретного «психологического портрета», на основании которого наверняка могут быть сделаны выводы в отношении этого лица, опять-таки вне пределов, очерченных законом. Оперативность налицо — вместо многотомного следственного дела тощее досье «психологического портрета», являющееся основанием для внесудебной расправы. Конечно, это дело не такого рода, о которых кричит ЦРУ на каждом перекрестке.

Случилось это уже в 1971—1973 годах. В июне 1971 года «Нью-Йорк таймс» начала публикацию отрывков из 47-томной секретной истории политики США в отношении Вьетнама. Она была написана в 1967—1968 годах по приказу отчаявшегося министра обороны Р. Макнамары, который, видя, что американская агрессия терпит поражение, поручил группе специалистов разобраться в причинах этого. 36 составителей доклада, официально именовавшегося «История принятия американских решений по Вьетнаму», получившего в прессе название «Бумаги Пентагона», «знали, — как сказано во введении к публикации, — что это, разумеется, неполная история»[16]. Но и преданного гласности было достаточно — США развязали агрессивную войну. При обмене мнениями в Белом доме министр обороны М. Лэйрд заверил, что более 95 процентов содержания материалов может быть рассекречено, «но нас беспокоил любой процент, пусть 1 процент, не подлежавший огласке», — вспоминал Р. Никсон[17]. Правительство реагировало очень остро, безуспешно попыталось запретить дальнейшую публикацию. Губернатор штата Джорджия Д. Картер воззвал к некоему сенатору позаботиться о «принятии федерального законодательства, вводящего уголовную от-

ветственность для средств массовой информации»[18] и т. д. и т. п.

Разразился скандал, в ходе которого, однако, правительство не имело полной свободы действий, ибо продолжение войны во Вьетнаме уже вызвало глубокие разногласия в самой правящей верхушке. Конечно, публикация «Бумаг Пентагона» ничего не изменила в американской политике в Юго-Восточной Азии. Р. Зигфорд, автор неопубликованной диссертации о войне во Вьетнаме, хранящейся в библиотеке Л. Джонсона, тщательно исследовав вопрос, заключил: «После сказанного и сделанного это исследование имело ничтожные результаты, если вообще о них приходится говорить для войны во Вьетнаме»[19]. Больше того, быстро обнаруженный виновник «утечки» Д. Эллсберг, помимо своей возмущенной совести — он провел 1964—1966 годы во Вьетнаме в качестве эксперта Пентагона, улетел туда «ястребом», а прилетел «голубем», — мог предъявить более существенный аттестат: человека, связанного с ЦРУ. Что до «Бумаг Пентагона», то подборка, по словам уже упоминавшегося Ф. Праути, «несомненно, преследовала цель — восхвалить высочайшим образом роль ЦРУ как разведывательной организации»[20] — правительство не прислушивалось к советам ведомства, и вот вам результат!

Это создало особое положение для Д. Эллсберга. Он совершил, следовательно, поступок, похвальный в глазах могущественных противников Никсона. Эллсберга предали было суду, но обвинение провалилось. Он буквально купался в лучах славы, его имя не сходило с первых страниц газет. Коль скоро Эллсберг оказался в фарватере мощного течения к Уотергейту, он оказался малоуязвимым.

В мае 1973 года выяснилось, что вслед за передачей «Бумаг Пентагона» в печать Эллсберг стал предметом зловещего внимания ЦРУ, получившего указание расправиться с ним. И вовсе не за то, что Эллсберг превратился из «ястреба» в «голубя». Как рассказал публицист В. Ласки в книге «Это началось не с Уотергейта» (1977 г.), Г. Киссинджер, лично хорошо знавший разрекламированного правдолюбца, доложил президенту:

> «Эллсберг знает важнейшие военные тайны, такие, как цели ядерного сдерживания». Речь шла о том, что в середине шестидесятых годов Эллсберг работал под руководством министра обороны Роберта Макнамары над определением объектов, предназначенных для ядерных ударов. Эта тайна из тайн содержалась

в секретнейшем документе — Главном интегрированном оперативном плане (СИОП). Киссинджер заявил Никсону, что утечка сведений о СИОПе будет иметь ужасающие последствия для национальной безопасности. СИОП намечал время и способы американского нападения с использованием ядерных бомб, в нем была конкретная информация о всех военных объектах, намеченных в качестве целей за железным и бамбуковым занавесом, включая количество и мощность ядерных боеголовок, предназначенных для каждой цели».

Хотя не было никаких данных, что Эллсберг собирается говорить публично о драгоценном плане СИОП, приказ президента был более чем категоричен: «Мне плевать, как это будет сделано, но сделать все, чтобы прекратить утечку информации. Я не желаю слушать, почему это не может быть сделано»[21]. По команде приказ поступил на исполнение в ЦРУ, которое провело операцию под кодовым названием «Одесса» — составление «психологического портрета» Эллсберга. Вооруженные специальным оборудованием ЦРУ, взломщики по указанию ведомства проникли в кабинеты домашних врачей супругов Эллсбергов, чтобы и там собрать недостающие материалы. К ноябрю 1971 году ЦРУ составило «психологический портрет» Эллсберга. Руководитель операции Г. Лидди напомнил помощникам президента: «Открытая часть программы — судебное преследование (имелись в виду газетчики. — *Н. Я.*) по соответствующим федеральным законам. Остальные злоумышленники должны быть найдены, и с ними надлежит расправиться не менее сурово, но иными методами»[22]. По стечению бесчисленного количества случайных обстоятельств, а скорее ввиду заинтересованности тех, кто хотел свалить Никсона, операцию «Одесса» предали гласности. Уотергейт начинался!

У. Колби, директор ЦРУ, написал в своих мемуарах:

«В мае 1973 года я прочитал в газетах историю, которая коренным образом потрясла мою жизнь и ЦРУ. Сообщалось, что во время суда над Даниэлем Эллсбергом за раскрытие им «Бумаг Пентагона» всплыло: в кабинет психиатра, пользовавшего его д-ра Льюиса Д. Филдинга, проник со взломом, использовав инструменты, полученные от ЦРУ, Х. Хант. Он искал материалы, которые затем должны быть переданы в ЦРУ и на основании кото-

рых ЦРУ предстояло подготовить «психологический портрет» Эллсберга для Белого дома. Я был потрясен и никак не мог понять, почему я ничего не знал об этом, хотя на меня возложили сбор всех материалов в ЦРУ, касавшихся Уотергейта»[23].

Мемуары Колби, конечно, отмечены особенностью жанра — ограниченной достоверностью. Но все же он мог недоумевать, ибо недоумевали и те, кто дал команду провести операцию «Одесса», в Белом доме. Там наверняка смутно представляли технику работы ЦРУ, не допускали мысли, что и умудренное опытом ведомство оставляет следы. 17 марта 1973 года состоялся поразительный разговор между президентом Никсоном и его верным помощником Дином:

«Дин: Вот теперь эти оба — Хант и Лидди... Эти типы, должно быть, идиоты, о чем мы узнали, к сожалению, поздно. Они вломились в кабинет врача Эллсберга, обвешанные с ног до головы всей этой снастью ЦРУ — фотоаппаратами и прочим. Потом они вернули аппараты в ЦРУ с непроявленными пленками. ЦРУ до сих пор не понимает, к чему все эти материалы...

Президент: Какого черта, боже мой, зачем это?..

Дин: Они пытались, что и было частью операции в связи с «Бумагами Пентагона», ну в общем, получить записи психиатра Эллсберга для каких-то целей. Ей-богу, я не приложу ума зачем...

Президент: (непечатная брань)...

Дин: Вот и получается — есть материал по поводу Ханта. Есть фото, проявленные в ЦРУ. На них Гордон Лидди, причем стоит красуясь как кретин у таблички «Вход в кабинет врача», и видно имя врача. И (непонятно) для следователя вовсе незатруднительно сообразить и спросить — а зачем ломиться в кабинет врача, — обнаружат взлом, и пойдет по цепочке — выяснят, что Лидди занимался этим, займутся им...»[24]

Собеседники совершенно точно предсказали дальнейшее развитие событий, так и случилось. Взлом кабинета врача занял виднейшее место в том, что называют Уотергейтом. Виновные пошли в тюрьму, что Никсон в воспоминаниях, вышедших в 1978 году, назвал «трагедией», ибо «Даниэл Эллсберг разгуливает на свободе»[25].

Но мы занимаемся не Уотергейтом, а констатируем в

связи с ним — в этих условиях было совершенно невозможно принимать оперативные меры по «психологическому портрету» Эллсберга. На этот раз ЦРУ потрудилось впустую.

3

История эта, помимо прочего, показывает: «наука» ЦРУ, восходящая к ОСС, дело очень тонкое, требующее высокой степени координации между высшей властью и исполнителями. Вероятно, механизм, по крайней мере в этом случае, разладился. Конечно, этого не могли предвидеть те, кто в годы второй мировой войны строил ОСС и уверенно планировал продолжение деятельности такого рода на мирное время. Под водительством Донована ОСС записало в актив множество новинок, среди которых процедура «психологических портретов» наверняка не из самых выдающихся, во всяком случае по важности.

Нет никаких сомнений, что усилия ОСС во многом содействовали практически бескровной высадке войск западных союзников в Северной Африке в 1942 году. Несомненно, ОСС сыграл определенную роль в организации движения Сопротивления в европейских странах, оккупированных Германией. Конечно, ОСС строго следовал классовому подходу, который препятствовал мобилизации демократических сил на борьбу с фашизмом. А. Гольдберг, в годы войны возглавлявший подразделения ОСС, пытавшийся внедриться в рабочее движение в европейских странах в 1946 году, бросил упрек: США «из-за невежества и страха» не оказали «демократическим силам Сопротивления в Европе ту помощь, которой они заслуживали... что сузило размах и поддержку ОСС наших союзников в подполье». Упрек, заметил в 1978 году бывший сотрудник американских спецслужб У. Пек, «противоречит собственным усилиям Гольдберга, ибо именно он сужал размах и эффективность деятельности ОСС, не финансируя в равной степени все группы Сопротивления, особенно коммунистов, а они и составляли большинство движения...» [26]. Впрочем, с какой точки зрения смотреть — для руководства ОСС то и был успех ведомства, который дал мощный толчок последующей послевоенной карьере А. Гольдберга, превратившегося в наши дни в великого «знатока» проблемы «прав человека» в американской интерпретации.

По сей день не совсем ясна роль ОСС в оргаиизации оппозиции Гитлеру в высших кругах Германии. Этим заиимался А. Даллес, и, хотя заговор против Гитлера 20 июля 1944 года провалился, мало похоже, судя по последующему пути А. Даллеса, чтобы в Вашингтоне сочли его банкротом в этой важиой операции тайиой войны. Накоиец, известио: помимо действий иа «высшем уровие», ОСС иаправлял иа оккупироваииые территории вооружеииые группы, создал, по крайией мере в Западной Европе, густую агеитуриую сеть. Доиоваи, несомиеиио, гордился в первую очередь ролью ОСС в формироваиии событий, а только потом как разведывательиого оргаиа. Когда глубокой осенью 1944 года войска западиых союзииков, оставив за собой Фраицию, встали иа граиицу Германии, он иачал хлопотать о будущем для своего ведомства. По всей вероятиости, Доиоваи счел имеиио этот момеит иаиболее удачиым, успехи ОСС, иесомиеиио облегчившие марш союзиым армиям к рейху, должиы были быть свежи в памяти высших руководителей США.

18 иоября 1944 года Доиоваи, очевидио после предварительиой устиой договореииости, подал Рузвельту бумагу, предлагая учредить после войны «центральиое разведывательиое ведомство» с обязательиым подчииением его президеиту. Задача ведомства — цеитрализовать и коордиипровать деятельиость всех оргаиов разведки, что «требуется для правительства в плаиировании и выполиеиии иациоиальиой политики и стратегии». Доиоваи приложил к докладиой проект директивы президеита, в которой иа будущее ведомство, помимо указаииых целей, возлагалось «проведение подрывиых операций за рубежом» (пуикт 3, подпуикт «е»), и даже с одобреиия президента ему «предоставлялись армейский и военио-морской персоиал для выполиеиия своих фуикций и обязаииостей» (пуикт 10) [27]. Итак, идеи Доиоваиа, определившие в коиечиом итоге структуру и деятельиость ЦРУ, с самого иачала предусматривали: иа так иазываемую «разведку» возлагается задача подрыва государствеииого строя тех государств, иа которые укажет правительство.

Не успел Рузвельт обдумать предложеиия Доиоваиа, как разразилось немецкое иаступлеиие в Ардеииах. Оио было полиой иеожидаииостью, в Вашиигтоне стали виипть разведку, прошляпившую удар гитлеровцев. Кивали и иа ОСС, хотя провалилась в первую очередь Джи-2 и т. д. По горячим следам за этим 9 февраля 1945 года

«Вашиигтои таймс геральд» и «Чикаго трибюн» намекиули в лихих статьях о плане Доиоваиа, что презндеит собирается завести «гестапо», а оио «заменнт все существующие федеральиые полицейскне н разведывательные органы, включая в армнн Джи-2, воеино-морскую разведку, ФБР, Службу внутрениих иалогов». Утечка информацнн была беспрнмерной, но кто осмелнлся вынестн дело иа страинцы газет? К. Форд в 1970 году сокрушался: «Источник ие был обнаружен». Р. Клнн в 1976 году предположил: «Э. Гувер... вероятно, сообщил о предложенни прессе», ио только в 1978 году У. Колби авторнтетио заключил: «Гувер передал это (текст докладной Доиоваиа Рузвельту) журналисту»[28]. В 1978 году быть смелым иа киижиых страинцах ннчего ие стонт. Э. Гувер уже иесколько лет как ушел в иной мнр.

Последовавшая вскоре смерть Рузвельта выбнла почву из-под иог Доиоваиа. ОСС был очень личным учреждением Рузвельта, и ои уиес в могилу замыслы, связанные с предлагавшейся Доиоваиом «разведкой» иа послевоенное время. На Трумэиа иаселн все соперннкн ОСС, стаю вел Гувер. Они указали иа очевидиое — исход войны решили миогомиллиониые армии, а где вклад ОСС? Ведомство ие отвоевало для США нн одной страны, следовательно, претеизии его преувеличены. Хорошо, ОСС делал многое, но сфера Доноваиа простнралась только от Европы до Бирмы. Геиерал Макартур ие пустнл ОСС иа Тихий океан н прекрасио обошелся с Джн-2. Взгляните на нтог войны иа Тихом океаие! Латииская Америка всю войиу оставалась за ФБР. Что, там хуже боролись с агеитурой держав «оси»? А вот свежайший прнмер: лейтеиаита нз ОСС Джоиа Бэрча после капитуляцни Япоиии послали в Китай с простейшей мнссией: помочь вызволить американских воеииопленных нз япоиского лагеря. Ротозей дал застрелить себя китайцам! *

Сопериики атаковали нменно то, чем был силен Доиоваи, — тайиые операцни ОСС. Вероятио, онн просто ие знали, по какнм нзвнлистым дорожкам правнтельство Ф. Рузвельта шло к тому, что со стороны представлялось только победами амернкаиских вооружеиных сил. Трумэи! Что Трумэи! Оружне, нзготовленное по руке поли-

* К. Форд замечает: «Хотя Бэрч не отлнчался резкнми правыми взглядами, спустя годы нмя этого раннего мученика коммунизма было экспропринровано амернканскнм экстремнстскнм правым обществом».

тического тяжеловеса Ф. Рузвельта, — ОСС — оказалось неподъемным для человека, который какнх-инбудь полгода назад был сенатором. Подтянуть тайные нити, ослабевшне со смертью Рузвельта, да н вообще с концом войны, еще предстояло, а постный Гувер поджимал рядом губы. Трумэн н распустил ОСС, точнее, разделил на две частн: РА ушло в госдепартамент, а подразделення агентурной разведки н контрразведка — в военное мнннстерство.

Но уже 22 января 1946 года Трумэн учреднл Центральную разведывательную группу, восстановившую некоторые функцнн ОСС. Летом 1946 года Трумэи дал понять Гуверу, кто хозяин, — компетенция над Латинской Амернкой была отнята у ФБР и передана этой группе. Было сделано то, чего не мог добиться Донован при Рузвельте. Тем временем, сказано в офнцнальной нсторни ЦРУ, «в марте 1946 г. разведывательные органы армни, флота н авнацнн получнлн прнказ совместно с Центральной разведывательной группой в максимально кратчайшнй срок дать самую квалнфнцнрованную разведывательную оценку Советскому Союзу». Шнроко задуманное нсследованне начали в атмосфере лихорадочной поспешностн... Прн его выполненнн с самого начала выявилось резкое противоречие... Каждое ведомство было заинтересовано в нем только с точки зрения своих интересов... Предполагавшееся значенне Центральной разведывательной группы как связующего звена между различными министерствами было сведено до ролн заурядного редактора. Доклад был закончен лишь спустя два года, в марте 1948 г.» [29]. Закончен тогда, когда ЦРУ уже было создано н прнступнло к функционированию.

4

Шпионаж в общепрннятом смысле, конечно, был заботой ЦРУ с первых дней его существования, но это была рутинная деятельность, не вызывавшая особых эмоций у сотрудников ведомства. Работа как работа. Подлинный душевный подъем у тех, кто заполнял бесчисленные вакансии в стремительно развертывающемся ведомстве, вызывала официально санкционированная функция ЦРУ — «тайные операции», проще говоря, подрывная деятельность. Подавляющее большинство сотрудников

ЦРУ видели в этом смысл создания ведомства и смысл собственной жизни.

Знаток тайных дел Ф. Праути во всеоружии долголетнего опыта указал:

«ЦРУ использует свою функцию разведки для прикрытия оперативной работы. Больше того, ЦРУ использует собственную разведку как инициатора своих тайных операций. Именно это понравилось в свое время генералу Доновану, когда президент Рузвельт спустил его с цепи во главе ОСС, и именно это является движущей силой кадровых работников ЦРУ с тех пор» [30].

То были волнующие дни и годы для ветеранов ОСС, вернувшихся к своим занятиям. Пишет Г. Розицкий:

«Весной 1948 г. Белый дом считал, что война с Советским Союзом на пороге... В умах работников управления специальных операций ЦРУ на этот счет не было никаких сомнений. Враг — Советский Союз, и «советская цель» — наша миссия. Мы профессионально и эмоционально посвятим себя только этой задаче. Мы рассматриваем себя такими же участниками американского крестового похода против Сталина, как были против Гитлера. Мы работали днями и ночами без выходных в обстановке нарастающего напряжения. Холодная война была горячей для наших оперативников, на карте стояла жизнь агентуры. Даже ныне, когда о настроениях того времени можно судить относительно спокойно, трудно определить общую общественную атмосферу, в которой мы начали нашу работу. На ум сразу приходят термины «истерия» и «паранойя». И если основное значение первого — «эмоциональная возбудимость», а второго — «постоянная мания преследования», то они подходят. Однако термины эти несут очень большую смысловую нагрузку, и стоит прибегнуть к более спокойному определению — «образ мышления холодной войны» [31].

Настроения эти генерировались на вершине американской государственной пирамиды, откуда исполнителям, в том числе ЦРУ, спускались надлежащие директивы и инструкции. В официальной истории ЦРУ особо выделяется, что «предложения о начале тайных операций первоначально» исходили не от разведывательного сообщества, а были выдвинуты правительством, которое уже в декабре

1946 года дало указание о веденин «пснхологнческой войны» в мирное время. Первоначально постановнлн возложнть проведеиие ее на государственный департамент, получнлн иа это одобреиие Трумэна, но быстро одумалнсь. Государствеииый секретарь Д. Маршалл «яростно выступнл против, указав, что, если такая деятельиость госдепартамента будет разоблачеиа, это поставит его в затрудиительиое положеиие н дискредитирует амернканскую виешиюю полнтнку». Директивой Совета нациопальной безопасиостн СНБ 4/А от 14 декабря 1947 года веденне «психологической войиы» было закреплено за ЦРУ. Официальиая история ЦРУ продолжает:

«Дипломаты н военные, разумеется, хотели сохранить коитроль за тайными операцнямн «пснхологнческой войны», но ие хотели нестн ответствеиностн за оперативиую работу. Миинстерства боялись разоблачения их связн с проведеинем этнх деликатных операций. ЦРУ предоставляло все преимущества для проведеиия тайных операций. Больше того, по положению иа 1947 год треть сотруднннов ЦРУ былн выходцами нз ОСС. Налнчие кадров бывшего ОСС, нмевших опыт в этих делах в военное время, давало возможность ЦРУ быстро планнровать н проводить надлежащие действия. Это в сочетании с имевшнмся аппаратом обеспечения за рубежом дало возможность ЦРУ иемедлеиио приступить к действиям. Кроме того, ЦРУ располагало неподотчетиыми фондами для шпиоиажа, следовательно, не было необходимости обращаться к коигрессу за дополннтельнымн ассигноваииямн. Коль скоро мннистерства не захотели взять иа себя рнск, связанный с тайиымн операцнями, ЦРУ и явилось подходящим механизмом для проведеиия нх».

Операции «психологической войны» согласио днрективе СНБ 4/А определялнсь примерио следующим образом: «Ведеиие пропаганды, в том числе с нспользованнем аноиимых, фальсифнцироваииых нли негласно субсиднруемых публикаций; полнтические действня с привлеченнем лиц без граждаиства, нзмеииников и поддержка полнтических партий; квазивоеииые методы, включая помощь повстаицам и саботаж; экоиомические действия, связанные с валютиыми операциями»[32]. ЦРУ по уши окунулось в эту работу, естествеиио, в первую очередь в более доступной сфере — в капнталистнческнх странах, начав

борьбу с прогрессивными силами. К нашему времени хорошо известно, что именно через ЦРУ Соединенные Штаты стремились подорвать в Западной Европе рост авторитета и влияния коммунистических партий, в особенности в Италии и Франции.

Директивы Совета национальной безопасности, например, относительно действий в Италии, опубликованные в США с тех пор, пестрят отточиями после указания на необходимость принятия «всех осуществимых мер». Р. Клин замечает: «Эти три-четыре точки в документах СНБ точно указывают, когда «все осуществимые меры» — не допустить победы коммунистов на апрельских (1948 г.) выборах — переходили в такие тайные действия, в которых дипломаты из американского посольства не могли прямо участвовать». Хорошо, оставим это. Но и в опубликованной части директивы СНБ 1/2, касающейся Италии, значилось: в случае победы коммунистической партии на парламентских выборах «поставлять вооружение и снаряжение в Италию при условии, что оно попадет только в руки антикоммунистических сил и не будет допущено, что им завладеют коммунисты» [33]. ЦРУ провело массированное вмешательство во внутренние дела Италии. И все под флагом борьбы с Советским Союзом!

То были времена «плана Маршалла», оглушительной пропагандистской кампании на Западе, расписывавшей на все лады блага американской «помощи». Усиленно лепился образ «бескорыстной» Америки. Как совместить высокую риторику с наглой подрывной деятельностью, которую Вашингтон, в первую очередь через ЦРУ, развернул буквально по всему миру? «Проколы» начались почти немедленно, то там, то здесь вспыхивало возмущение по поводу бесцеремонных действий американских спецслужб. В Вашингтоне отчетливо видели опасность последствий разоблачения подрывной работы. Великие умы Совета национальной безопасности озаботились сочинить и вручить ЦРУ 18 июня 1948 года директиву СНБ 10/2 по поводу проведения «специальных операций». Впервые опубликованная в 1978 году, эта директива беспримерна по цинизму. В ней упорядочивалось ведение ЦРУ подрывной работы, для чего учреждалось специальное управление. Дабы руководство ЦРУ точно знало, чего от него ждут, в директиву СНБ 10/2 был вписан пункт, дававший исчерпывающее определение указанной деятельности:

«Под термином «тайные операции», употребляющимся в этой директиве, следует иметь в виду все виды деятельности (за исключением оговоренных ниже), которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник — правительство США, а в случае ее разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее.

Эти тайные операции включают: пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж, противодействие саботажу, разрушения и эвакуацию; подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению Сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения, — поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой. В число таких действий не входит вооруженный конфликт с участием регулярных вооруженных сил, шпионаж и контршпионаж, прикрытие и обман в интересах ведения военных операций» [34].

Положения, сформулированные в директиве СНБ 10/2, окончательно определили роль ЦРУ как орудия для подрыва государственного строя других стран, в первую очередь Советского Союза. Эта директива, отмечено в официальной истории ЦРУ, «уполномочивала гигантское увеличение размаха тайных операций против Советского Союза, включая политическую и экономическую войну, квазивоенные операции». Один из инициаторов директивы СНБ 10/2, Д. Кеннан, давая показания в комиссии Черча в 1975 году, прослеживая меры, принятые в ее исполнение, заметил: «Дело пришло к созданию внутри ЦРУ управления для ведения этой деятельности, в котором занято очень много народу. Развитие пошло не так, как полагал я и мои коллеги в государственном департаменте. Мы-то думали, что этот орган будет действовать только в случае необходимости».

Речи Кеннана в 1975 году носили, мягко говоря, странный характер, та самая «необходимость» подрыва государственного строя СССР в глазах, определяющих

работу ЦРУ, введена как постоянная функция. Соответственно и развертывались надлежащие подразделения ЦРУ, объединенные тогда в рамках управления координации политики (ОПК). Аппарат ОПК действительно был громадным, уже к 1952 году его отделения были в 47 странах.

В официальной истории ЦРУ эпически повествуется: «В политических директивах, спускавшихся ОПК, эта деятельность поощрялась, причем не предусматривалось ее тщательной проверки и контроля. Должностные лица во всем правительстве считали Советский Союз агрессором, и действия ОПК обосновывались на основании этого всеобщего убеждения. В серии директив СНБ, которыми утверждались тайные операции, выдвигались самые широкие цели, и в самых дерзких выражениях требовалось лицом к лицу встретить советский вызов. После первой директивы в 1948 году директивы 1950—1951 годов требовали усиления этих действий, причем их критерии не устанавливались... Два поколения сотрудников ЦРУ выросли при этой системе»[35]. У. Колби подчеркивает: «С созданием ОПК завершилось развертывание ЦРУ... и на протяжении последующих двух десятилетий ведомство существовало почти точно так, как планировал Донован будущее для ОСС»[36].

Помимо чисто оперативных задач, директива СНБ 10/2 ввела в обиход официальной американской политики доктрину «правдоподобного отрицания». Решением Совета национальной безопасности ложь отныне становилась инструментом государственной политики, о чем официально доводилось до сведения американских спецслужб как руководящий принцип их работы. Выдвинутая первоначально для обслуживания нужд ЦРУ, доктрина «правдоподобного отрицания» завела Соединенные Штаты очень далеко. Как заметил Г. Розицкий, «тайные операции при президенте Трумэне редко становились предметом общественного внимания, и для правдоподобного отрицания требовалось немногим больше, чем заявление «никаких комментариев». При президенте Эйзенхауэре тайные операции достигли своего расцвета, пятидесятые годы — десятилетие широких тайных программ. Эйзенхауэр санкционировал операции в Иране, Гватемале и против Кубы, расширил механизм тайной пропаганды, созданной при президенте Трумэне, и бесконечно вмешивался во внутренние дела других стран»[37]. В результате

«правдоподобные отрицания» нарастали как снежный ком.

Если так, тогда проясняется генезис широко известного «кризиса доверия», поразившего Соединенные Штаты на рубеже шестидесятых и семидесятых годов. Он при ближайшем рассмотрении оказывается не результатом стечения обстоятельств и дефектов государственных деятелей, а следствием распространения норм работы ЦРУ на официальную политику Вашингтона. Обо всем этом, особенно в связи с Уотергейтом, было сказано в США немало неприятных слов по поводу вашингтонских порядков.

Конечно, после редакторской правки. А вот уже упоминавшаяся неопубликованная диссертация американского исследователя о риторике президентов Джонсона и Никсона касательно войны во Вьетнаме завершается просто и сурово:

> «Самый ужасающий побочный продукт нечестности правительства — полное отсутствие раскаяния. Заявление, которое изобличается как ложное, объявляется Белым домом «недействительным», сознательная ложь перед сенатом — «ошибкой». Правительство, считающее себя выше закона во внешних делах, скоро обращается к нацистской тактике в делах внутренних. В результате «Большая Ложь» стала составной частью американской системы правления, и обычный гражданин ныне не защищен от преступных посягательств правительства... Одну и ту же риторику использовали, ввергая страну в войну во Вьетнаме и вытаскивая ее из преступной трясины Уотергейта. Пикантная ирония в том, что президент Никсон воскресил риторику, которая в конечном счете развалила великое большинство, шедшее за Джонсоном, а особенно смехотворно: примитивная и серая риторика, бесконечно вращающаяся в том же круге, дает возможность успешно, без конца обманывать большинство народа» [38].

Оттого, что доктрина «правдоподобного отрицания» была безмерно растянута, примитивности и серости в ней не убавилось.

По основательной причине: это средство вполне соответствует целям, для которых оно было изобретено и применяется.

5

У. Колби вспоминал о начале своей работы в ЦРУ в первой половине пятидесятых годов:

> «На меня была возложена задача создать необходимую тайную организацию в некоторых Скандинавских странах. Центральные подразделения ЦРУ в этих целях направили в Скандинавию американских агентов под видом бизнесменов и других. Согласно нашей практике американские власти, президент США или его посол могли бы выступить с «правдоподобным отрицанием» своей роли, если бы не была доказана связь этих агентов со мною, штатным сотрудником ЦРУ, работавшим в посольстве США. Это означало, что я должен был поддерживать связь с этими агентами столь же тайно, как будто речь шла о настоящих шпионах».

К чему такие предосторожности? Колби был вовлечен в великолепное предприятие: согласно тогдашним американским планам войны против Советского Союза, как мы видели, на первом этапе боевых действий планировалось отступление перед Советскими Вооруженными Силами из Западной Европы. Поскольку война ожидалась в самом ближайшем будущем,

> «если русские сумеют взять все или некоторые страны Европейского континента, ОПК хотело заранее создать возможности для введения в дело хорошо вооруженного и организованного движения против оккупантов. В отличие от оперативных групп, которые ОСС посылало в годы второй мировой войны для помощи маки и другим движениям Сопротивления, на этот раз ОПК не рвалось вооружать и организовывать этих партизан после оккупации, прибегая к таким опасным и малонадежным операциям, как ночные полеты, сброс вооружения и снаряжения, выброс парашютистов по ту сторону фронта. Теперь мы намеревались создать условия для сопротивления до оккупации, больше того, еще до начала боевых действий. Мы были преисполнены решимости немедленно организовать и снабдить сопротивление, пока располагали временем с минимальным риском. Итак, ОПК выполнило крупную программу создания в тех европейских странах, которые представлялись потенциальными целями советского наступления, то-

го, что на жаргоне разведки называется «оставленные позади гнезда», — тайную инфраструктуру, руководителей, вооружения и снаряжения. Все это предстояло ввести в действие в надлежащее время для проведения саботажа и шпионажа».

По странам Западной Европы зашныряли американские агенты, насаждая в них агентуру с проблематичной задачей когда-то воевать, а пока поступивших на службу спецслужб США. Устраивались тайные склады оружия, устанавливались радиопередатчики, подбирались места для совершения диверсий на коммуникациях, объектах, имеющих важное значение, и пр. Часть агентуры из местного населения, завербованная ЦРУ, проходила специальную подготовку. Вот что пишет Колби о своей работе в Скандинавии:

«Сеть из местных граждан создавалась так, что их правительства ничего не знали об этом. Я не могу уточнять страны, ибо это не только нарушит подписку, данную мною ЦРУ, но и договоренность, достигнутую с ними о сотрудничестве тогда, на которой основывается и любое сотрудничество в будущем... Во всех странах, несмотря на их очень различные политические отношения с США и СССР, предание огласке того, что ЦРУ создало «оставленные позади гнезда» в предвидении советской оккупации, заставило бы соответствующие правительства немедленно положить конец этой программе»[39].

Вне всякого сомнения, эта деятельность ЦРУ была ярко выраженной подрывной работой, провокационной в отношении Советского Союза, и в то же время наглым вмешательством во внутренние дела государств Западной Европы. Нет необходимости обладать большим воображением, чтобы представить себе, какое давление эта «инфраструктура», созданная для большой войны, оказывает на прогрессивные силы в данной стране.

ЦРУ поторопилось создать вооруженное антисоветское подполье в нашей стране. Засылка агентуры в СССР приобретает широкий размах с 1949 года. Сухопутным, морским и воздушными путями бандиты, прошедшие подготовку в различных школах ЦРУ, пытаются проникнуть на территорию нашей страны из Скандинавии, Западной Германии, Греции, Турции, Ирана и Японии. Помимо попыток создания подпольных вооруженных банд, им вменялся в обязанность сбор военной информации. Разгар

этой деятельности падает на 1949—1954 годы. Частично самолеты, нарушавшие советское воздушное пространство, принадлежали непосредственно ЦРУ, а частично главным образом девятой воздушной армии США, дислоцировавшейся в Западной Германии.

Решение о заброске важнейших агентов иногда принималось на самом высшем уровне. В одном случае, относящемся к президентству Эйзенхауэра, дело выглядело примерно так. Директор ЦРУ А. Даллес явился на дом к брату — государственному секретарю Д. Даллесу и оповестил его о великих результатах, каковые воспоследуют от очередной тайной операции. Госсекретарь, не сходя с места, соединился по телефону с Эйзенхауэром. Итак: «Босс, как ваши успехи на «Бернинг Три» (площадка для игры в гольф) сегодня?.. Ну, шесть лунок лучше, чем ничего... Да, я говорил с Алленом. Он хочет получить у вас одобрение одного дельца. Он думает, что это важно и поднимет мораль ребят Фрэнка (Ф. Визнер, глава ОПК). Знаете, со времен Гватемалы и Кореи мы их не очень загружали. Вы встретитесь с ним завтра? Прекрасно. Как мама (супруга президента)? Хорошо, босс, я скажу Аллену. В 9.30 утра завтра. Спасибо, всего хорошего» [40]. Только и дела. Операция согласована, господа договорились. А несколько дураков, завербованных ЦРУ, отправляются на верную гибель.

Первоначально, особенно имея в виду предстоявшую вскоре войну против СССР, в ЦРУ были преисполнены самых радужных надежд, засылая агентуру в СССР. В какой-то степени эти надежды питались тем, что ЦРУ получило в наследие материалы гитлеровских спецслужб, работавших против Советского Союза. Например, всю технику изготовления советских фальшивых документов. Однако очень скоро первоначальный оптимизм рассеялся как дым. «Теоретические» представления, господствовавшие в ЦРУ, проводившем прямые аналогии с работой ОСС, — американская агентура встретит-де в социалистических странах радушный прием в «подполье», — рухнули. Такового не было в помине. За исключением единичных случаев, агенты ЦРУ не находили сообщников. В этом отношении, сухо комментирует Р. Клайн, «наследие ОСС оказалось в лучшем случае весьма сомнительным, а иногда оборачивалось катастрофой» [41]. Последнее верно — стопроцентная ликвидация забрасываемой американской агентуры, конечно, была катастрофой для ЦРУ.

Руководство ведомства к середине пятидесятых годов погрузилось в размышления весьма тягостного свойства. Розицкий, один из руководителей засылки агентуры в СССР по воздуху, подвел итог: «При ретроспективном взгляде нетрудно подвести итог ударной программе заброски агентов: результаты не оправдали затрат... Я имел беседу с новым директором ЦРУ (А. Даллесом). Проанализировав результаты со времени первой выброски в 1949 г., он задумчиво прокомментировал: «По крайней мере, мы получаем опыт, необходимый для следующей войны». А эта война для него, как многих других в Вашингтоне, была близка. Заброска агентов с радиопередатчиками по воздуху практически прекратилась в 1954 году. Дело было не только в том, что потери и затраты были слишком высоки... Незаконные нарушения советского воздушного пространства были сочтены тем, чем они всегда были, — прямой провокацией»[42].

Отчего вдруг в ЦРУ вспомнили о «законности», в данном случае о международном праве? По многим причинам. Какие бы соблазнительные аналогии руководство ЦРУ ни проводило в соответствии с преобладавшей тогда в Вашингтоне теорией о «тоталитарной модели» социализма, печальный, чисто эмпирический опыт — провал всех и каждого американских агентов — указывал на другое: морально-политическое единство советского общества. Их судьбы были куда красноречивей, чем болтовня «советологов», начавших размножаться в то время в США в академической общине. По всей вероятности, не теоретические споры, а практика ЦРУ именно в это время показала, что направление в «советологии», разрабатывавшее «тоталитарную модель» социализма, является тупиковым. Адепты его были вынуждены переквалифицироваться, сочинять иные теории.

Главное, однако, заключалось в том, что в августе 1953 года Советский Союз разработал термоядерное оружие. Причем транспортабельный образец появился у нас раньше, чем в Соединенных Штатах. Это не могло не потрясти американских политиков и стратегов. В этих условиях «прямые провокации», проводившиеся ЦРУ, представлялись не только безрассудной, но просто опасной затеей. Одно дело разговоры о войне, планирование ее, но термоядерная война! Р. Никсон записывал обмен мнениями на заседании Национального совета безопасности 25 марта 1954 г.:

«Обсуждалась стратегия США в случае большой войны с Советским Союзом. В комитете начальников штабов возникли разногласия по этому поводу. Президент высказался так пылко, как я никогда не слышал его. Он указал, что это прежде всего прерогатива главнокомандующего. Он указал — единственный образ действия для нас с началом войны добиться победы. Ни при каких обстоятельствах мы не должны сдерживаться в нанесении ударов из-за того, что кто-то считает, что тотальная победа создает-де больше проблем, чем добытая методами ограниченной войны. Он подчеркнул, что перед лицом врага, имеющего такие виды вооружения, не может быть и речи о ведении ограниченной войны. Дело идет о бомбах фантастической разрушительной силы, потери в первый день войны достигнут 7 миллионов, а на другой, возможно, 8 миллионов человек».

Лидеры конгресса, прослышавшие о мрачных предсказаниях президента, явились к нему посовещаться, не пора ли ознакомить народ с ужасами термоядерной войны. Эйзенхауэр призвал крепить гражданскую оборону, что потребует времени. Сенатор Е. Милликин заметил:

«Ну, если дела так плохи, нам остается вымазать зады мелом и бежать как антилопы». Все присутствующие рассмеялись, однако смех Эйзенхауэра был невесел. Когда совещание возобновилось, он довольно сухо сказал: «У нас, пожалуй, не будет времени мазать мелом зады, если они начнут сбрасывать бомбы, а мы не будем готовы» [43].

При сложившемся соотношении сил то, что составляло предмет первоочередных забот ЦРУ, — прямые подрывные действия грозили Соединенным Штатам самыми фатальными последствиями. Усилия ОПК, работавшего в предвидении близкой войны, очевидно, вели к превращению ее из возможности в реальность. Генерал-президент Эйзенхауэр достаточно ясно предвидел, что она принесет самим Соединенным Штатам.

Пришлось забить отбой. Не в том смысле, что США отказывались от своего курса в отношении Советского Союза, определенного высшим государственным руководством, а о пересмотре приоритетов.

На служебном жаргоне ЦРУ СССР во всевозрастающей степени определялся как «твердая цель», о которую

обломилось оружие, составлявшее в свое время гордость ОСС. Руководство ЦРУ никак не могло взять в толк, что методы, примененные ОПК в пятилетие описанной «ударной» программы, — попытка с негодными средствами экстраполировать возможное в отношении режимов, ненавистных народам, на народное государство с нерушимым единством партии и народа. Несостоятельность подрывной работы в те годы определялась не нехваткой материальных ресурсов или дефектами технических средств — было брошено все, — а глубокой порочностью политической концепции, которую поставило во главу угла ЦРУ, взявшись за подрыв советского общественного и государственного строя.

Коль скоро методы из арсенала ОСС оказались негодными, руководители ЦРУ с душевным отчаянием отложили их в сторону. Разумеется, не окончательно и не навсегда, вплоть до наших дней да и в будущем их рецидивы есть и будут. Задача, как рассудили в ЦРУ, состоит в том, чтобы размягчить ту самую «твердую цель» — Советский Союз, взявшись за дело изнутри. Это, собственно, видно из уже разобранных выше директив Совета национальной безопасности. Перестройка оказалась длительной и мучительной. Ее удобно рассмотреть на взаимоотношениях ЦРУ с НТС, для чего совершенно обязательно нужно проследить генезис и очертить общие контуры этой организации.

6

Скажи, кто твои друзья, я скажу, кто ты. НТС, как лакмусовая бумажка, проясняет самые неприглядные стороны деятельности ЦРУ, хотя эта организация насчитывала к моменту возникновения ЦРУ почти два десятилетия своего существования.

В истории случалось не раз: когда силы новые и могучие побеждали, жизнь для служителей пропащему делу останавливалась на том рубеже, где они потерпели поражение. Они продолжали влачить физическое существование, но годы шли фантомами, а реальную ценность имели только воспоминания. Живя в прошлом и только прошлым, они никак не могли понять, как же все это случилось, и не раз в горестных размышлениях перевоевывали проигранные сражения.

В таком положении оказалась белая эмиграция после Великого Октября и разгрома в гражданской войне в России. Зализывая раны, эмигранты по понятной человеческой слабости были склонны представлять свои прошлые деяния в величественном и очень героическом плане. Родилась легенда о «белом деле», ослепительно чистом, почти стерильном. Эмиграция жила в призрачном мире неосуществленных замыслов. То, что в России победил народ, объявлялось сатанинским наваждением. Достаточно крепко верить, поминать павших, и дьявольские чары рассыплются А рядом подрастало молодое поколение — дети эмигрантов. Воители проигранного дела видели в них своих продолжателей.

Отцы сумели воспитать в части эмигрантской молодежи лютую ненависть к Родине, отравленные ядом антисоветизма сыновья нашли, что у «белого движения» была нехватка решительности. Их отношение к наставникам легко укладывается в лермонтовские строки:

Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Юные фанатики сочли, что отцы промотали не только Россию, но и приличные состояния, обеспечившие бы им безбедную жизнь. В бой за утраченное! Прозаические и глубоко понятные цели — эмигрантские карманы пусты. К тому же дело-то было определенно святое. Не кто иной, как митрополит Антоний, в двадцатые годы утверждал: «Властью, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие, против красной сатанинской власти подымаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем за русское Христово дело. Прежде всего благословляю всякое оружие и работу «Всенародного Братства Русской Правды», которое уже немало лет словом и делом ведет борьбу бротив красного сатаны во имя Бога и России. Милость Господня да почиет над каждым, кто вступил в братские ряды либо придет на помощь Братству».

В первые годы эмиграции ненавистники Страны Советов объединялись в Российском общевоинском союзе (РОВС). Они продолжали вооруженную борьбу против Советской власти в бандах, переходивших через советский кордон, засылали к нам террористов и диверсантов. Но безуспешно. Примерно по тем же причинам, по каким в 1949—1954 годах потерпело поражение ОПК ЦРУ, су-

нувшееся было по тропам, истоптанным десятилетия назад бандитами РОВСа. Выступая в октябре 1977 года на ежегодной конференции НТС во Франкфурте-на-Майне, некий Чикарлеев напомнил: «РОВС вел борьбу своими методами, но в какой-то момент эти методы, может быть, не соответствовали условиям. И когда под ударами врагов РОВС стал терять силу, появились «нацмальчики» (их тогда так окрестили за молодость и национальную направленность), эти вот наши старшие товарищи из НТС». Надо думать, последние вспомнили — речь шла о начале тридцатых годов.

Тогда в Югославии скопилась масса эмигрантов. Полицейский режим в стране, дремавшей под жарким балканским солнцем, был беспечно благодушен к правым, и борцы с коммунизмом без труда оформили свою организацию. На белградских пляжах, на тайных сходках в убогих квартирах молодые люди, не нюхавшие пороха на полях гражданской войны в России, быстро решили, что им под силу свалить Советскую власть.

На балаганных съездах в 1932 и 1934 годах был оформлен НТСНП (Национально-трудовой союз нового поколения), впоследствии переименованный в НТС (Народно-трудовой союз российских солидаристов). Основатели организации тогда постановили: лица старше 1895 года рождения не допускаются.

В теоретические программные тонкости пока особо не вникали. Сурово решили: основной метод борьбы — террор. Штаб-квартиру на Ранковой улице в Белграде обозвали «Ранка-Пуста» аналогично «Янка-Пуста» — так называлось гнездо террористов, убивших в 1934 году в Марселе короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Барту. И дело завертелось. Началось составление самых сумасбродных прожектов, которые на бумаге выводили молодых антисоветчиков к желанной цели — уничтожению народной власти в нашей стране. Но за словами последовали и дела.

Единственный оставшийся ныне в живых от тогдашнего исполнительного бюро организации В. Д. Поремский в конце 1974 года с легко различимой тоской о минувшем вспоминал о временах до второй мировой войны: «Больше же всего нас возмущали политические споры, которые сводились к поиску виновных в катастрофе, причем каждый сваливал вину на другого: монархисты на кадетов, кадеты на социалистов и т. д. Мы резко отгородились от

всей этой эмнграитской толчен... Уже к коицу трндцатых годов мы стали посылать в Россию иашнх лазутчнков. Оии отправлялнсь туда не с туристскнми внзамн: они шлн через строго охраияемую границу, ползлн под проволокой, бежали иочью по вспахаиной полосе, посыпая свои следы перцем, чтобы нзбежать погоин сторожевых собак. Шли вооруженные. Некоторые нз ннх погнблн от пуль погранохраиы, другне были захвачеиы и расстреляиы. Немиогне смоглн вернуться обратно через ту же граиицу».

Подпольщнков и террорнстов из энтээсовцев не получилось. Как дело доходило до практическнх действий, нервишки сразу подводнли, явствеиио обозиачалась дрожь в колеиках. Но иеиавистн к советскому строю не убывало. Правда, методы их борьбы зачастую рождалнсь бессилием. На этот счет есть авторнтетиое свидетельство председателя НТСНП в 1930—1940 годах Днвнича.

Отдав организацин более трндцати лет, в сущности всю сознательную жнзиь, Днвннч увидел свет незадолго до смертн н иапнсал впечатляющую кингу-покаяние. Оглядываясь иазад — зарубежье, связн с гитлеровцами в годы войны, работу иа западные спецслужбы после иее, — Дивиич пнсал: «Миого лет я пылал злобой ко всему советскому... Все, что мие удалось узнать положительиого о советской снстеме, я, точио глухарь иа току, пропускал мнмо ушей. Мой мозг был прнспособлен изыскнвать во всем только теневые стороны советской жнзии. Смешно вспомнить, до чего я был одержим ненавистью. Я взял себе за правнло и привнвал его своим едниомышленинкам, вставая утром, планнровать, что я сделаю вредного для Советской властн, а вечером подводить нтогн, чтобы «иедаром» прожнть день. Когда деиь иичего ие прииоснл, я рекомеидовал хоть плюиуть иа портрет в газете кого-либо из руководителей... грозил худосочиым кулачонком, пугал комариным писком и показывал фигу из кармана иесущемуся вскачь ие Медиому всадинку, вздыбнвшему покой московской Руси, а стихни, зажегшей освободительиый огонь в мнллиардах душ. Точио слепой бродил я в потемках, ие подозревая, что сам гасил себе свет».

Еще в трндцатые годы НТС завязал связн со многнмн разведками — от польской до японской. Зоологнческнй антнсоветизм обеспечивал энтээсовцам велнколепиые верительные грамоты в дверях иностраиных разведок. Но уже тогда профессиоиалы темиых дел сообразнлн: между

претензиями и возможностями НТС дистанция громадного размера. Разглагольствования энтээсовцев о том, что у них бездна сторонников в СССР, при ближайшем рассмотрении оказывались липой. Так они мыкались до начала сороковых годов. Звездный час «нацмальчиков» настал 22 июня 1941 года. Фашистская Германия напала на Советский Союз.

О том, что они делали в ту тяжкую для Советской страны годину, безудержно болтливые в других случаях, энтээсовцы в наше время предпочитают помалкивать. Но концов не скрыть. В октябре 1974 года разразился очередной скандал на очередном шабаше НТС. 20 октября во Франкфурте собрались на расширенное заседание издательства «Посев» активисты НТС. Они учтиво поздравляли друг друга с тем, что являются врагами коммунизма и любят западные спецслужбы. Тут слово взял некий В. И. Файнберг, приехавший из Израиля, он горячо поблагодарил НТС за прекрасные намерения и от всего сердца пожелал: чтобы эти намерения претворились в жизнь, НТС необходимо как-то реабилитировать свое поведение в годы прошедшей войны.

В каких точно выражениях оформил свои светлые мысли Файнберг, неизвестно, но даже в пересказе «Посева» его выступление выглядит следующим образом: «Откуда пошел НТС, не знаю... Факт остается фактом, что во время второй мировой войны некоторые из членов НТС служили во власовской армии, а последняя служила немецкой армии. Русский человек знает, что во время войны было потеряно 20 миллионов, что немцы занимались геноцидом не только евреев, но и славян, и других народов. Как вы сможете объяснить ему, что у членов НТС и власовцев были далеко идущие цели?.. Русскому человеку этого не понять. Скажу откровенно, мне тоже не понять... Поэтому я думаю, что, если вы хотите, чтобы люди пошли за вами, вы должны отмежеваться от своих старых идей».

Ответить сомневающемуся взялись самые крупные тузы НТС. Председатель НТС А. Н. Артемов рявкнул: «Такому сеянию раздора и ненависти мы можем успешно противопоставить только гранитную скалу доверия и братской любви. Мы должны исходить в наших взаимоотношениях из презумпции порядочности». А что делал НТС в войну? Да ровно ничего криминального. Артемов, на его взгляд, привел убийственный аргумент: «Программы НТС до 1946 года не было», а посему у нас руки-де чистые. По-

ремский тут же поклялся: «Программы у нас не было, а были лишь так называемые идейные положения, изложение которых занимало всего лишь две-три страницы печатного текста». Был мобилизован актив редакции, и косяком пошли статьи. Некий Коржавин изрек: «Ведь не все имеют возможность лично приехать во Франкфурт и лично убедиться, с кем имеют дело. Но те, у кого эта возможность есть, должны все-таки научиться доверять своим глазам и сердцу. И делам — хотя бы того же «Посева». Надо доверять людям, внушающим доверие».

Отчего, в самом деле, не доверять, если так просят. Только как насчет «чистых агнцев» — энтээсовцев, не имевших программы? Вот брошюра, состоящая не из 2—3, а из 96 страниц. На обложке значится: «Программные положения и Устав Национально-трудового союза нового поколения», Белград, 1938 г. Напечатана в типографии «Меркур», Топличан Венац, 10.

Там четко и ясно объявлялось, что цель НТСНП· «1. Свержение коммунистической власти... 8. Установление права частной собственности... 10. Недопущение проявления классовой борьбы». Эти положения набраны большими буквами жирным шрифтом в начале брошюры, дабы, видимо, подчеркнуть крайнюю решимость. «Нацмальчики» возглашали, что они организуют «национальную революцию», которая явится «завершением начавшейся в 1917 году революционной эпохи». Они мысленно уже победили и поэтому записали: «Вся полнота государственной власти должна принадлежать Правителю России, обладающему диктаторскими полномочиями, и назначенному им правительству».

В «Программных положениях» были указания, особенно зловеще звучавшие в канун второй мировой войны, когда фашизм готовился обрушить войну на человечество: «Единственное средство избавления России... полное и безусловное уничтожение большевизма. Борьба с большевизмом не может быть приостановлена никакими обстоятельствами, даже войной. Напротив, в обстановке войны легче и скорее организуются народные массы для борьбы с большевизмом, для участия в Национальной Революции». Таким образом, энтээсовцы заранее объявляли себя союзниками любых врагов Советского Союза.

В то время когда во Франкфурте собралась теплая компания энтээсовцев, нью-йоркская газета «Русский голос» дала беглый обзор послужного списка энтээсовцев

в годы войны. Газета писала: «Подлинный «расцвет» организации падает на годы войны гитлеровской Германии против СССР. НТС становится филиалом различных немецких разведывательных и контрразведывательных служб, работает с ними рука об руку на оккупированной советской земле.

Как старые эмигранты, такие, как Околович, Ольгский, Поремский, Столыпин, Редлих, Рар и другие, так и «новые эмигранты» (изменники Родины в годы второй мировой войны) — Артемов, Крушель, Гаранин, Светланин и прочие были в самых задушевных отношениях с гестапо, а многие из них запятнали себя кровью советских людей.

Один из руководителей НТС, Околович, в годы войны под разными фамилиями возглавлял группы гестаповских провокаторов в Смоленске, Витебске, Орше, Минске, Борисове, Бобруйске. Он много раз лично принимал участие в карательных акциях против партизан. Старые эмигранты, члены НТС, Ольгский — резидент гитлеровского контрразведывательного органа «Зондерштаб Р» в Минске и Слуцке; Рар в Латвии сотрудничал с оккупантами, работал в секретариате «власовского комитета»; Артемов преподавал в школе фашистских пропагандистов, а по совместительству был гестаповским осведомителем, присматривал за руководством НТС. Вероятно, в этих же целях гестапо ввело его в состав «власовского комитета»...

По сей день они испытывают ностальгию по 1941—1945 годам, когда фашизм вел вооруженную борьбу против советского народа. Орган НТС, журнал «Посев» постоянно напоминает, что это самое драгоценное наследие для врагов Советской страны. В статье Рара «Кто не слышал о власовцах?..» дается самая хвалебная аттестация с нынешних позиций НТС презренным предателям. И тут же перекидывается мостик к современности: НТС объявил «героем» Буковского... осужденного советским судом за антисоветскую работу и отбывающего ныне наказание. «Имя Андрея Андреевича Власова, — кривляется Рар, — служит подтверждением слов В. К. Буковского «Бороться можно — бороться нужно». При всех, даже самых неблагоприятных, обстоятельствах. Что же, все верно. Буковский попытался расстрелять боеприпасы, оставшиеся недострелянными власовцами в советских людей».

Позиция газеты «Русский голос» понятна. Она отражает взгляды той части русской эмиграции, которая с 1917 года отнюдь не ассоциировала себя с врагами Со-

ветского Союза. Они клеймили позором соучастников похода вермахта на восток. В действиях нынешних буковских они справедливо усматривают продолжение предательства власовцев и с этой точки зрения не видят между ними никакой разницы. Расхожая легенда НТС в наши дни — утверждение о том, что энтээсовцы и власовцы пытались быть некой «третьей силой» в годы войны, будто бы их путь был отличен от служения фашистскому рейху. Для создания этого мифа истрачено немало чернил и типографской бумаги. Очевидцы событий, в том числе и те, кто отнюдь не пылает любовью к идеям коммунизма, никогда всерьез не принимали эти разглагольствования. Некоторые власовцы и энтээсовцы, страшась справедливого возмездия за свои преступления, после поражения Германии скрылись за демаркационной линией и оказались в расположении американских войск. Там они распинались о своей ненависти к коммунизму, твердили, что являются «третьей силой», и выясняли возможности поступить на службу к новым хозяевам. Результаты встреч и бесед с американцами оказались тогда для предателей неутешительными.

Полковник власовской «армии» А. Г. Алдан (Нерянин), оказавшийся с группой изменников в американской зоне, испытал на собственной шкуре презрение и гнев, который питали сразу после войны простые американцы к тем, кто предал Родину. «При первых встречах с солдатами и офицерами РОА американские солдаты, узнав, что мы русские, немедленно расплывались широкой улыбкой. Хлопали по плечу. «О, рашен, рашен», совали в руки сигареты, бисквиты, шоколад и вообще оказывали всякие знаки внимания. Но как только до их сознания доходило, что эти «рашен», то есть русские, не те русские, о которых они думали, как сразу их поведение резко изменялось. Они демонстративно повертывались спиной, перехватывали в руках оружие и, закурив сигарету, равнодушно сплевывали под ноги нашего солдата или офицера».

Оторопевшие предатели сначала списали это отношение за счет темноты рядовых американской армии, но как-то в лагерь приехали несколько американских офицеров. Выслушав дежурные излияния власовцев, они заявили: «Мы не понимаем и не поймем, почему вы, русские люди, пошли против своей страны в то время, когда она вела неравную борьбу против внешнего врага... Вы носите немецкую форму, имеете немецкое оружие, от немцев деньги, ибо ваши

так называемые «договорные» отношения с немцами — пустая фикция, и вы сами отлично это знаете... Мы вашей линии поведения не понимаем и с ней категорически не согласны. Средние же американцы, которым в течение всех этих военных лет говорили о русских, плечом к плечу борющихся с нами против «наци», вообще никогда не поймут вас».

Это отношение к предателям было порождено не только недавним боевым сотрудничеством советского и американского народов, но и четким осознанием: власовцы, энтээсовцы — фашистское отребье. Они разделяют ту идеологию, носители которой создали смертельную угрозу всему цивилизованному человечеству, в том числе Соединенным Штатам. Другими словами, являются фашистами. Какую бы окраску ни принимал в наши дни НТС, этого клейма не стереть.

Больше того, именно НТС оплодотворил фашистскими идеями безмозглых бандитов, пошедших за Власовым, дал им «идеологию». В лучших традициях геббельсовской пропаганды составители манифеста, оповещавшие в октябре 1944 года о создании власовской «армии», открывали его напыщенным заявлением: «Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем. Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов... Борются свободолюбивые народы (это фашистская Германия с сателлитами! — *Н. Я.)*, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием». Все эти глубокомысленные заявления не стоят и гроша, рядовые примеры военной пропаганды. Но о них полезно напомнить, учитывая нынешние ухищрения энтээсовцев попытаться доказать, что они не имели-де ничего общего с гитлеровской Германией, смертельным врагом антигитлеровской коалиции, во время второй мировой войны.

Собственно говоря, почему такая настойчивость? Что, совесть взыграла? Дело объясняется много проще. После победы над фашистским рейхом НТС перешел на службу тем самым «плутократам», которых поносил в годы войны в угоду прежним хозяевам. Служит по сей день, и, конечно, неловко, да и бесполезно в наше время вспоминать о днях минувших.

История о том, как НТС нанялся на службу британ-

ской разведке, еще ждет пера сатирика. В сумятице, последовавшей за крушением фашистского рейха, энтээсовские деятели сумели ловко втереть очки высокомерным гроссмейстерам дел тайных, каковыми с типичным для англосаксов снобизмом считали себя руководители Интеллидженс сервис.

Еще не отдышавшись от бега перед победоносным наступлением Красной Армии, энтээсовцы прерывающимися голосами стали рассказывать о том, какая агентура у них осталась там, в Советском Союзе. И облапошили Интеллидженс сервис! Английские разведчики сочли, что до них добежал только авангард могучей армии НТС, а остальные спят и видят, как бы приступить к выполнению предначертаний Интеллидженс сервис. В штаб-квартире Интеллидженс сервис, видимо, плохо знали историю НТС и просто не могли взять в толк, что беглые борцы с коммунизмом удивительно скоры на ногу и при малейшей опасности снимаются с места, улепетывая без оглядки. Коротко говоря, прибыл не авангард, а практически весь НТС в своем очень небольшом составе.

Проходимцам крупно повезло. В обмен на их фантастические истории о бесчисленных сочувствующих в СССР последовала оплата в полновесных фунтах стерлингов, особенно на первых порах, до девальвации английской валюты в 1949 году. Уже тогда в ЦРУ, узнав об «успехе» английских коллег, поторопились вступить в контакт с НТС. Из этой организации были завербованы агенты, которые усилиями ЦРУ и частично Интеллидженс сервис перебрасывались в Советский Союз. В 1951—1954 годах органами государственной безопасности были обезврежены агенты американских и английских спецслужб, засланные в СССР: Якут, Кудрявцев, Пищиков, Ремуга, Маков, Лахно, Новиков и другие. Все «кадры» НТС [44]. Не очень известно, как на эти провалы реагировало ЦРУ, но Интеллидженс сервис стали терзать сомнения. Информация, поставлявшаяся НТС со ссылками на «источники» в Советском Союзе, оказывалась дутой. Разгульный образ жизни главарей НТС был на виду, и английская разведка не могла не прийти к заключению: деньги, отпускаемые на борьбу с коммунизмом, энтээсовцы прокучивают в кабаках.

28—29 февраля 1956 года представители Интеллидженс сервис и ЦРУ собрались на совещание в Лондоне. Там решалась судьба НТС. Англичане встретились со своими заокеанскими коллегами в подавленном настрое-

нии и, наверное, избегали смотреть в чистые глаза заокеанских профессионалов шпионажа. И было отчего: не очень приятно сознаваться, что отъявленное жулье много лет водило за нос Интеллидженс сервис. Свое отношение к НТС, разумеется в парламентских выражениях, специалисты Интеллидженс сервис изложили в «Проекте заявления руководству НТС». Там был подбит печальный итог расточения денег налогоплательщиков. В «Проекте» говорилось:

«1. Английская разведывательная служба всегда заявляла руководству НТС, что цель, которую она преследует в проведении совместных операций с НТС, заключается в получении секретной информации о СССР. В обмен на такую информацию или возможность получения этой информации английская служба была готова предоставить НТС широкие возможности в области обучения, снабжения, транспортировки, оперативного совета и всевозможного рода поддержки...

2. Секретные разведывательные сведения могут быть точно оценены как в количественном, так и в качественном отношении. Следовательно, с английской точки зрения, изложенной выше, всегда казалось ясно, что рано или поздно работа НТС, на которую было потрачено много денег, времени и опыта, будет оценена в соответствии с ее результатами...

...4. Англичане считают, что семилетний период вполне достаточен для того, чтобы подвести итог работы, в которой каждый фактор сотрудничества английской разведки с НТС может быть оценен должным образом. Они пришли к выводу, что это сотрудничество было очень непродуктивным с их точки зрения, т. е. полученные результаты ни в коей мере не компенсируют то время и те средства, которые были затрачены.

5. Поэтому английская разведка решила прекратить это сотрудничество во всех областях деятельности».

В деликатной области шпионажа словам верить не полагается. Едва ли Интеллидженс сервис оказалась верной своему разгневанному решению. Но не в этом суть, главное заключалось в том, что ЦРУ взяло на свой баланс НТС. С американской деловитостью ревизоры ЦРУ изучили деятельность НТС, несомненно, в свете прискорбного опыта английских коллег. Вероятно, по поводу практических возможностей НТС они пришли к выводам, сходным с изложенными в английском документе. Конечно, ни-

какого запрета на шпионаж и подрывную деятельность НТС не последовало, а было сделано другое — от главарей НТС потребовали отрабатывать доллары не баснями о своих «успехах» в СССР, а подрывной работой в области идеологии. За ней можно было присматривать на месте — идеологи НТС пребывают во Франкфурте-на-Майне, в ФРГ.

Долларовые дотации поставили на ноги издательство и журнал «Посев», радиопропаганду НТС. В общем, создали условия для ведения «психологической войны». Но типографский станок и радиостанция без материалов, а главное — идей, мертвы. Что и как печатать и вещать в эфир? Корявый русский язык ряда энтээсовских материалов наводит на мысль, что на подмогу были вызваны западные «советологи». По легко различимым признакам любой грамотный русский опознает: материалы переведены с английского, да и склад мышления определенно приличествует «советологу», прожившему всю жизнь на Западе. Помимо этого, очень убогое содержание.

Вероятно, это поняли и в ЦРУ. Очень скоро американские разведчики с ножом к горлу подступили к НТС: потрудитесь обзавестись идеологией. Понятное дело, что прежние программные установки — программа 1938 года, Пражский манифест и разработки для власовцев — никак не подходят защитникам «свободного мира». Нельзя же, в самом деле, живя на доллары, поносить американских «плутократов»! Как-то не поймут...

Для деятелей НТС наступили тяжкие дни. Они бродили сумрачные и с побелевшими от непривычной умственной работы губами, бормотали как заклинание: «Программа, где взять программу?!» Ну как разъяснить этим настырным американцам, что все устремления НТС направлены к одной «идее»: в обмен на проклятья в адрес коммунизма получать доллары. Пресловутые заокеанские прагматисты теперь требуют идеологических концепций. Да еще оригинальных, а не плагиата у западных «советологов».

В те времена К. К. Черезов, впоследствии вернувшийся в СССР, был среди активистов НТС. Он дал живые зарисовки неописуемых мук энтээсовцев, брошенных безжалостным ЦРУ на каторжные работы — создание идеологии. «Артемов, — писал Черезов, — вновь активизирует свою деятельность в НТС и, как ни странно, становится ее «идеологом». Правды ради следует сказать, что в тео-

ретических и идеологических вопросах Артемов полнейший профан. Его «теоретические» выкрутасы довели «идеологию» НТС до таких вершин, что даже самые «посвященные» не могут разобраться, где начало и где конец, где вопрос и где ответ, где вход и где же, наконец, выход! На одном из закрытых собраний руководящего состава НТС его обвинили, в первую очередь Поремский, в том, что он, Артемов, уж слишком любит глубокое и мягкое кресло и что в таком положении не все логические выводы делает головой» [45].

С превеликими трудностями в 1958 году НТС принял свою программу, которая действует по сей день. Это дикая абракадабра, анализировать которую совершенно невозможно. Но уяснить ее общее направление необходимо для оценки потуг ЦРУ на идеологическом поприще. Сочинители «программы» с самого начала объясняют, что их организацию следует величать «Народно-трудовой союз (российских солидаристов)». В двух словах, стоящих в скобках, ключ к идеологии энтээсовцев, которую, в свою очередь, они рассматривают как отмычку для подрыва советской системы. Не больше. Критик Артемова Поремский, собственно, так и ставит вопрос об идеологических задачах НТС: найти в СССР «соответствующую замочную скважину и подобрать к ней соответствующий ключ. Какую скважину? И какой ключ? — вот в этом и состоит социальное изобретение».

В 1941—1945 годах, когда НТС верно служил гитлеровцам, энтээсовцы продемонстрировали на практике истинную сущность этого принципа. Е. И. Дивнич снова и снова подчеркивал, что нужно смотреть не на слова, а на дела.

«Мне памятен, — писал Дивнич, — случайный разговор с солидаристом В. Д. Поремским зимою в 1941 году... Разговор происходил в Берлине за обедом в «Итальянском ресторане»... Поремский тогда работал диктором на немецком радио, где числился и я. В то время меня раздирали внутренние сомнения о моей роли. Завязался разговор. Я высказал свое мнение — не пора ли бежать от грязного дела: хозяева требуют от нас призывать советских солдат сдаваться в плен немцам. Мало того, что это ведет к поражению России, но мы еще знаем нечеловеческие условия немецкого плена. Поремский не переставал жевать спокойно, слишком спокойно для русского патриота. Так мог жевать человек, у которого совесть в полной гармонии с поступками.

— Меня это ничуть не пугает. Я совершенно сознательно призываю. Главное — свергнуть большевиков.

— Но это захват России немцами!

— Пустяки. Идея солидаризма их растворит. В русской душе, когда жизнь будет построена на солидаризме, потонут немецкие чаяния захвата. Русская водка, русская песня, русская женщина, русское радушие хоть кого переделают.

Какая еще нужна иллюстрация — сколько бы ни определяли солидаризм в программе»[46].

Вероятно, очень уместная характеристика «солидаризма» в действии. Много воды утекло с тех времен, но и в наши дни, разумеется, среди своих, энтээсовские главари не скрывают: «солидаризм» всего-навсего наукообразная фраза, а суть в следующем: «солидаризм не столько система идей, сколько метод достижения целей». Так авторитетно разъяснил Редлих единомышленникам в конце 1975 года. При таком понимании нож и пишущая машинка однозначны для выражения «солидаризма».

Малограмотная стряпня — «программа» НТС рассчитана на ловлю душ самыми низкопробными приемами дешевой демагогии. Сродни ей устав НТС. Чтобы придать «документу» респектабельность, его снабдили «введением», претендующим на некую философию. Первые строки ошеломляют: «Население земного шара подвергается опасности термоядерной, химической и бактериологической войны, опасности перенаселения, голода, отравления воздуха и вод, уничтожения лесов, катастрофических изменений климата. Опасности эти планетарного характера и грозят всем странам независимо от их общественного или политического строя...» Спустившись с заоблачных «философских» высот, энтээсовцы пошли по проторенным антикоммунистическим дорогам.

Рецепт спасения человечества, как и следовало ожидать, вполне в традиционном духе НТС: коммунизм должен быть уничтожен, и все пойдет на лад. Так и сказано: «Освобождение России Союз считает непременным условием для мирного разрешения конфликтов, разъединяющих современное человечество», а посему, формулируется в уставе, «цель Союза — устранение коммунистической диктатуры». После этого, по логике составителей «устава», климат улучшится, леса умножатся и т. д.

Преимущественно для ЦРУ Поремский сочинил «молекулярную» теорию революции. Она была ответом энтээсовцев на требования обзавестись «идеологией». Энтээсовцы вручили ЦРУ наскоро перелицованное старье — «молекулярную доктрину», с которой Поремский носился еще на рубеже сороковых и пятидесятых годов, то есть в пору самых теплых отношений НТС с Интеллидженс сервис. Под крылом ЦРУ Поремский раздул ее значение до явного абсурда: энтээсовцы хором превозносят для внешнего употребления вздор Поремского. «Доктрина» удобна для НТС тем, что всегда можно ответить на требования ревизоров из ЦРУ, где ваши единомышленники в СССР, беспардонной ложью: они-де есть, только их простым глазом не разглядеть, если не вооружиться личным микроскопом Поремского.

Вот как вознес, например, Редлих «молекулярную доктрину» в «теоретическом» докладе, прочитанном на заседании руководства НТС в 1972 году (надо думать, мысленно озираясь на контролеров из ЦРУ): «Совершенно очевидно, что при достаточной мощности пропагандистского потока, оформляющего стремления и чаяния людей, можно настроить их так, что они будут играть как хорошо срепетировавшийся оркестр без дирижера, что, обходясь минимумом организационных начал, можно добиться накопления политического потенциала, который Поремский удачно сравнивает с постепенным охватом молекул переохлажденной жидкости, так называемым «предкристаллическим состоянием» (отсюда и название его идеи «молекулярной» теории или доктрины). В этой «организации без организации», в элементарной солидарности единомышленников, в готовности искать не то, что разделяет, а то, что объединяет людей, лежит ключ к успеху общего дела».

Этот вздор, адресованный Западу, конечно, поднимается на смех руководителями НТС, которые в своем кругу язвят: у нас завелась «одна революционная молекула, да и то пьяная», они-то уж точно знают, что движет творческим воображением Поремского и каковы цели сочинения бредовой «доктрины» — получать долларовые подачки из кармана американского налогоплательщика.

Если говорить серьезно и по существу, то притягательная сила описанной «идеологии» близка к нулю, а быть может, величина отрицательная. Но на направлении работы через НТС у ЦРУ иной нет.

Как ни жалки и смехотворны претензии НТС, сочиненные аферистами, возглавляющими его «молекулярной теории» революции, разного рода прожектов, изумительных по идиотизму, — свидетельство их нелегкой жизни под бдительным надзором бюрократов ЦРУ. Последние также не очень вольны, они, в свою очередь, под прессом контроля высших властей, практически прямых представителей Белого дома. Р. Клин замечает:

«Энтузиазм Вашингтона в пользу подрывных действий самого разнообразного характера выражался в серии новых директив, каждая новая шире, чем предыдущая. В 1955 году СНБ изменил процедуру контроля в новой директиве о ведении подрывной работы СНБ-5412. Отныне все планы подрывных операций официально рассматривались органом «5412», или «специальной группой». Ее название и состав с годами менялись: «комитет 303» при президенте Кеннеди, «комитет 40» при президенте Никсоне. Однако в директивах СНБ неизменно предусматривалось, что проекты утверждают именем президента ведущие должностные лица от государственного департамента, министерства обороны, председатель комитета начальников штабов и представитель Белого дома в СНБ. С годами основную ответственность за эти дела постепенно стал нести помощник президента по вопросам национальной безопасности — пост, который в шестидесятые и семидесятые годы последовательно занимали М. Банди, У. Ростоу и Генри Киссинджер»[47].

Вот так обстоят дела в этой области на практике. Прямая линия ответственности в правительственной иерархии Соединенных Штатов начисто лишает основы апокрифические истории о мнимой независимости ЦРУ, которое-де может творить дела, неведомые высшим руководителям Американского государства. Действительно, както трудно представить, чтобы, скажем, отъявленные проходимцы из НТС находились в поле зрения столь высокопоставленных инстанций. Просто непостижимо для здравого рассудка. Но это так. Легенда о проныρливом ЦРУ, способном на явную несуразицу за спиной высшей власти, очень полезна именно для самой этой власти. Собственно, это имели в виду штатные историографы ЦРУ, когда в вы-

водах в официальной истории ведомства, написанной для комиссии Ф. Черча, с почти горькой обидой записали:

«В конечном итоге большая часть ответственности за размах подрывных действий и любые злоупотребления должна быть возложена на высших государственных деятелей. Процедура принятия решений в СНБ создала атмосферу неопределенности, что позволило рассматривать соответствующие акции без ограничений индивидуальной ответственности... По мере расширения масштабов подрывной работы политики сочли полезным сохранять двусмысленность в процессе принятия решений в интересах сохранения тайны и возможности «правдоподобного отрицания» подрывных акций. Ни от кого в правительстве и меньше всего от президента не требовалось официально поставить свою подпись под данной программой подрывной работы. Глава разведывательного сообщества (директор ЦРУ) отвечал за ее выполнение, но не за принятие решения о ее проведении. В СНБ группа лиц несла коллективную ответственность за определение целей политики. Но они даже не пытались установить критерии, вводящие моральные или конституционные ограничения на деятельность в интересах достижения этих целей. Аналогичным образом функционировал конгресс. В конгрессе горстка членов комитета проводила бюджет ЦРУ. Некоторые члены комитета знали о главных направлениях работы ЦРУ, другие предпочитали ничего не знать» [48].

Хотя написавшие эти строки определенно приглашают разрыдаться вместе с ними по поводу печальной участи ЦРУ в джунглях американской государственности, высказанное ими примечательно совершенно в другом плане. Цели любой операции ЦРУ всегда отражают виды государственного руководства. То, что при попытках их достижения случаются осечки, провалы, выставляющие США иной раз на посмешище перед всем миром, — другой вопрос.

ЦРУ: ТЕХНИКА, КОМПЬЮТЕРЫ, ЛЮДИ

1

На рубеже сороковых и пятидесятых годов по академической общине в США пронесся клич — ученые в ЦРУ! Ветераны РА ОСС охотно мобилизовались. Профессорам сулились не только сказочные зарплаты, но и удовлетворение тщеславия — предлагалось снова личное участие в разработке самых деликатных аспектов американской политики. Коротко говоря, работа во вновь созданном управлении национальных оценок (ОНЕ), мозге ЦРУ. Те, кто возглавил управление с 1950 года, принесли в него не только непосредственный опыт трудов под крышей ОСС, но и результаты размышлений по поводу американской внешней политики в канун и в годы второй мировой войны.

Они не пустили по ветру несколько лет выпавшей им академической свободы между ОСС и ЦРУ, а написали ряд книг, вошедших в официальную американскую историографию. У. Лангер в соавторстве с С. Глисоном замахнулись на четыре тома — США во внешнем мире с 1937-го по 1945 год. По-видимому, возвращение к прежним занятиям с 1950 года в ЦРУ ополовинило работу. Увидели свет в 1952—1954 годах только два тома: «Вызов изоляционизму 1937—1940 гг.», «Необъявленная война 1940—1941 гг.», которые, как эхо, вероятно, сочли авторы, отражали коренные проблемы в период, когда писались эти книги. Работа В. Лангера и С. Глисона стала, безусловно, обязательным источником и далеко не только в США при изучении событий кануна и начала той войны. Ее просто нельзя обойти, и не из-за сверхценной интерпретации, ибо, в сущности, повторяется официальная версия целей внешней политики Вашингтона, а потому что много больше полутора тысяч страниц содержания этих томов написаны на документах и материалах, открытых только для авторов.

Генералы Д. Маршалл и Д. Эйзенхауэр озаботились уже в 1946 году приступить к написанию 99-томной истории армии во второй мировой войне. Эйзенхауэр потребо-

вал, чтобы этим занялись в основном гражданские историки, ибо, если вверить дело «банде престарелых полковников», создание труда затянется, по крайней мере, на 25 лет. Высшее командование США стремилось без оттяжки получить 99-томное исследование для извлечения опыта из минувшей войны в предстоявшей. Перед отобранными историками были открыты архивы вооруженных сил. Р. Клин, написавший головной том без одной книги стотоминка, получил возможность исследовать механизм функционирования высшей власти в США в чрезвычайных обстоятельствах. И не он один. Во всяком случае, в ЦРУ пошла профессура, умудренная опытом теоретической и практической работы.

Правительство сгорало от нетерпения без промедления сказочно обогатиться интеллектуальным капиталом от ЦРУ, а для этого не жалели долларов. У. Лангер и К° были порядком озадачены: им предложили набрать в управление национальных оценок 1000 человек! Ученые объяснили, что количество в науке автоматически не переходит в качество, и сказали: нужно примерно 30 человек. После некоторых препирательств администраторы согласились, и в управлении за все время его примерно двадцатилетнего существования никогда не было занято более ста ученых [1]. В первые годы, когда в Вашингтоне чуть ли не с языческой верой молились на управление, авторитет Лангера был непререкаемым. Еще бы! Вероятно, высокопоставленные чиновники внутренне уверовали, что ОНЕ имеет некий магический кристалл, заглядывая в который ученые укажут пути, как наверняка нанести поражение Советскому Союзу.

Кристалл этот разросся до размеров хорошего айсберга. Вершина — ОНЕ покоилась на 1000 сотрудниках управления разведки плюс еще 2000 человек, занятых в центральной справочной службе — секретной библиотеке ЦРУ, оборудованной компьютерами, и в различных исследовательских подразделениях [2]. Когда за плечами Лангера стоял директор ЦРУ, а за его спиной — Совет национальной безопасности, тогда Лангер держался соответственно с чиновным людом независимо от постов, которые они занимали, скажем, в госдепартаменте или вооруженных силах. Сверля взором экзаменатора, допрашивающего нерадивого студента, рассказывали очевидцы, Лангер враждебно гнусил: «Ну, генерал, все это пустые слова, а я хочу добраться до сути, и чтобы было понятно» и т. д.

Руководители ОНЕ, надо полагать, возомнили себя избранными интеллектуалами. Помимо Лангера, их было семеро — четыре историка: профессора Ш. Кент, Л. Монтегю, Д. Ван Слик, Р. Зонтаг; профессор экономики К. Гувер; бывший командующий американскими войсками в Европе генерал К. Хебнер и юрист М. Фостер. ОНЕ привлекло помощь со стороны так называемых «консультантов из Принстона» — Д. Кеннана, редактора журнала «Форейн Афферс» Г. Армстронга и ученого-атомника В. Буша[3]. Дела эти достояние минувших лет, и поэтому приведенные фамилии известны. Но тысячи и тысячи американских ученых, работавших в ЦРУ или продолжающих трудиться там по сей день, не торопятся заявить о своих связях с ведомством. Формирование и функционирование ОНЕ ставит в должную перспективу навязшую в зубах проблему о проникновении ЦРУ в академический мир и связанные с этим вздорные слухи. Не ЦРУ проникло в мир науки, а наука стояла у истоков ЦРУ, больше того, нередко определяла строительство этого ведомства. Во всяком случае, «мозг» ЦРУ был сформирован так, как представляли себе профессора, поднаторевшие в тайных делах еще во времена ОСС.

Теоретические разработки ОНЕ были посвящены очень широкому кругу вопросов, с тем чтобы попытаться предсказать будущие действия СССР, нащупать наши слабые места и внести соответствующие рекомендации. По сей день исследователь, натурально, располагает крайне ограниченной информацией относительно конкретных выводов ОНЕ, а следовательно, ЦРУ. Судить, конечно, нужно по делам — американской политике в отношении СССР, в которую аналитики ЦРУ неизменно вносили свою лепту. Лангер с коллегами в первые золотые годы существования ОНЕ имели выход в Совет национальной безопасности. Едва ли есть сомнение в том, что хранящийся в архиве Г. Трумэна документ «Психологическое наступление против СССР. Цели и задачи» миновал аналитиков ЦРУ, если вообще не был написан ими. Датированный 10 апреля 1951 года документ этот был рассекречен в 1976 году. Составители подчеркивали:

«При определении этих целей и задач, безусловно, предполагается указать советскому народу, что есть альтернатива существующему режиму. В задачу Соединенных Штатов не входит указывать ее конкретно. Следовательно, мы не будем выдвигать предложе-

> ний по определенным вопросам (коллективизация, демократические выборы и т. д.) без получения на это особых политических указаний. Однако во всей нашей пропаганде должно подразумеваться, что конечное решение лежит в восстановлении прав человека, являющихся наследием русского народа», которых-де лишил нас советский строй.

Речь идет об усилиях, направленных на реставрацию в нашей стране капиталистических порядков. Основная цель американской «психологической войны» в этих интересах ставилась, исходя, конечно, из искаженного представления в США о Советском Союзе:

> «Нужно расширить разрыв, существующий между советским народом и его правителями».

Затем следовали рекомендации, подготовленные нечестивым союзом шпионов и ученых, как именно добиться этого — беспардонной клеветой на советский общественный и государственный строй. Единственное ограничение, о котором следовало помнить исполнителям, занятым на этом участке «психологической войны»:

> «Предостережение. Эту задачу легче всего выполнить. Но не перестарайтесь. Речь идет о том, чтобы вызвать ощущение тирании у тех, кто привык к ней или не видит дальше собственного носа».

Оно, конечно, верно — клеветать профессиональным клеветникам дело привычное и совсем не затруднительное, но логика-то какова! Живет и трудится великий народ в народном государстве, а профессора из ЦРУ велят ему уверовать — живет-де при «тирании». Не верьте тому, что видите и знаете, а руководствуйтесь оценками советского строя, сделанными его лютыми врагами. Если такие умозаключения закладываются в основу американской пропаганды, а именно так обстояло дело, тогда понятно, почему гигантские средства, отпускаемые на нее Вашингтоном, летят на ветер. Да, только в таком извращенном интеллектуально и по-иному мире могут верить вздору типа «молекулярной революции» НТС. Но чем лучше или хуже ее этот подход в «психологической войне», оплодотворенный американской «наукой» от ЦРУ?

Против идей социализма настоятельно рекомендовалось мобилизовать следующее:

> «Задача № 1. Вскрыть и развивать духовные ценности, моральные и этические концепции советского

народа, особенно русских, и установить идентичность этих ценностей с ценностями свободного мира.

Предлагаемая тематика: а) Правдивость, сострадание, щедрость, любовь к семье, гостеприимство — вот некоторые ценности, дорогие советскому народу, все это производное от их духовной жизни. Это общее достояние с народами свободного мира, но оно презирается правителями СССР.

б) Исторический вклад русских в различных творческих сферах свободного мира: философии, искусстве и науке всегда признавался и уважался.

ц) Изучение классической русской литературы, политической философии и этики показывает: Россия разделяла и находилась под влиянием творческих, социальных и культурных сил, которые развивал Запад. Политические и этические идеалы русского народа в основе такие же, как на Западе, ибо они проистекают из тех же духовных источников, они извращены в коммунистическом государстве, но не умерли. *Предостережение*. Мы не должны перебарщивать, говоря о *западном* влиянии, и не производить впечатления говорящих свысока.

д) Русская семья основывается на любви, доверии, взаимопомощи и уважении к правам других. Это ценности, общие со свободным миром.

е) То, за что советские люди сражались в годы революции — мир, свобода и хорошая жизнь для всех, является основными концепциями, общими со свободным миром. Эти концепции ежедневно осуществляются в политической жизни свободного мира.

ф) Заверить русский народ, что свободный мир не вынашивает никаких замыслов ни против них, ни против их страны, а лишь добивается для них свободы и процветания в дружественном и сотрудничающем мире».

Еще бы! «Свободный мир» в лице руководителей США уже, как мы видели, готовился не покладая рук забросать Советский Союз атомными бомбами, вести против нас бактериологическую войну и вообще истреблять русских всеми возможными способами. А чтобы притупить бдительность, американские пропагандисты пока изрекают описанные лестные для нас сентенции. Пусть русские развесят уши! Ознакомление с приведенной тематикой, однако, не небесполезно, — в сущности, с небольши-

ми поправками на новые события, примерно в этом ключе изъясняются в американской пропаганде, направленной против нашей страны по сей день.

Не менее поучительно обратиться и к «предлагаемой тематике» рассказов о бесподобных Соединенных Штатах, с тем чтобы ввести в заблуждение относительно подлинной политики Вашингтона в отношении Советского Союза. Как ни прискорбно, приходится воспроизвести рецепты ЦРУ полностью, чтобы составить полное представление о моральном и интеллектуальном уровне стратегов «психологической войны»:

«а) США миролюбивы, уважают суверенитет и независимость народов и государств;

б) американцы проводят различие между советским народом и его правительством;

ц) США никогда не воевали с Россией;

д) США помогали советскому народу во второй мировой войне еще до вступления США в войну с Германией;

е) США продолжали помогать народу СССР даже после завершения боевых действий во второй мировой войне (оказывали помощь и после революции, АРА);

ф) американцы предоставили свои знания и опыт при строительстве промышленности в СССР;

г) любовь к технике и науке в повседневной жизни общи для народов СССР и США;

х) наши страны велики, и мы строим смелые планы;

и) у нас общий дух пионеров;

дж) в США живут многие тысячи людей русского и украинского происхождения, которые оказывают существенное влияние на американскую жизнь;

к) русская и украинская народная музыка и музыка их композиторов (включая советских) очень часто исполняются в США; многие наши выдающиеся музыканты русского происхождения;

л) романы и рассказы русских писателей очень популярны в США и в свободном мире. Во всех главных университетах изучают русскую литературу. П р и м е ч а н и е. Нужно рецензировать новые биографии русских писателей и исследования по русской литературе, даже если в них нет политического содержания.

м) народы США и свободного мира знают о муже-

стве, энергии и чаяниях советских людей, многие американцы выражалн публичио восхищеиие этими качествамн;

и) США помогают всем иародам где только могут, иезависимо от того, согласиы оии или иет с политикой США;

о) в американском театре все еще изучают систему Стаииславского и не делается никаких попыток скрыть ее русское происхождение;

р) правительство США, миогие частиые оргаиизации и отдельиые лица пытались устаиовить культуриые, иаучиые н техиические обмеиы с СССР;

п) о сущиости Амернкн и свободиого мира, об осиовиых идеалах, которые мы разделяем с советским народом, дает представлеиие американская и другая западная литература, имеющаяся в СССР: Стейнбек, Эптон Синклер, Марк Твен, Джек Лоидон, Диккенс н т. д. Хотя иекоторые из этих киин прннадлежат к направленню «социального протеста», они показывают демократическую веру в социальиый прогресс в действии» [4].

С таким набором отмычек действуют те, кто пытается взломать душн, вести подрывиую работу, сеять лжнвые иллюзии. Такова служебиая инструкция, представлениая президеиту США, входящая в арсеиал «психологической войны». Оиа была взята иа вооружение и частично выполнялась ландскнехтамн «психологнческой войны», нанятыми ЦРУ для обслуживаиия подрывиых радиостаиций, открывшнх раднопередачн на СССР и другие социалистические страны.

2

Осквернители эфира к иашим диям иеплохо обстроились и устроились заботами ЦРУ. В Нью-Йорке, на пересечении Бродвея с 42-й улицей, стоит массивиое и по-деловому элегантиое здаине. Облицовка черного стекла надежио отгораживает его обитателей от нескромиых взоров улицы, и кажется, что мысли и дела их должиы быть лишены суетности и злобы.

Опасное заблуждеиие!

Проникните в вестибюль этого здаиия, и первое, что вам бросится в глаза, будет рекламио водружеииый здесь макет радиопередатчика, иеброская поясительиая таблич-

ка под которым сообщает: «С помощью этого передатчика «Радио «Свобода» проникает в самое сердце Советского Союза». Это простительное преувеличение значения экспоната. Радиостанция «Свобода» располагает куда большим количеством передаточных станций: в ФРГ, на Тайване, в Испании и ряде других мест. С территории ФРГ действовала и еще одна, «нелегальная» вещавшая на Советский Союз радиопередаточная установка. Это так называемая радиостанция «Свободная Россия», которая вещала «с колес», и, может быть, только этой мерой предосторожности объясняется то странное обстоятельство, что соответствующие западногерманские власти более 20 лет тщетно пытались ее обнаружить.

До начала семидесятых годов американская официальная пропаганда не моргнув глазом утверждала, что ублюдки-близнецы «Свобода» и «Свободная Европа», вещающие на восточноевропейские социалистические страны, — пример и символ высокой добродетели в международных масштабах. Публично умиляясь скромной жертвенности анонимных миллионов простых американцев, бестрепетно отрывающих от своего домашнего бюджета нелишние им доллары, чтобы вручить их оным радиостанциям и тем способствовать «освобождению угнетенных коммунистами» народов, президент Л. Джонсон призывал и других последовать этому «достойному похвалы вкладу в дело свободы». О том, что «Свобода» и «Свободная Европа» заслуживают «щедрой помощи» со стороны простых американцев, не уставал повторять президент Д. Кеннеди. Почетным председателем «Комитета «Радио «Свобода» одно время был бывший президент США Г. Трумэн.

Правда, в те безоблачные дни пышной «независимости» иной раз в американской печати отмечали между делом несомненно существующую связь между обеими радиостанциями и спецслужбами. «ЦРУ, — писала, например, по весне 1966 года «Нью-Йорк таймс», — поддерживает такие пропагандистские организации, как радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» в Мюнхене..., в штатах которых сотрудничают беженцы из России, Польши, Венгрии и некоторых других стран. Они занимаются вербовкой агентов в коммунистическом мире, радиоперехватом, организацией антикоммунистических выступлений ученых на Западе» [5]. Но до начала семидесятых годов то были случайные и не очень громкие заявления.

Ведение американской пропаганды по радио началось почти сразу же после окончания второй мировой войны. Возможности были: сеть радиостанций «Голоса Америки», которая имела в своем распоряжении 36 коротковолновых передатчиков и вела вещание на 41 языке по 1200 часов в неделю. Кроме того, средства радиопропаганды, находившиеся ранее в ведении управления военной информации, в том числе и принадлежавшие американским оккупационным войскам в Германии, Австрии, Японии, Корее. С середины февраля 1947 года «Голос Америки» из Мюнхена начинает систематические передачи на СССР на русском языке. С самого начала в число задач этой деятельности включается «содействовать ограничению и ликвидации советского влияния всеми и любыми средствами», «способствовать осознанию угнетенными народами их неразрывной идейной связи со свободным миром», «добиваться ослабления присущей офицерам Красной Армии и советским должностным лицам целеустремленности в осуществлении возлагаемых на них задач как внутри самого Советского Союза, так и за его пределами» [6].

Сенатор К. Мундт, один из инициаторов закона Смита — Мундта, на который впоследствии стала опираться деятельность таких «частных» радиостанций, как «Свободная Европа» и «Свобода», без обиняков признавал, что результатом радиовещания «Голоса Америки» на Советский Союз должен стать подрыв его военной и экономической мощи. «Мы ожидаем, — говорил он, имея в виду советских слушателей, — что они будут саботировать работу оборонных предприятий, срывать выполнение пятилетних планов... что они будут совершать побеги на Запад, сообщать нам достоверные сведения о строящихся в центральных областях России и за Уралом военных объектах» [7].

Однако существовали пределы дипломатической и межгосударственной этики, которые не мог позволить себе безнаказанно нарушать даже «Голос Америки». Нужен был другой «голос» — «голос, способный осуществлять поставленные перед ним задачи без необходимости учитывать сам международный статус государства», и, таким образом, способный «вести ничем не сдерживаемую психологическую войну, имеющую своей явной и не скрываемой целью свержение коммунистического режима» [8]. Необходимо было также убедить американское и мировое общественное мнение в том, что оголтелая антисоветская

пропаганда имеет своим источником не развязанную США против СССР «холодную войну», а прежде всего и главным образом «стремление русских помочь своим угнетаемым коммунизмом соотечественникам» освободиться от этого «угнетения» и бескорыстную поддержку предпринимаемых ими таким образом усилий со стороны миллионов простых американцев, действующих так по велению сердца и голоса своей совести.

В начале 1949 года после ряда весьма доверительных встреч и собеседований государственного секретаря Д. Ачесона и Д. Кеннана с «нужными» людьми возникает «инициативная группа из частных лиц, организовавшихся для совместного изучения и решения проблем, связанных с появлением на Западе беженцев из восточноевропейских стран». Среди прочих «частных» членов этой «инициативной группы» оказываются директор ЦРУ генерал Б. Смит и его заместитель А. Даллес, У. Донован, генерал Д. Эйзенхауэр, Г. Форд-младший, Н. Рокфеллер. «Инициативной группе» не пришлось мучиться над вопросом выбора своего руководителя — бывший американский дипломат Д. Грю был предложен ей на эту роль государственным департаментом и ЦРУ без излишних обсуждений.

К разношерстной компании «выдающихся индивидуальностей» было разрешено примкнуть и некоторым избранным «коллективным членам». Так, например, с новым «движением» оказалось ассоциированным уже имевшее прочную антисоветскую репутацию «движение» «Крестовый поход за свободу», возглавлявшееся в числе прочих генералами Д. Эйзенхауэром и Л. Клеем, кардиналом Спеллманом.

В июне 1949 года «инициаторы» нового «движения» лично или в лице своих представителей собрались на первое учредительное собрание в помещении одного из «частных» офисов, арендованных в этих целях в здании «Эмпайр Стейт билдинг» в Нью-Йорке. Формулируя цели вновь созданной в ходе этого совещания организации, которой было присвоено наименование «Национального комитета «Свободной Европы», Грю подчеркивал, что она будет «оказывать помощь выдающимся политикам-демократам, которые оказываются вынужденными искать убежища в Соединенных Штатах ввиду того, что их свободе и жизни сейчас угрожают пришедшие в их странах к власти коммунисты»... «Мы также хотели бы привлечь этих людей к той борьбе за поддержание идеалов свободы лич-

ности, которую ведут наша пресса, радио и другие средства массовой коммуникации... помочь им координировать свою деятельность с нашими собственными усилиями в этом плане»[9].

«Национальный комитет «Свободной Европы», он же впоследствии «Комитет «Свободной Европы», начал действовать достаточно оперативно. В первых числах июля 1950 года созданное им «Радио «Свободной Европы» приступило к передаче программ на чешском и словацком языках, а затем и на болгарском, польском, венгерском и румынском. На социалистические страны Восточной Европы в полную силу обрушился свирепствовавший над ними впоследствии в течение десятилетий шквал идеологической артподготовки, нацеленной «на создание условий для возникновения в них внутренних беспорядков», которые можно было бы при возникновении «благоприятной ситуации» поддержать «путем оказания военной помощи» со стороны США и их союзников в Западной Европе[10].

Что касается «свободно объединившихся видных политических деятелей» из стран Восточной Европы, руками которых США намеревались добиться осуществления этих целей, то они оказались в положении штатных наемников ЦРУ, жестко ограничившего их собственную «свободу». Прежде чем увидеть свое имя в выплатной ведомости радиостанции «Свободная Европа», каждый из них давал подписку: «Нижеподписавшийся настоящим подтверждает, что он был официально осведомлен о том, что радиостанция «Свободная Европа» представляет собой организацию, деятельность которой финансируется и контролируется ЦРУ. Он подтверждает также сделанное ему предупреждение, что в случае разглашения вышеуказанных сведений он может понести наказание в виде наложения на него штрафа размером до 10 тысяч долларов и тюремного заключения сроком до 10 лет»[11].

Значительно труднее и поэтому медленнее продвигалось дело с формированием «частной русской организации», от имени которой должно было вестись радиовещание на Советский Союз. Правда, вначале все шло, казалось, самым наилучшим образом. Уже 8 декабря 1948 года в США был создан «Американский комитет борьбы за свободную Россию». Предполагалось, что он быстро сможет объединить вокруг себя «свободолюбивых и непоколебимых в своей ненависти к коммунистическому режиму» предателей, бежавших из Советского Союза. Но они,

хотя испытывали жгучую и неистребимую ненависть ко всему советскому, подчас яростно ненавидели и друг друга и в слепой злобе были готовы задушить своих «соратников», в которых они видели конкурентов в дележе будущих призрачных портфелей «российских правителей».

За первый год своего существования «Американский комитет борьбы за свободную Россию» оказался бессильным изменить это положение. В конце 1950 года потерявшие терпение государственный департамент и ЦРУ реорганизовали его в новый «Американский комитет освобождения от большевизма», поставив у руководства Ю. Лайонса — бывшего корреспондента ЮПИ в Москве и сотрудника ЦРУ.

В сообщении для прессы о рождении нового комитета, официальной датой которого было названо 8 февраля 1951 года, указывалось, что он будет стремиться содействовать «созданию на территории Германии такой организации, которая смогла бы объединить в своих рамках всех бежавших из Советского Союза демократически настроенных эмигрантов, эффективно координировать и руководить их деятельностью и оказывать этой деятельности всемерную и материальную поддержку».

Однако и на этот раз все усилия «Американского комитета освобождения от большевизма» оказались бессильными в преодолении «русского иррационализма». Созданный после бесконечных проволочек и переговоров с различными эмигрантскими организациями «Совет освобождения народов России», ради придания респектабельности которому американцы доставили из США в Европу А. Керенского, показал себя все еще плохо ориентирующимся в реальной обстановке. Как самому Керенскому, так и некоторым другим его руководителям представлялось, что, выдвинув по подсказке «Американского комитета освобождения от большевизма» идею о создании на территории ФРГ станции «Радио «Свобода», они в дальнейшем будут получать обещанные доллары только за свой антисоветизм, вне постоянного и скрупулезного контроля со стороны ЦРУ над осуществляемыми ими радиопередачами. Другими словами, они считали, что могут исходить лишь из целей самой антисоветски настроенной русской эмиграции вместо того, чтобы служить прикрытием и рупором американской пропаганды, преследующей свои собственные цели, которые, естественно, не всегда и не во всем могли быть идентичными их собственным.

«Американский комитет освобождения от большевизма», поставивший себе скромную цель «помочь народам России», — писала, например, эмигрантская газета «Новое русское слово», после того как эта истина предстала перед руководством «Совета освобождения народов России», — на самом деле пошел по иным рельсам. Это он определил круг русских партий, которым надлежит вступать в соглашение. Он требовал от них принятия его программы в некоторых вопросах русской политики; он вмешивался в деятельность отдельных групп. Располагая некоторыми аргументами, он поставил себя в положение высшего контролера над русской эмиграцией». По мнению газеты, все это не могло не привести и привело к возникновению в эмигрантской среде «такого разброда, раскола и борьбы, что по сравнению с нею даже обычная эмигрантская склока начинает казаться образцом гармонии и единства. Сказались... и окрики, повадки и проделки «Американского комитета».

Предельно раздраженное таким ходом событий ЦРУ не нашло ничего лучшего, как попытаться исправить положение путем смены руководства «Американского комитета освобождения от большевизма». Его председателем был назначен адмирал в отставке А. Кэрк, кадровый военный и разведчик, занимавший до этого пост американского посла в Москве. С тем же результатом. Назначенный после него также отставной адмирал, бывший разведчик и бывший военно-морской атташе в Москве Л. Стивенс, в обстановке все еще продолжавших царить в среде русской эмиграции разброда и шатания, все же добивается начала регулярной деятельности радиостанции «Освобождение», которая 1 марта 1953 года официально объявляет теперь себя ответственной за передаваемые на Советский Союз антисоветские радиопередачи, ведшиеся до этого уже два года тайно, «пиратскими» методами «Американским комитетом освобождения от большевизма».

К этому времени ведение «психологической войны» с помощью радиопропаганды получило уже более чем солидную «узаконенную» финансовую базу. Такой базой стал подписанный президентом Трумэном в конце первой декады октября 1951 года «Закон о взаимном обеспечении безопасности», предусматривавший, в частности, ассигнование ежегодно 100 миллионов долларов с целью оказания материальной поддержки и финансирования «полезной» — военной или иной другой — деятельности

любых, «специально отобраниых лиц, которые могут проживать в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии... или лиц, бежавших из указаииых страи». Эти деньги, помимо прочего, тратились иа строительство и оборудование подрывных радиостанций для нужд «психологической войны». Строительство их велось самыми напряженнымн темпами, ие уступавшимн темпам строительства систем стратегических вооружений. Если, например, в начале своей официальной деятельности радио «Освобождеине» («Радио «Свобода») располагало всего одним передатчиком, то уже через год имело девять!

Укрепление финансовой базы «Американского комитета освобождения от большевизма» не могло, конечно, не сказаться на измеиении взаимоотиошений между его руководством и различными антисоветскими русскими эмигрантскими организациями. ЦРУ, в полном соответствин с общим духом американских традиций, все более теряло вкус к продолжению «европейски тонкой» политической игры, в ведении которой оно столь очевидно демоистрировало свою полную беспомощность, и постепенно возвращалось к здравой идее о том, что, иесмотря на всю их «интеллигеитность», русские эмигранты также покупаются и продаются за доллары, как и все другие предатели. Поэтому, оставив попытки добиться «идейиого единства» среди всей этой разношерстной публики, руководство «Американского комитета освобождения от большевизма» стало попросту покупать в розницу, а весьма часто и оптом нужные ему от нних услуги. Сменивший Стивенса на посту председателя комитета Х. Сарджент, вступая в должность в октябре 1954 года, обещал, что «комитет расшнрит свою деятельность и будет стремиться сотрудничать во всех областях с эмигрантами-антикоммунистами из Советского Союза... Поэтому основной и ближайшей задачей комитета будет работа с антикоммунистическнми элементами, принадлежащими к идеологической верхушке эмигрангских кругов» [12—14].

Сарджент вполне преуспел в своем иачиниании. «Принадлежащие к идеологической верхушке» русские антисоветчнки-эмигранты разительно меняли свое отношение и к «идеологии» и к долларам. Конечно, одними из первых у кормушки ЦРУ оказались прохвосты из НТС. В минуту откровенности один из руководителей НТС признался: «Вовсе неважно, на кого работать. Важио, чтобы тебе бы-

ло хорошо... неважно, что говорить, важно, что ты от этого имеешь». Естественный результат подобной самозапродажи: «Никакой политической организации у нас нет, есть только две договаривающиеся стороны: одна — американцы, другая — мы... Они дают нам деньги, а мы поставляем им нужные кадры, а также информацию по интересующим их вопросам» [15].

Так и развивалось наступление в эфире против СССР силами ЦРУ — НТС в рамках «психологической войны». В «Наставлении о политике радиостанции «Свобода», одна из копий которого оказалась в распоряжении редакции газеты «Фолькcштимме», комментаторам и редакторам радиостанции вменялось в обязанность: «Мы должны стремиться внушить нашим слушателям действовать более энергично, чтобы преобразовать существующую советскую систему... Мы должны заставить их относиться все более критически к Советской власти и к политике Советского правительства» [16]. С самого начала функционирования «Радио «Свободы» эта организация приступает под руководством ЦРУ и к осуществлению планомерной шпионской деятельности. Советский гражданин Ю. Марин, проработавший под именем К. Неастрова несколько лет на радиостанции «Свобода», получил возможность не только детально ознакомиться с этим аспектом деятельности радиостанции, но и передать в распоряжение советских компетентных органов документальные доказательства, еще раз подтвердившие аналогичные свидетельства о деятельности «Радио «Свободная Европа», собранные ее бывшими «сотрудниками» — польским разведчиком А. Чеховичем, чехословацким разведчиком П. Минаржиком и болгарским разведчиком Х. Христовым [17].

Разведывательная деятельность «Свободы» носит весьма разнообразный характер. Используя открытые советские источники, прежде всего прессу, сотрудники «Свободы» составляют для ЦРУ аналитические обзоры и прогнозы состояния и развития Советских Вооруженных Сил, оборонной промышленности, экономического потенциала в целом, различных социологических и внутриполитических тенденций, характерных для развития советского общества. Пользуясь присвоенной самими себе репутацией «природных знатоков русской души и русского образа мышления», недоступных для понимания западных разведслужб, в том числе и своих шефов из ЦРУ, «специалисты» из работающих на «Свободе» предателей подчас делают

выводы и выступают с рекомендациями с позиций «святее папы». Вполне понятно, что нельзя переоценивать их влияние на формирование американской политики в отношении Советского Союза, но нельзя и не видеть, что результаты подобной «исследовательской» деятельности «Свободы» — еще один аргумент, который охотно используется теми из американских политических деятелей, которые, исходя из своих собственных убеждений, выступают против разрядки.

Другим аспектом разведывательной деятельности «Свободы» является осуществляемый ее специальным отделом радиоперехват как внутренних советских систем беспроволочной коммуникации, так и переговоров соответствующих центральных советских служб с находящимися в плавании гражданскими и военными судами, подводными лодками, самолетами. Прослушиваются также радио- и телефонные переговоры советских и иностранных посольств и миссий, аккредитованных в третьих странах. Когда в семидесятые годы «Свобода» была официально признана филиалом ЦРУ, ее служба радиоперехвата была перебазирована на территорию казарм дислоцированных в ФРГ американских войск, но не прекратила своей деятельности.

Менее успешно, но тем не менее столь же энергично осуществляется направленный против СССР шпионаж путем использования в этих целях встреч и знакомств с выезжающими за границу советскими гражданами. Поскольку «Свобода» имеет свои опорные пункты и своих агентов практически во всех западных странах, для этого есть соответствующие возможности.

Симбиоз пропаганды, подрывной работы и шпионажа под крышей «Свободы» понятен, в свое время направление ее работы было задумано в ОПК, ЦРУ [18] и с тех пор никогда не менялось. Это и есть один из примеров «психологической войны». Передачи подрывных радиостанций, нашел Р. Клин, «оказывали тонкий психологический нажим... ЦРУ организовало эту операцию по просьбе официальных представителей США, ибо считалось — радиопередачи будут более эффективными, если скрывается их связь с американским правительством» [19]. Так на практике осуществлялась концепция роли пропаганды в рамках подрывной деятельности, точно соответствующей формуле, предложенной в свое время Донованом. Он говорил:

«Пропаганда на заграиицу должиа использоваться как ииструмент войиы — нскусная смесь слухов н обмаиа, правда — лншь примаика, чтобы подорвать едииство и сеять смятеиие... В сущиости, пропагаида — острие первоначального проиикновення, подготовка иаселеиия территории, избраииой для вторжения. Это первый шаг, затем вступает в действие пятая колоииа, за иими диверсиоиио-десаитиые части, нли «коммаидос», н, иакоиец, выступают дивизии вторжеиия» [20].

Положенне это, сформулироваииое в годы второй мнровой войны, с точки зреиия руководства ЦРУ нмеет непреходящую цеииость н иикогда ие утрачивало своей действеииости. Претворнть его в жизиь дальше обозиачеииого первого этапа мешает ие иежелаине ЦРУ, а обстоятельства, над которымн оио не властио. Что и показал коитрреволюциоииый мятеж в Веигрин осеиью 1956 года.

3

Геиезнс кровавых событнй, разыгравшихся тогда в страие, восходит к подрывиой деятельиостн западиых спецслужб, поджигательские радиопередачи иа Венгрию только ее виешиее проявлеиие. Во всяком случае, они вселяли тупую увереиность в мятежинков — стонт только иачать, как с Запада последует массироваииое вторжение на их стороне. Еслн бы ие было этнх завереинй, коитрреволюцноиеры иикогда бы ие осмелнлись подиять оружие.

Не кто другой, как Р. Никсон, тогда вице-президеит США, с иачалом мятежа поспешнл иа граинцу с Веигрией, в Австрию. По его словам, он встретнлся там с группой мятежииков: «Я спросил: «Как вы счнтаете, «Голос Америки» н радно «Свободиая Европа» виеслн свой вклад, поощряя восстаине?» На их лицах выразилось удивленне по мере того, как переводился этот иедипломатнческнй вопрос. Один из ннх дал ответ: «Да!» [21] Даже те, кто впоследствии пытался изобразнть мятеж как стихийное «восстаиие», ио находился с мятежинками, отмечают: где бы ин собиралась очередиая шайка баидитов, там обязательно иадрывался радиоприемник, иастроеииый иа волиу радиостаиции «Свободиая Европа». Провокациоиные передачи, рассчитаииые прежде всего на эту аудиторию, заверяли бандитов: вы иа вериом пути.

Спустя ровио двадцать лет после коитрреволюционно-

го мятежа «Нью-Йорк таймс» под заголовком «Рассказ о плане ЦРУ в 1956 году в отношении Восточной Европы» поместила интервью с Д. Энглтоном, который в 1956 году ведал контрразведкой и подрывными операциями в ЦРУ. Поводом для выступления отставного деятеля ЦРУ послужили, вероятно, бесславный юбилей мятежа и ущемленное авторское самолюбие — только что вышла книга Р. Клина, с которой Д. Энглтон заявил несогласие по ряду второстепенных деталей. Так вот передавала газета рассуждения Энглтона:

«К середине пятидесятых годов «мы привели в соответствие со сложившимися условиями оперативные группы, которые были созданы по приказу свыше в 1950 году», сказал Энглтон, сославшись на директиву об учреждении ОПК, в компетенцию которого входило использование квазивоенных оперативных групп, для того «чтобы ни в коем случае не соглашаться со статусом-кво советской гегемонии». Г-н Визнер, рекомендованный генералом Д. Маршаллом (тогда министр обороны. — *Н. Я.*) на пост руководителя программой подрывных действий, и г-н Энглтон «провели обширную подготовку»... Выходцы из Восточной Европы, частично члены довоенных крестьянских партий в Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии, прошли подготовку в секретных центрах ЦРУ в Западной Германии под руководством экспертов ЦРУ. Г-н Энглтон добавил, что эти части возглавлял «прирожденный лидер из Югославии, в свое время получивший военную подготовку в Австро-Венгрии при Габсбургах»... Однако вспышки в Польше, Венгрии и Румынии произошли преждевременно, поэтому тайные оперативные группы не сумели ввести в действие» [22].

Едва ли в этом причина. У. Колби, вероятно, ближе к истине, когда в своих мемуарах описывает, как воронье из подрывных подразделений ЦРУ мигом слетелось к границам Венгрии при первых известиях о мятеже:

«Со времен создания ОПК под руководством Фрэнка Визнера ЦРУ имело задачу или считало, что имеет ее — оказывать военную поддержку в стиле ОСС группам сопротивления, стремящимся свергнуть тоталитарные коммунистические режимы. В Венгрии такие группы мы называли борцами за свободу... Как только началось восстание в Венгрии, Визнер и

высшие руководители управления планов (так с 1952 года именовалось ОПК, слившееся с другими подразделениями ЦРУ. — *Н. Я.*), особенно имевшие касательство к подрывной работе, полностью изготовились к действию — прийти на помощь борцам за свободу оружием, обеспечением связи и воздушным транспортом. Именно для такой работы и были предназначены квазивоенные подразделения ЦРУ. Можно доказать, что ЦРУ могло бы выполнить это, не вызвав мировой войны между США и СССР.

Но президент Эйзенхауэр рассудил иначе. Какие бы сомнения ни существовали в ЦРУ в отношении политики Вашингтона в этих делах, отныне они навсегда исчезли. Было установлено раз и навсегда: США, твердо стоящие на позициях сдерживания Советов, в их существующей сфере влияния не будут пытаться освободить ту или иную территорию в границах этой сферы... ибо ценой этого может оказаться третья мировая война.

Визнер прилетел в Вену к концу восстания, а затем выехал к венгерской границе взглянуть на происходившее собственными глазами... Вскоре после этого он ушел в отставку из ЦРУ по состоянию здоровья, его пост занял Ричард Биссел. Визнер так и не оправился. Когда он покончил с собой, то это была такая же жертва реальностей «холодной войны», как и самоубийство министра обороны Джеймса Форрестола» [23].

Если террористы Ф. Визнера в конце 1956 года рвались в бой, то в Белом доме куда лучше представляли соотношение сил между США и СССР в случае большой войны. Примерно в это время в Вашингтоне имели возможность понять, что Соединенные Штаты становятся не неуязвимыми для ответного удара. Уроки контрреволюционного мятежа в Венгрии в этом отношении были поучительными: хотя первопричина вооруженной вспышки лежала в подрывной деятельности американских спецслужб, Эйзенхауэр не мог допустить, чтобы события в Венгрии оказались спусковым крючком для мировой термоядерной войны. Уроки не были должным образом усвоены, «психологическая война» имеет собственную инерцию и логику. Случившееся в Венгрии, по словам Колби, «предоставило великолепнейшие возможности для пропаганды... (которыми) максимально воспользовались ЦРУ и его союзники» [24].

В 1959 году конгресс США принимает резолюцию «О порабощенных странах», предлагая американцам оплакивать участь оных ежегодно и звать к их «освобождению». Резолюция потрясла даже видавшего виды Д. Кеннана. Во втором томе мемуаров, вышедших в 1972 году, Кеннан выразил, вероятно, искреннее отчаяние по поводу того, в какие дебри завела «психологическая война» Соединенные Штаты:

«В нашей стране есть шумные и влиятельные элементы, которые не только хотят войны с Россией, но имеют ясное представление, ради чего ее нужно вести. Я имею в виду беглецов и иммигрантов, особенно недавних, из нерусских областей Советского Союза и некоторых восточноевропейских стран. Их идея, которой они страстно, а иногда беспощадно придерживаются, проста — Соединенные Штаты должны ради выгоды этих людей воевать с русским народом, дабы сокрушить традиционное Российское государство, а они установят свои режимы на различных «освобожденных» территориях...

Эти элементы с успехом апеллировали к религиозным чувствам (в США) и, что еще важнее, к господствующей антикоммунистической истерии. Представление о размерах их политического влияния дает тот факт, что в 1959 году они сумели протащить в конгрессе руками своих друзей так называемую резолюцию о «порабощенных странах». По публичному признанию их оракула д-ра Л. Е. Добрянского, тогда доцента Джорджтаунского университета, он написал ее с первого до последнего слова. Этот документ и был торжественно принят конгрессом как заявление об американской политике. Резолюция обязывает Соединенные Штаты в рамках, посильных для конгресса, «освободить» двадцать два «народа», два из которых вообще не существуют, а название одного, по-видимому, изобретено нацистской пропагандистской машиной во время прошлой войны... Невозможно представить худшее, чем хотели заставить нас сделать эти люди, — связать нас политически и в военном отношении не только против советского режима, но также против сильнейшего и самого многочисленного этнического элемента в традиционном Российском государстве. Это было бы безумием таких неслыханных масштабов, что при одной мысли

об этом бледнеет как незначительный эпизод даже наша авантюра во Вьетнаме... Я имел кое-какое представление о границах нашей мощи и знал, что то, что от нас требовали и ожидали, далеко выходит за эти границы»[25].

Так. Только один вопрос — что, разве Кеннан не знает, кто содержит и поддерживает этих преступников? Для него едва ли было большим откровением указание на их опору — ЦРУ.

4

То, что слова не претворялись в дела — действия, могущие дать толчок необратимым процессам, прямо ведущим к большой войне, объяснялось растущим пониманием мощи Советского Союза. Кое-какие сведения Вашингтону об этом давало ЦРУ.

Необычно убыстрившийся процесс накопления человеческих знаний дал основания говорить о совершающейся на наших глазах научно-технической революции. Параллельно ей и паразитируя на ней, развивалась военно-техническая революция. Было только естественным, что этих веяний времени не избежало и ЦРУ. Дополнительный толчок к приобщению ведомства к новым научно-техническим возможностям был дан самим конституционным главой государства. Акт официального подключения ЦРУ ко всеблагим источникам научных знаний нашел свое внешнее оформление в распоряжении Эйзенхауэра о создании консультативного комитета президента по делам разведки. В начале 1956 года комитет приступил к выполнению своих обязанностей. В число его первоначальных членов вошли научные и технические представители военно-промышленного комплекса, например, «отец» водородной бомбы Э. Теллер и Дж. Фостер-младший, впоследствии руководитель отдела научно-исследовательских работ Пентагона.

Консультативный комитет, заслуги которого были высоко оценены руководством ЦРУ, вскоре вынужден был признать, что не может справляться с возраставшим объемом работы. С 1961 года комитет по своей собственной инициативе неоднократно выступал с предложениями о создании управления по науке и технике в самом ЦРУ. В конечном итоге эти предложения получили правительственное одобрение, и в 1963 году в структуру ЦРУ было

включено новое главное управление по науке и технике (ДДСТ). В приказе об организации ДДСТ указывалось, что его главная задача — научно-техническое обеспечение сбора разведывательной информации о Советских Вооруженных Силах и прежде всего о советской военной технике.

Как и следовало ожидать, ДДСТ было построено уже по известным принципам в ЦРУ, когда к подрывной работе прямо привлекаются ученые. В официальной истории ЦРУ подчеркивается: «ДДСТ было создано с целью поддержания связей и получения консультаций вне ЦРУ. Рядом мер был обеспечен постоянный обмен между главным управлением и общинами ученых и промышленников. Во-первых, поскольку вся научно-исследовательская работа для создания технических средств проводилась по контрактам, ДДСТ опиралось и использовало лучшие технические достижения по всей стране. Во-вторых, в интересах привлечения самых квалифицированных специалистов из промышленности и науки главное управление установило высокие оклады по способностям. В результате стал происходить обмен кадрами между ДДСТ и частной промышленностью — работавшие в ней на несколько лет переходили в ДДСТ, а затем возвращались назад. Этот образ действия дал возможность главному управлению постоянно пользоваться услугами самых талантливых ученых. Наконец ДДСТ установило практику регулярного использования совещательных групп со стороны, а также участие сотрудников главного управления в совещаниях и семинарах, проводимых различными профессиональными объединениями ученых и промышленников»[26].

Как в случае с ОНЕ, основанным У. Лангером, так и учреждение ДДСТ ярчайшим образом показывает — светлые умы американской науки и техники не видят ничего зазорного служить ЦРУ. Не зловещее ведомство «проникает» в науку, а наука составляет костяк соответствующих подразделений ЦРУ. Разница между гуманитариями и учеными в области позитивных наук в ЦРУ только в количестве, последних неизмеримо, невероятно много. Им есть где приложить руки — ЦРУ буквально фонтанирует омерзительными идеями, разработка которых передается ученым и инженерам.

Конечно, дело наладилось не сразу. Первоначальный период внедрения сугубо технических методов и средств

ведения разведки отличался сочетанием почти безграничной щедрости в финансировании нового направления и поразительной бедности инженерных идей, которые выдвигались в целях его практического осуществления. В ЦРУ не любят вспоминать, что на рубеже и в начале 1950-х годов оно, например, всерьез и с энтузиазмом принимало участие в программе становления службы стратегической разведки против СССР с помощью запуска высотных воздушных шаров, а ведь на эту программу было тогда затрачено огромное количество усилий и средств. Однако постепенно, когда к делу стали привлекаться во все более широких масштабах квалифицированные специалисты, положение изменилось. Заметным шагом вперед ЦРУ стало создание по его заказу и под его административным руководством самолета-шпиона У-2 для ведения систематического и надежного сбора разведывательной информации о появлении в СССР новой военной техники и ее размещении.

Непосредственное осуществление этой задачи по приказу директора ЦРУ А. Даллеса было возложено на специальную координационную группу, возглавлявшуюся Р. Бисселом — одним из будущих «стратегов» операции по высадке контрреволюционного десанта в заливе Качинос на Кубе. Впрочем, в руководстве проектом строительства У-2, как следует из последовавшего за этим повышения по службе, Биссел, по мнению высшего руководства, справился неплохо. От выдвижения идеи о создании самолета-шпиона до ее полного практического воплощения в металл и сверхчувствительную электронику было затрачено немногим более шести лет. Темпы выполнения программы особенно ускорились после того, как проект, преодолев все бюрократические препоны, по контракту был передан для исполнения компании «Локхид корпорейшн». Ровно через восемнадцать месяцев ее правление поторопилось передать ЦРУ своего первенца. В течение следующего, 1956 года было построено двадцать два таких самолета.

Полеты самолетов-шпионов над территорией Советского Союза продолжались до мая 1960 года, когда один из них, пилотируемый летчиком Пауэрсом, был сбит в районе Свердловска. Однако вынужденное прекращение дальнейших полетов У-2 над советской территорией не привело ЦРУ к отказу от использования этого самолета для сбора разведывательной информации. Самолет-шпион сыграл свою роль в возникновении и развитии международного

кризиса в районе Карибского моря. Во время вьетнамской войны он систематически использовался для ведения военной разведки над территорией ДРВ. У бывшего командующего американскими экспедиционными силами во Вьетнаме генерала Уэстморленда одно из самых неприятных воспоминаний — эпизод, связанный с гибелью У-2 в конце 1966 года. Тогда командование на месте и «зеленые береты» были подняты на ноги сыпавшимися из Вашингтона приказами во что бы то ни стало разыскать и изъять из рук противника «черный ящик» самолета — сверхсекретный, опечатанный блок электронной разведывательной аппаратуры. Следствием этих требований стала еще одна из бесчисленных трагедий, разыгравшихся в те годы в джунглях Южного Вьетнама. Заброшенная вертолетами в район падения У-2 ударная группа «зеленых беретов» уничтожила в поисках «черного ящика» несколько тыловых партизанских лагерей, переполненных беженцами, детьми и женщинами.

Использование У-2 для ведения разведки против СССР способствовало расширению возможностей ЦРУ в сборе стратегической информации. Задачи разведывательных полетов У-2 формировались специальным комитетом, созданным Бисселом, в который, помимо ЦРУ, входили представители командования всех видов вооруженных сил, агентства национальной безопасности и государственного департамента [27]. На закрытых слушаниях в конгрессе по вопросу о расширении «разведывательного наступления» на СССР министр обороны Гейтс свидетельствовал в своих показаниях, что самолеты У-2 доставляли «жизненно важную информацию о советских аэродромах, самолетах, ракетах, ракетных испытательных и тренировочных полигонах, размещении специальных систем оружия, строительстве подводных лодок, атомной промышленности, размещении и базах стратегической авиации...» [28].

Лишившись этих возможностей со времени бесславного окончания миссии Пауэрса, руководство ЦРУ все последующие годы не оставляло попыток найти новые возможности ведения воздушной разведки против СССР. В 1963 году парк самолетов-шпионов ЦРУ пополнился еще одним детищем «Локхид корпорейшн» — сверхскоростным стратегическим разведчиком СР-71, окрещенным по его абсолютно черной окраске «Блэкберд» («Черная птица»). На высоте в 25 километров, которая является рабочим

потолком самолета, его скорость почти в три раза превышает скорость звука. Разведывательиое оборудоваиие «Блэкберд» позволяет получать отчетливые снимкн предметов размерами приблнзительно около фута. Самолет оборудоваи мощными средствами защиты против обиаружеиия его радарамн противника. Полеты «Блэкберд» всегда совершаются в строгой тайие. Одиако, сокрушаются в ЦРУ, разрекламированное достнженне шпионской технихи окажется ие больше чем безошибочно поражаемой целью при первой же попытке пересечь советскую граиицу.

Последнее соображеиие, видимо, и определило окончательиый отказ ЦРУ от попыток коиструирования разведывательиого самолета, способного хотя бы отиоснтельио безнаказаиио совершать полеты иад территорией СССР. В середнне февраля 1978 года агентство ЮПИ сообщило, что вместо этого ЦРУ совместио с Пеитагоиом приняли решение иачать строительство иового, модифнцироваиного варнанта самолета-шпиоиа, оборудованного разведывательной аппаратурой дальнего действия, специально рассчнтанной на ведеиие стратегической разведки против СССР из воздушного простраиства вие его территорни.

Незавнсимо от результатов дальиейшнх попыток ЦРУ вернуться к ведеиию стратегической воздушной разведкн против СССР оиа в широком плаие давио уступила пальму первеиства разведке из космоса. Само решеиие президеита Эйзеихауэра о прекращенни шпионских полетов над территорией СССР мотивнровалось Белым домом ссылками иа то, что Соедниеииые Штаты «вскоре смогут получать приблизнтельно такие же разведывательиые даииые с помощью свонх спутников» [29].

К этому, как к иеизбежиому, в ЦРУ готовилнсь ие только н не просто зараиее, но задолго до появлення самолета-шпиоиа У-2. Из цехов заводов «Локхид корпорейшн» лишь готовились выкатить первые, опытные экземпляры У-2, а в ЦРУ уже поинмали, что «русские иедолго дадут ему летать в своем небе», и делали вывод о «иеобходимости всемерио ускорить работы иад созданием его будущего преемиика» [30].

История создаиия американской космической разведкн, если согласиться с миеиием достаточно компетентного в этих вопросах генерала Шривера, ведет свое начало с того доброго дия в 1946 году, когда ВВС США предложили молодой исследовательской организации РЭНД

изучить возможности конструирования и вывода на орбиту спутников-шпионов. К весне 1951 года РЭНД, превратившаяся к тому времени уже в «РЭНД-корпорейшн», подготовила доклад «Пригодность космических спутников для их использования в целях космической разведки». Несмотря на то, что работа носила еще чисто теоретический характер, она сразу же привлекла внимание ЦРУ, под эгидой которого «РЭНД-корпорейшн» в последующие три года и провела ряд более серьезных исследований о возможностях создания спутников разведки. В марте 1954 года результаты этих изысканий в виде четырехтомного доклада «О потенциальных возможностях нетрадиционной разведки» были переданы заказчикам. Приблизительно к этому же времени была завершена разработка и другого секретного проекта запуска на орбиту искусственного спутника. Коллегами и соперниками «РЭНД-корпорейшн» оказалась группа ученых-ракетчиков, которые в конце войны были захвачены в Германии ОСС и нелегально ввезены в Соединенные Штаты.

С 1956 года началось осуществление первой американской программы создания и вывода на орбиту спутников разведки. Она получила официальное название «Усовершенствованной системы разведки» и кодовое наименование «УС 117Л».

В сентябре 1960 года программа значительно расширяется и получает новое официальное название «Спутниковой системы наблюдения», или, сокращенно, «Самос». Высокие темпы осуществления этой программы были еще более ускорены после «приземления» Пауэрса на советской территории. По настоянию ЦРУ она отнесена решением Совета национальной безопасности к категории «первоочередных национальных задач США», а лицом, ответственным за техническое исполнение входивших в нее проектов, назначен министр ВВС США, которому при этом вменялось в обязанность согласовывать все свои действия на этом поприще с руководством ЦРУ.

Осенью 1961 года, когда создание спутника «Самос» приближалось к завершению, президент Кеннеди отдал указание о полном засекречивании программы — вплоть до запрещения о каком бы то ни было упоминании о ней. Вся деятельность по созданию космической разведки объявлялась, таким образом, как вообще «не существующей», и в дальнейшем запуски спутников разведки никогда не упоминались.

Осуществляя беспрецедеитное по своим размерам расширение деятельностн по выводу в космос новых, все более усовершеиствуемых систем космнческой разведки, Соедниенные Штаты объявляют ее полностью «законной» и не протнворечащей сложнвшейся международной правовой практике. Более того, космнческая разведка рекламнруется Вашнигтоиом в качестве чуть ли не единственного н, уж во всяком случае, главнейшего инструмента сдерживания гонкн вооружений и поддержания мира. Вопрос этот является далеко не столь простым, как он представляется американской государственой пропагандой. Его генезис берет свое начало с выдвнгавшегося в свое время презндентом Эйзенхауэром предложения об устаиовленнн так называемого «режнма открытого иеба». Фактнческн, учнтывая, что США располагалн тогда большнм числом военио-воздушных баз по периметру советскнх границ, дело шло о попытке одностороииего прнсвоения себе Соединенными Штатамн права на постоянный н тщательнейшнй надзор да днслокацией, боевым и техиическим состоянием Советскнх Вооруженных Снл. Еще более важиым для Пентагона, как это признается сейчас н некоторымн амернканскимн исследователямн, было полученне «закоиного» н удобного средства устанавлнвать точное месторасположенне целей иа советской террнторнн для наиесения по ним ядерных ударов амернканскимн стратегическимн бомбарднровщикамн.

С наступленнем 1957 года, когда для Вашннгтона становнтся очевидным, что советская программа выведения на орбнту первого космнческого спутника заметно опережает амернканскую, эта позицня претерпевает вндимые разнтельные нзменения. В посланнн «О положенни страны» презндент Эйзенхауэр говорнт уже о том, что «бесконтрольиое» выведенне в космос спутников может привести к «опасным» последствиям, н заявляет о готовностн США заключнть с СССР «любое надежное соглашение, которое позволило бы контролнровать вопросы, связаиные с развнтием... космическнх спутиков»[31]. Появление советского спутннка было встречено в амернканской печатн заявленнями о том, что каждый его пролет иад террнторней США следует рассматрнвать как нарушенне нх суверенитета. В ряде амернканскнх судов былн даже возбуждеиы дела о нарушеннн советским спутнном «закоиных прав» владельцев земельной собственностн. 8 октября 1957 года США вносят в ООН предложеине о том, что эта международная органнзацня должна одобрить прннцнп под-

чннення любой деятельности в космосе международному (то есть прн существовавшем тогда положенни дел — амернканскому) контролю и что такая деятельность должна осуществляться исключнтельно в «научных и мнрных» целях.

Однако, еслн пролеты над амернканской террнторией первых советскнх спутннков, чнсто научный характер которых был хорошо известен Вашингтону, вызвалн у руководнтелей США столь резкую негатнвную реакцню, то по мере успехов собственной космонавтики онн началн возвращаться к прямо противоположной точке зрения. «Соединенные Штаты, — пнсал журнал «Форчун», — энергично форснруют теперь запуск своих спутннков-шпнонов, и этн усилня, насколько можно суднть, не встречают сколько-ннбудь серьезных затруднений нз-за офнцнальной познцнн Соедннненных Штатов, провозгласнвших в законе о космнческнх нсследованнях, что такне нсследовання должны предпрннниматься только в мнрных целях н на благо всего человечества»[32]. В Вашнигтоне прекрасно отдавалн себе отчет в том, что взятый США курс на создание спутников космнческой разведкн не может не быть расценен как опасный.

Неуднвнтельно поэтому, что в самнх США уже запуск экспернментального образца «Самоса» вызвал бурю страстей. Несмотря на то, что ЦРУ и Пентагон «проделали все очень тихо, очень тактично, стараясь нзбежать новых публнчных скандалов»[33], некоторые лнца, прнметные в США, отнюдь не пришлн в восторг от действий правительства. Нн у кого нет сомненнй, саркастнческн комментнровал журнал «Нейшн», что «Самос» — это не более н не менее как «удачная комбннацня провокацнн и пользы», целью которой является «открытое перенесение разведывательной войны на террнторию Советского Союза»[34]. Запуск первого оперативного разведывательного спутннка «Самос» был произведен всего через неделю после того, как презндент Кеннедн подтверднл заявление своего предшественника об отказе от проведення в дальнейшем воздушной разведкн над террнторней СССР! Вашнигтон сознательно избрал курс, который не мог не рассматриваться в то время нначе, как нарушающнй прнзнанные нормы международного поведення. «Весьма сомнительно, — подчеркнвал в редакцнонной статье офнцноз ВВС США «Эйр форс мэгэзнн», — чтобы правительство отказалось от такого ценного инструмента, как космическая разведка... и можно

иадеяться, что иа это ин в коей мере не повлияют ин оптимизм, выражаемый в связн с возможиым улучшеием отиошений с Советскнм Союзом, ин опасеиия, что космнческая разведка может рассматриваться как провокацноиные н ие совместимые с существующей международиой практикой действня»[35].

Советскнй Союз не счнтал необходимым занять по этому вопросу бескомпромнссную позицию. Поскольку в период обсуждення текста договора о прннципах деятельности государств в космнческом пространстве представнтели США иеизменно и упорио возражали против всех предложеннй советской стороиы, направлеииых к запрещению космического шпноиажа, было очевидным, что проявление негибкости с иашей стороиы могло бы повестн только к отрицательиым последствиям. Коль скоро иельзя было мирными средствамн помешать Вашиигтоиу продолжать заниматься космической разведкой, безусловное иастанваине иа запрещении этой деятельности в международном масштабе поставило бы СССР в иевыгодное положенне, моральио связав его свободу действий в ответ на предпрннимаемые США усилия в этом направлении. К еще более опасным последствням моглн бы прнвестн попыткн противодействовать силой пролету амернканскнх спутннков разведкн над советской террнторней. Не говоря уже о том, что в то время это представлялось техиически трудноразрешнмой задачей н ие было возможностей определнть, какой нменно нз американскнх спутннков является космнческнм шпионом, Советский Союз нн прн какнх обстоятельствах ие мог взять на себя инициативу развязываиия, по сутн дела, открытых военных действнй протнв США в космическом пространстве.

Это противоречило бы не только его прнацнпиальным устаиовкам о мнриом сосуществоваинн государств незавнсимо от их социальио-экономнческих систем, ио и всему его внешиеполитнческому курсу иа решеине спориых или конфликтных вопросов мнриыми средствами. Наконец, в практическом плаие отказ пойти иа компромнссное соглашенне в выработке взаимоприемлемых принципов деятельностн государств в космическом простраистве мог повестн лншь к полному срыву этнх переговоров. Все эти обстоятельства и определилн то положение, что в текст договора ие были внесеиы какие-либо формулировки, прямо запрещающне использоваиие космических летательиых устройств в разведывательиых целях. Как и в прииятой осеиью 1963 года

Генеральной Ассамблеей ООН соответствующей резолюции говорилось лишь об общем запрещении военной деятельности в космосе, размещении там ядерного оружия и других средств массового уничтожения.

Эти положения были подтверждены в 1972 году в ходе советско-американских переговоров об ограничении гонки стратегических вооружений. Обе стороны согласились, что в целях преодоления трудностей, связанных с позицией Вашингтона, о необходимости создания механизма проверки взятых на себя СССР и США обязательств каждая из них будет осуществлять такую проверку, с помощью собственных национальных средств разведки и что обе они не только не будут стремиться нарушать работу таких средств другой стороны по осуществлению ими наблюдения за размещением стратегического оружия, но и предпринимать какие-либо преднамеренные меры по скрытию самих объектов такого наблюдения.

Признание Советским Союзом определенной правомерности перенесения государствами своей разведывательной деятельности в космическое пространство ни в коей мере и никогда не означало, однако, признания им правомерности осуществления таких действий в каких-либо других целях, кроме целей поддержания мира, ограничения гонки вооружений и постепенного перехода к согласованному ограничению таких вооружений. Между тем, осуществляя свою разведывательную деятельность непосредственно над территорией СССР, ЦРУ и в его лице Соединенные Штаты действуют из побуждений, часто носящих прямо противоположный этим целям характер. Сам факт существования СССР как силы, способной противостоять военному нападению на него со стороны американского империализма, утверждают руководители американской разведки, «требует от нас неустанно наносить по нему встречные удары»[36].

Даже в те годы, когда американская наука и техника делали первые шаги в освоении космического пространства, создание средств космической разведки неизменно связывалось в США не со стремлением убедиться в отсутствии «советской опасности», а с планами нанесения Советскому Союзу «первого удара» и последующего его военного разгрома. Давая показания в конгрессе в конце 1963 года о возможных путях использования космических спутников, генерал Гэйвин указывал, например, что «первым и очевидным стратегическим требованием к космическим проектам является создание спутников разведки»[37].

В сборе разведывательной информации о советских стратегических ракетах основной упор делался не на установлении их численности и определении их боевых характеристик, но на точной фиксации координат ракетных установок, знание которых является одним из основных и непременных требований при определении траектории полета баллистической ракеты к цели и наиболее вероятного поражения этой цели. Именно такое предназначение, например, имеют американские спутники разведки, снабженные особыми фотокамерами, основной отличительной особенностью которых является так называемая картографическая, или метрическая, адекватность получаемых с их помощью снимков действительному геодезическому контуру фотографируемой местности.

Еще одним примером ведения США космической разведки в целях, не имеющих ничего общего с укреплением дела мира, может служить широко осуществляемый ЦРУ сбор так называемой «электромагнитной» разведывательной информации с помощью спутниковых систем типа «Феррет». Понятие «электромагнитная разведка» охватывает собой весьма разнообразный спектр военной информации, начиная от подслушивания радио- и телефонных коммуникаций военного характера и до определения месторасположения и рабочих характеристик противовоздушной и противоракетной обороны противника.

Наконец, подтверждением общей агрессивной направленности разведывательной деятельности США из космоса служат и разрабатываемые под эгидой ЦРУ спутниковые системы космического перехвата.

В начале апреля 1977 года в американских газетах появились сообщения о том, что Пентагон представил конгрессу США доклад об осуществляемой им секретной программе создания более совершенных средств уничтожения советских спутников. Продолжающая окружать эту программу атмосфера особой секретности не случайна: она осуществляется в прямое нарушение договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, под которым стоит подпись и США. Именно поэтому в докладе содержится указание на то, что «в интересах национальной политики США предпринимаемые нами усилия по созданию системы оружия, предназначенной для нейтрализации вражеских спутников, не должны предаваться гласности» [38].

В США заметно интенсифицируется разработка проек-

тов использования также и пилотируемых космических летательных устройств для перехвата и уничтожения вражеских спутников.

5

Рассматривая деятельность ЦРУ по сбору разведывательной информации о мерах СССР по укреплению своей обороноспособности, мы весьма искусственно проводили границу между информацией, которая при проявлении руководством США реального стремления к миру, ограничению гонки вооружений может так или иначе способствовать этим целям, и информацией, прямо предназначенной для ее использования в качестве исходных данных ракетно-ядерного удара по нашей стране. В реальной действительности информация и первого характера используется подчас Вашингтоном далеко не в позитивном плане. Препарированная в соответствии с требованиями гонки вооружений, она в фальсифицированном виде преподносится американскому и мировому общественному мнению в качестве «доказательств» якобы проявляемых Советским Союзом признаков агрессивности.

В осуществлении этих целей Вашингтон с доверием полагается на ЦРУ, зарекомендовавшее себя в подрывной работе, в том числе в провокациях. Бывший кадровый работник ЦРУ генерал У. Корсон отмечает, что ведомство в этом отношении иной раз забегает вперед высших властей: «Может показаться странным говорить о вмешательстве разведки в политику... Но ЦРУ не безликая организация. Его деятельностью руководят люди сильной воли, и далеко не все из них стоят вне политики или проявляют готовность без рассуждений подчиняться любым приказаниям свыше». Когда, по мнению таких «людей сильной воли», поясняет Корсон, государственная политика оказывается «близорукой или ставящиеся ею цели представляются им недостаточно правильно определенными», «они поддаются естественному соблазну подсыпать немного песка в шестеренки этого механизма» [39].

При администрации Трумэна «люди сильной воли» из ЦРУ, предостаточно довольные президентом, тем не менее не забывали еще больше подогревать его антисоветский пыл. В докладах ЦРУ президенту привлекалось внимание правительства к откровенно фальсифицируемым «свидетельствам» того, что СССР якобы «готовится начать вой-

ну путем нанесения удара по Западной Европе или Соединенным Штатам»[40], и рекомендовалось предпринять «без дальнейших промедлений» решительные «ответные» действия[41].

С официальным провозглашением доктрины «массированного возмездия» в качестве основы американского внешнеполитического курса и по мере все более отчетливо просматривавшейся кристаллизации идей о развязывании против СССР «превентивной» войны ЦРУ энергично стремится способствовать достижению США «решающего» уровня военной силы. В соответствии с продолжавшими доминировать в те годы в американском стратегическом мышлении представлениями о примате воздушной мощи решение этой задачи виделось прежде всего на путях дальнейшего наращивания способности США к авиационно-ядерному удару. В Пентагоне рассчитывали, что, располагая значительным флотом стратегических бомбардировщиков, а также сетью военно-воздушных баз, расположенных в непосредственной близости от советских границ, американские ударные силы окажутся в состоянии прорвать советскую противовоздушную оборону, уничтожить все или подавляющее большинство намеченных целей. «Мы, — писал Г. Киссинджер, — оценивали даже создаваемые нами военные союзы прежде всего с точки зрения предоставляемых ими возможностей по созданию новых авиационных баз»[42]. Но становилось очевидным, что дальнейшее осуществление подобного курса заклеймит США как державу, готовящую агрессию, и встретит сопротивление как со стороны общественного мнения, так и даже в конгрессе. Преодолеть это сопротивление возможно лишь путем убеждения в «авиационном отставании» США от СССР, возникающей в связи с этим «смертельной угрозе» советского «нападения». Помочь в этом могло только ЦРУ, и оно незамедлительно начало действовать. Началась очередная операция «психологической войны».

15 февраля 1954 года журнал «Авиэйши уик» воспроизвел на своих страницах доставленные в редакцию таинственными личностями снимки двух «советских самолетов». В редакционной статье, сопровождавшей эти фотографии, отмечалось, что один из них, видимо, представляет собой новый стратегический бомбардировщик дальнего действия, пригодный для нанесения ядерных ударов по территории США. Ровно через месяц редакция «Авиэйши уик» вновь удостоилась посещения вышеупомянутых таинственных

личностей, сообщивших на этот раз, что производство советского стратегического бомбардировщика дальнего действия уже поставлено на поточную линию и «к сегодняшнему дню СССР уже, по всей вероятности, располагает сотнями таких самолетов»[43]. Начатая этим журналом кампания нагнетания страха перед «советской угрозой» была подхвачена и другими амернканскнми изданиями, изощрявшимися в изобретении еще более фантастических измышлений. Сенатор С. Саймингтон, один из влиятельнейших членов комиссии по делам вооруженных сил, занимавший в правительстве президента Трумэна пост министра ВВС, потребовал в конгрессе принятия неотложных мер по «ликвидации авиационного отставания США». «Сейчас совершенно очевидно, — паниковал он, — что Соединенные Штаты, как и другие страны свободного мира, теряют свой контроль в воздухе... Очевидно также, что коммунисты по меньшей мере обгоняют США по количественным и качественным показателям своих военно-воздушных сил...»[44]. Длнныe уши провокаторов из ЦРУ во всей этой истории узреть можно без труда. С восторгом описывал беспрецедентно накалившуюся атмосферу тот же «Авиэйшн уик»: «Быстрый прогресс СССР в строительстве и развертывании реактивной стратегической авиации дальнего действия глубоко потряс даже обычно наиболее информированных военных руководителей в Пентагоне»[45].

Надо думать, что шоковое состояние этих несчастных достигло своих вершин, когда к концу 1955 года представители разведки ВВС США подтвердили, что из неких авторитетных и таинственных источников ими получена информация о том, что численность советских стратегических бомбардировщиков дальнего действия уже «в два раза» превосходит численность американских. Все это позволило правительству Эйзенхауэра, не вызывая какой-либо оппозиции, объявить об увеличении плана строительства стратегических бомбардировщиков, доля ВВС в военном бюджете приблизилась к 50 процентам и даже к 60 процентам. Устаревающие поршневые самолеты времен второй мировой войны и первых послевоенных лет полностью заменяются турбовинтовыми и реактивными. Общая численность авиационного ударного кулака США из новейших по тем временам образцов составила около двух тысяч самолетов.

И вдруг, как в гоголевском «Ревизоре», происходит нечто невероятное: оказывается, не было никакой опасности

«авиационного отставания», оказывается, США угрожает совсем другое «отставание» — ракетное. Доказательство: опережающий запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли. Выясняется также, что Советский Союз, несмотря на то, что создание им межконтинентального стратегического бомбардировщика наряду с овладением ядерным оружием было тем необходимым элементом, которое разъяснил американцам Г. Киссинджер, «определило коренные изменения в соотношении сил в послевоенный период» [46], рассматривал овладение способностью к нанесению ответного авиационно-ядерного удара всего лишь как промежуточный шаг в овладении действительно эффективными средствами нанесения такого удара по возможному агрессору. Более того, сосредоточивая втайне свои усилия на строительстве ракетных средств доставки ядерных зарядов, советское военное командование якобы прибегло к «коварным уловкам», чтобы ввести в заблуждение американскую разведку, заставить США поверить, что СССР осуществляет беспрецедентное наращивание своей военно-воздушной силы. Одним словом, баснословные затраты на строительство стратегической авиации признавались теперь по большей мере неоправданными, и вина за это, конечно, возлагалась на Москву!

В этой картине каждый мазок фальшивый. Если говорить о так называемом американском «ракетном отставании», США не только не были в неведении относительно ракетной программы СССР, но начали ракетную гонку первыми и были убеждены в том, что именно они окажутся победителями в ней. Но идеи о том, что «первый удар» по СССР может быть подготовлен и осуществлен еще до того, как будут созданы и развернуты советские межконтинентальные средства доставки ядерных зарядов — авиационные или ракетные, — были реальностью. Вспомним логику составителей плана «Дропшот». Не меньшей реальностью были и чисто групповые, корыстные интересы сложившегося к тому времени в рамках военно-промышленного комплекса могущественного авиационного сектора. Наконец, любое расширение гонки вооружений, даже если оно и не было полностью оправданным с точки зрения ставившихся военных целей, рассматривалось правящей элитой США как явление отнюдь не отрицательное.

Означает ли это, что президент Эйзенхауэр, Пентагон и руководство ЦРУ оказались в вопросе «авиационного отставания» в равной степени жертвами обстоятельств и

владевших ими предубеждений, в равной степени ложнымн пророками? На этот вопрос иельзя дать одиозначного ответа. Очевидно, однако, что в нагнетанин атмосферы военного психоза, страха перед «советской угрозой» ЦРУ сыграло особую, иаиболее низменную роль. Если заявления и прогнозы всех остальных относительно реальности «советской опасности» подвергались сомнениям и критике, то ЦРУ выступало, опираясь на «факты». ЦРУ пользовалось абсолютным доверием в Вашингтоне и широко использовало это доверне в провокационных антисоветских целях, что и было частью «пснхологнческой войны» против иашей страны.

Но следует отметить и другое. В деле с «авиационным отставанием» ЦРУ не было необходимости оказывать какое-либо особое давление на Белый дом, так как президент Эйзенхауэр полностью поддерживал разработанную военно-промышленным комплексом стратегию нового резкого наращивания американской авиационно-ядерной мощи. Поэтому независимо от того, на каких уровнях доверительиости строились в то время взаимоотношения между президентом и ЦРУ, обе стороны дружно стремились к достижению одной цели, и между иими царили добрые отиошения.

Провокацнонное дело о «ракетном отставании» во многом изменило эту ситуацию, оно, как сразу стало очевидным, могло иметь весьма неприятные последствия для правительства Эйзенхауэра н, более того, для республиканской партии вообще. Состряпанное с прицелом на президентскне выборы 1960 года, оно было немедленно подхвачено демократамн для дискредитацин военного и политического престижа президента. На состоявшейся в середине октября в Канзас-Сити регнональной конференции лидеров демократической партии правительство Эйзенхауэра обвинялось в подчинении интересов национальной обороны соображениям внутренней политнки, стремлению завоевать популярность среди избнрателей. Общий тои выступлений на конференцни хорошо передает заявление экс-президента Трумэна о том, что ее участники «безоговорочно клеймят» Эйзенхауэра за «неспособность использовать огромные технические возможности страны» в целях поддержания на должном уровне амерdevelop американского военного превосходства [47].

В конгрессе было организовано «расследование» прнчнн «отставания» США в ракетных вооружениях. Его ведение было поручено сенатской подкомиссии по военной готовности комиссии по делам вооруженных сил, возглавлявшейся

в то время сенатором Л. Джонсоном. Оно затянулось на многие месяцы, и с точки зрения межпартийной борьбы превратилось в руках демократов в удобное орудие внутриполитического давления на правительство. В этом им посильно помогала и так называемая «либеральная пресса», вольно или невольно включившись в «психологическую войну», она была готова втоптать в грязь Эйзенхауэра. «С таким президентом, который фактически находится как бы в полуотставке, — писал, например, У. Липпман, — у нас нет знамени, вокруг которого мог бы сплотиться народ. Мы будем плыть по течению к состоянию хронической катастрофы, не имея никого, кто указал бы нам наши цели, выработал бы нашу политику». Липпман требовал «начать бег» гонки ракетных вооружений, и «начать его не откладывая» [48].

На первый взгляд президент Эйзенхауэр мог бы легко доказать всю беспочвенность и абсурдность возводившихся против него обвинений. Можно было разъяснить, что нелепо говорить о каком бы то ни было военном «отставании» США, когда их арсеналы ломятся от стратегических вооружений и это положение не меняется только оттого, что они впервые утратили свою якобы существовавшую ранее стопроцентную «неуязвимость» от советского ответного удара. Столь же нелепо было говорить и о «ракетном отставании» как таковом, тем более о недооценке Белым домом ракетного оружия. В конце концов именно им, генералом Эйзенхауэром после вторжения союзников в Европу в 1944 году был подписан приказ о проведении секретной операции «Пейперклип» по «отлову» фашистских ученых-ракетчиков во главе с фон Брауном. Именно в его президентство их пребывание в США было узаконено, и они стали полноправными американскими гражданами. С их помощью американская ракетная программа быстро набрала темпы сразу после старта и неуклонно продолжала расширяться все последующие годы.

Достаточно сказать, что к весне рокового 1957 года над ее осуществлением работали более ста тысяч человек и около двадцати тысяч промышленных предприятий. Он так же озаботился, когда начало становиться очевидным, что СССР, возможно, обгоняет США в создании баллистических ракет, перевести программу их разработки и строительства в категорию первоочередных программ общенационального значения. Наконец, он никогда не жалел сил и средств на эту программу. Он говорил правду,

когда однажды в ответ на заданный ему корреспондентами вопрос о положении дел в ракетном строительстве ответил: «Мы делаем все возможное, чего здесь можно добиться с помощью человеческого разума, науки и имеющихся у нас материальных ресурсов» [49].

Но любая попытка выступить в полный голос в свою защиту означала бы независимо от его намерений подрыв очередной кампании военной истерии. Президент Эйзенхауэр так до конца и не решился на это. Пытаясь все же как-то защищаться, он вначале занял «позицию спокойствия», а затем, когда нарастание критики достигло невыносимых пределов, предпринял робкие демарши с целью доказать, что далеко не все обстоит так плохо, как это представляется милитаристской пропагандой. Но на Капитолийском холме ему уже не хотели верить. Тогда, в отчаянии, он сослался на ЦРУ и имеющуюся у него информацию. Это было ошибкой: Белый дом и ЦРУ говорили теперь на разных языках, и оказание помощи старому президенту противоречило бы теперь тем интересам, которые ЦРУ продолжало преследовать в деле о «ракетном отставании».

Распространенные в американской историографии утверждения о том, что ЦРУ в то время и само находилось под влиянием ошибочных представлений относительно целей и масштабов осуществлявшегося Советским Союзом строительства своих ракетных средств ответного ядерного удара, не выдерживают критики. Имевшиеся в ЦРУ данные, как это будет признано впоследствии и руководством ведомства, не давали никаких оснований для тревоги. Было совершенно очевидно, что, развивая ракетно-ядерное вооружение, СССР стремился обеспечить способность ответного, оборонительного, удара.

Однако, когда сенатская подкомиссия по военной готовности комиссии по делам вооруженных сил приступила в конце января 1959 года к очередному раунду слушания показаний об американской программе космических исследований и строительства систем ракетного оружия, «ее члены все еще оставались в неведении о том, что сделанные во время полетов У-2 фотографии не давали каких-либо оснований думать, что русские приступили к массовому производству и размещению межконтинентальных баллистических ракет» [50]. Более того, это держалось в тайне даже от председателя сенатской комиссии по делам вооруженных сил Саймингтона и в нарушение сло-

жившейся традиции от претендентов на звание кандидатов в президенты как от демократической, так и от республиканской партий. Вместо этого в доклады ЦРУ о советской «ракетной опасности» с видимой серьезностью включались пересказы всех самых диких измышлений, поступавших подчас от анонимных источников, например, что СССР уже освоил производство новых, еще более мощных ракет и штампует их, по крайней мере, по полутора десятка в месяц.

Не менее поразительными оказались и выводы, к которым пришли участники ситуационного анализа, проведенного в ЦРУ. Эти джентльмены, каким-то образом умудрившись забыть об известных им фактах, предрекли, что к 1960 году арсенал советских межконтинентальных баллистических ракет будет насчитывать по меньшей мере 500 установок, а американский — дай бог, если дюжину. А это, утверждали они, позволит СССР нанести по США неожиданный массированный удар, уничтожить в ходе его все или почти все самолеты стратегического авиационного командования и, вероятно, экстраполировав американские планы войны против нас на СССР, заодно — все главные города США[51]. Директор ЦРУ А. Даллес, выступая в комитете конгресса, не постеснялся заявить, что советское руководство якобы надеется использовать достигнутое СССР «превосходство» в уровне ракетно-ядерной мощи для того, чтобы, «угрожая США своими межконтинентальными баллистическими ракетами с ядерными боезарядами, заняться спокойно консолидацией своих позиций в ряде нестабильных регионов некоммунистического мира»[52].

Особенно тщательной обработке со стороны ЦРУ подвергается претендент на пост президента от демократической партии — Д. Кеннеди. Утаивая от него фактические данные о реальном положении вещей в области соотношения ракетно-ядерной силы между США и СССР, ЦРУ в то же время с трогательной предупредительностью снабжает Кеннеди копией так называемого «доклада Гейтера», хотя этот доклад был официально отпечатан всего в двух экземплярах и представлен только президенту и Национальному совету безопасности. Причиной этому послужила чрезмерно откровенная, даже с точки зрения тогдашнего американского руководства, агрессивная направленность содержащихся в докладе рекомендаций. Х. Гейтер, бывший президент правления фонда

Форда, и руководимая им группа ученых и военных специалистов, работавшая над составлением доклада по указанию президента Эйзенхауэра, требовали немедленного колоссального увеличения военных расходов, подготовки страны к развязыванию «превентивной» войны против СССР, указывая, что любое промедление будет способствовать лишь дальнейшему «ракетному отставанию» США.

В запале межпартийной борьбы это вполне устраивало Кеннеди. Драматически предупреждая страну, что США «живут на краю вулкана» и что, «пока будет существовать ракетное отставание, мы не можем надеяться на успешное продолжение нашего внешнеполитического курса» [53], Кеннеди требовал «восстановить нашу силу... доказать Советам, что время и ход истории работают не на них, что баланс мировых сил склоняется не в их пользу» [54]. Для достижения этого выдвигались уже знакомые рецепты. «Я убежден, — говорил Кеннеди, — что, если американцы будут достаточно хорошо информированы о фактах, каждый из них скорее согласится на дополнительные военные расходы, чем захочет рисковать в будущем жизнью своих детей» [55].

Бомбардируемое этими и им подобными весьма чувствительными ударами, обвиняемое в нерасторопности, забвении и предательстве национальных интересов, правительство Эйзенхауэра мечется между «позицией спокойствия» и демонстрацией еще более высокого, чем у его оппонентов, уровня своего «боевого духа». По распоряжению президента Эйзенхауэра половина всего парка самолетов стратегического авиационного командования переводится на режим постоянного боевого дежурства с ядерным оружием на борту, а известное число оснащенных термоядерным оружием бомбардировщиков Б-52 — на режим круглосуточного патрулирования в воздухе вблизи границ СССР. На чрезвычайном заседании кабинета, состоявшемся всего через неделю после запуска советского спутника, был принят ряд важных решений для дальнейшей интенсификации темпов выполнения американской ракетной программы. Выступая в ноябре по радио и телевидению с рекламой предпринимаемых его правительством шагов по ликвидации «ракетного отставания», президент Эйзенхауэр призывал своих слушателей потуже затянуть пояса и приготовиться к началу следующего раунда гонки вооружений, которые «будут стоить много, очень много денег» [56].

Но все это уже не могло спастн положения. Шнрнвшаяся истерия «ракетного отставання» все больше овладевала душамн как конгрессменов, так н обывателей. В неравной борьбе со своим конкурентом кандидат в презнденты от республнканцев Р. Никсон вынужден был пойти на беспрецедентный шаг дезавуирования военной полнтнки находящегося у властн правнтельства своей же партии. «Мы будем, — заявлял он, пытаясь нейтрализовать критику Кеннеди в адрес республиканцев, — исходить из того, что расходы на вооружения в ближайшем будущем должны не уменьшаться, а увелнчнваться... Мы не можем чувствовать себя спокойно, располагая только тем оружием, которое у нас есть, мы не можем следовать примеру уходящего правительства, которое удовлетворялось нмеющимнся в его распоряжении авиационно-ядерными средствамн нанесения удара, в то время, когда такой новый вид оружия, как межконтинентальные баллистические ракеты, угрожает сделать его устаревшим»[57]. Но для среднего амернканца заявления Никсона были лишь подтверждением вины Эйзенхауэра и правоты Кеннедн.

Последний удар по политическому престижу и доверию к правительству презндента Эйзенхауэра был вновь нанесен ЦРУ. Когда в середине декабря 1959 года было объявлено о достигнутой договоренностн по проведенню в мае следующего года конференцин глав четырех держав в Париже, оно по-своему включилось в ее подготовку. После нескольких месяцев перерыва в полетах самолетов-шпионов над советской территорией ЦРУ вновь прибегает к этой практике. В канун совещания в верхах 9 апреля 1960 года с одного из аэродромов Пакистана вылетел У-2, имея своим заданием облет южных районов советской территории. После изучения доставленных нм фотоснимков специалистамн ЦРУ Белому дому было заявлено, что они дают основание предполагать, будто Советский Союз развернул обшнрные стронтельные работы, которые, «возможно», имеют отношение к подготовке новых установок для межконтинентальных баллистических ракет. На этом основании руководство ЦРУ настаивало на повторном облете указанных выше районов СССР самолетом У-2 через трн-четыре неделн.

После нескольких отсрочек очередной вылет У-2 с базы в Пакистане был намечен на 1 мая 1960 года. Пнлот самолета-шпиона и в этот день почтн час просидел в кабине самолета в полном полетном снаряжении — до по-

следнего момента задерживалось утверждение полета Эйзенхауэром. Наконец с контрольной башни был дан приказ на вылет — из Вашингтона пришел условный сигнал. У-2 Пауэрса взмыл в воздух и через четыре часа летного времени был сбит вблизи Свердловска. Дальнейшее — беспрецедентный международный скандал и уличение президента Эйзенхауэра во лжи — достаточно известно.

В ЦРУ воцарилась глубокая скорбь — все технические ухищрения с целью обеспечить безопасность полетов над территорией СССР были биты. Центральное разведывательное управление было поймано с поличным [58]. Политически был нанесен громадный ущерб возможностям нормализации обстановки в мире. Человек, компетентный в делах ЦРУ, Ф. Праути замечает: «Полет Пауэрса был в высшей степени необычным. Он не был частью обычной программы полетов У-2. Он был проведен крошечной группой во внутренней элите (ЦРУ) по причинам, которые никогда не окажется возможным установить. Если бы случайно тем четырем людям, руководившим этим полетом, пришла в голову мысль, что неудача этого относительно маловажного полета полностью сорвет надежды и планы на совещание в верхах, то они не могли бы избрать лучшего метода и времени для этого» [59].

Стоило Д. Кеннеди стать президентом, как он немедленно стал проводить в жизнь программу резкого увеличения производства ракетных систем оружия наземного и подводного базирования. Она стала основой всего дальнейшего наращивания США своего ядерного арсенала, предвосхитив даже идею современного проекта «мобильных» ракет МХ. Продолжал ли президент Кеннеди заблуждаться относительно «ракетного отставания»? Нет. Свидетельством этого могут быть появившиеся уже осенью 1961 года статьи близкого к Белому дому журналиста Дж. Олсопа. «До последнего времени, — писал он, — было принято считать, что Советский Союз располагает приблизительно 200 межконтинентальными баллистическими ракетами, то есть вполне достаточным количеством, чтобы замышлять планы неожиданного ядерного нападения на Соединенные Штаты. Сейчас, однако, никто уже не считает, что максимальное число таких ракет превышает 50, и таким образом вопрос о неожиданном нападении на Соединенные Штаты просто не может рассматриваться советским руководством сколько-нибудь серьезно» [60]. О том, что никакого «ракетного отставания»

не существует, было вскоре заявлено н самим президеитом Кенреди. Но дело было сделаио. Администрация Кеннеди резко усилила гонку ракетно-ядерных вооружений.

Принятне нли непринятне Кеннеди решеиия об объявлении блокады Кубы во время кризиса в бассейне Карибского моря осенью 1962 года в иемалой мере зависело от оцеики существовавшего в то время соотношеиия сил между США и СССР. По мнеиию ряда американских исследователей, Кеннеди решился пойти на риск ядерной конфронтации, лишь будучи убежденным в том, что СССР не располагает реальными возможностями такого противоборства. Руководство ЦРУ, разумеется, пылко поддержало мнение президента, нисколько не смущаясь тем, что ранее оно утверждало совсем противоположное. Нет необходимости возвращаться к описанию того, как развивались дальнейшие события, но все же будет не лишним напомнить, что если бы Кеннеди и его правительство вовремя не осознали смертельную опасность проводившегося имн курса, мир мог бы оказаться ввергнутым в безмерную катастрофу ядерной войны. «Я говорю о мире, — подчеркнул и сам президент Кеннеди, подводя уроки кризиса в районе Карибского моря, — потому что у войны сейчас новое лицо. В век, когда великие державы располагают большими и сравнительно неуязвимыми ядерными силами и когда их нельзя заставить сдаться без того, чтобы они не попытались прибегнуть к этим силам, тотальная война лишается своего смысла. Она лишается своего смысла в век, когда взрывная сила одной ядерной бомбы почти вдесятеро превосходит взрывную силу всех бомб, сброшенных в течение второй мировой войны союзными военно-воздушными силами. Она лишается своего смысла в век, когда смертоносные вещества, выделяемые в результате взаимного применения ядерного оружия, с помощью ветра, воды, почвы и семян будут переноситься в самые отдаленные уголки земного шара и к еще не родившимся поколениям» [61].

Такие сентенции Кеннеди, подсказанные пережитым им во время кризиса в бассейне Карибского моря, едва ли устраивали «сильные личности» из ЦРУ. Преждевременно произносить конечное суждение о последствиях для президента начавшегося с этого момента отчуждения между Белым домом и ЦРУ. Что касается Кеннеди, то он определенно был недоволен ЦРУ. Как заметил американ-

ский публицист К. Сейл: «Возьмем убийство Кеннеди. Высшие руководители ЦРУ могли иметь ряд причин для того, чтобы обуздать или устранить Кеннеди, ибо его политика в отношении Вьетнама, Советского Союза, Восточной Германии и Кубы была противоположной предложениям ЦРУ. Однако, с моей точки зрения, главная причина была выживание, а именно собственная карьера, существование ЦРУ в таком виде, как хотели его руководители. Помните, что в 1963 году ЦРУ переживало серьезные изменения. Оно было опозорено после фиаско в заливе Свиней, после чего Кеннеди поклялся установить более жесткий контроль над операциями ЦРУ. Перечислив ряд случаев, когда ЦРУ «вызывали на ковер», К. Сейл заключает: «Незадолго до роковой поездки в Даллас Кеннеди прямо пригрозил ЦРУ, что «разобьет ЦРУ на тысячу кусков и развеет по ветру» [62].

Хотя в рассуждениях такого рода просматривается «дьявольская теория истории», мало отвечающая академическим, научным критериям, все это дает не очень скудную пищу для размышлений. История убийства Кеннеди все таит в себе некоторые загадки, и то, что существование заговора сейчас признается почти несомненным, говорит о многом. Но если даже роль ЦРУ в этом деле так и остается навсегда невыясненной, никто не может отрицать, что именно оно пыталось использовать смерть Кеннеди для еще одной попытки провоцирования военного столкновения между США и СССР.

Едва успели отзвучать роковые выстрелы в Далласе, повергшие всю страну в состояние панического, готового в любую минуту разразиться слепой яростью напряжения, как из ЦРУ стали поступать «совершенно достоверные» сведения о том, что руководящие деятели Советского Союза один за другим таинственно исчезают из Москвы. Выводы напрашивались сами собой: «кремлевские правители» решили воспользоваться воцарившимся после смерти президента в стране хаосом и нанести по США ядерный удар; они покидают теперь свою столицу, чтобы не оказаться в числе жертв, если Москва все же будет разрушена какой-нибудь из сохранившихся после «тотального советского нападения» американских ракет. В результате Вашингтон отдал приказ об объявлении состояния всеобщей «красной тревоги». Посещение американского посольства в Москве советским лидером на следующий день после убийства президента Кеннеди сорвало

эту затеяниую ЦРУ нгру. Одиако, свндетельствует У. Корсои, состояние тревоги продолжало сохраияться еще несколько дней, в теченне которых возможиость развязываиия ядерной войны между США и СССР вследствие возннкновення новых подобиых «ошнбок» ЦРУ «оставалась весьма реальной»[63]. Только впоследствнн, в ходе расследованнй деятельиостн ЦРУ выяснилось, что не только советскне руководящне лнца ннкуда ие исчезалн нз Москвы, ио и от американскнх нсточинков на месте такнх сведеинй ие поступало. ЦРУ попыталось замять скандал ссылками иа то, что представлеиные оттуда обычиые обзорные сводки оказалнсь просто «затеряиными» среди многократно возросшего в дни крнзнса потока ииформацин. Но оно так н не смогло объяснить, какнм образом эта «непоступнвшая» из Москвы ниформация превратилась в весьма определенные сообщеиия столь угрожающего характера. Впрочем, по прнсущей крнтнке ЦРУ делнкатности онн н не настаивалн на полном выясненнн этого любопытиого обстоятельства.

6

Антнкоммуинстическая, в шнроком плаие антиреволюционная деятельность ЦРУ повсюду, где назревала антиколоинальная, нацноиальио-освободнтельиая, классовая борьба протнв тех нлн нных форм угиетення во нмя свободы — на Фнлнппнах н Кубе, в Гватемале, Индонезни, Сннгапуре, Конго, Грецнн, Боливнн, Лаосе, Чнлн, — нмеет ярко выражеиный контрреволюцнонный характер. Аналнз этой деятельиостн потребовал бы, однако, зиачнтельиого расширеиня рамок иастоящей работы н в известной степеин отхода от иашей основиой темы. Но было бы иеправильиым н полиостью обойти эту проблему. Поэтому, не затрагнвая ее во всей полиоте, остановимся сейчас только иа одиом нз прнмеров такой деятельности ЦРУ, тем более что речь ндет о прямой агресснн амернкаиского нмперналнзма протнв соцналистнческого государства — соцналнстнческой Республнкн Вьетиам.

«Мы, — призиавал журиал «Форни эфферс», — начали вмешнваться во виутреиние дела Индокитая под влияннем нден о существованнн совместного и очень опасного коммуинстнческого вызова, брошеииого нам Москвой... еще до иачала корейской войны»[64]. Админнстрация Трумэна, которая имеет все осиоваиия претеидовать иа ав-

торство этой идеи, основывало свои суждения о складывавшейся в этом регионе обстановке на «совершенно достоверных» агентурных донесениях ЦРУ. В принятой на этой же основе Национальным советом безопасности оценке ее дальнейшего политического развития подчеркивалось, что «опасность коммунистической агрессии в Индокитае — это только одна сторона коммунистических планов захвата всей Юго-Восточной Азии»[65]. Возникшее таким образом клише, которому президент Эйзенхауэр придал изящную форму «теории домино», не менялось и в дальнейшем. «Мы, — писал после своей поездки по странам этого региона вице-президент Л. Джонсон, — должны вступить в битву против коммунизма в Юго-Восточной Азии. Мы должны применить силу и поставить себе целью достижение успеха. В противном случае США неизбежно должны будут удалиться из тихоокеанского бассейна, перенести линию своей обороны на берега собственного континента»[66]. Президент Кеннеди, хотя он всегда достаточно иронично относился к политической прозорливости Джонсона, утвердил тем не менее подготовленный на основе ситуационного анализа ЦРУ меморандум Национального совета безопасности, в котором подчеркивалось: «Потеря Юго-Восточной Азии сделает беспредметными любые дальнейшие рассуждения о ее важности для свободного мира. Мы окажемся перед фактом неизбежного сдвига стран этого региона и Индонезии к позициям приспособленческого существования с коммунизмом... Это подорвет доверие к США и в других регионах мира»[67].

В одном из первых докладов министра обороны Макнамары президенту Джонсону красной нитью проходил тот же мотив боязни «неудержимого падения стоящих рядом друг с другом костяшек домино»: «Почти вся Юго-Западная Азия станет жертвой коммунистической агрессии... Таиланд, может быть, с нашей помощью продержится еще некоторое время, но и он будет находиться под постоянным и огромным давлением. Положение на Филиппинах станет неустойчивым... В огромной степени возрастет угроза Индии, Австралии, Новой Зеландии, Тайваню, Японии и Корее...»[68] В широком, глобальном масштабе развивал эту тему и президент Никсон. Даже тогда, когда поражение американского империализма во Вьетнаме становилось все более очевидным, он продолжал утверждать, что отказ от достижения военной побе-

ды «поставит под угрозу сохранение мира не только во Вьетнаме, но также на Ближнем Востоке и других регионах мира» [69].

Все эти страхи американских политических деятелей перед «происками московского коммунизма» в Юго-Восточной Азии, подтверждавшиеся и генерировавшиеся поставлявшимися ЦРУ «точными фактическими данными», толкали Вашингтон на непосредственное вмешательство в развитие событий в этом регионе прежде всего с помощью того же ЦРУ, которое пользовалось этим для дальнейшего формирования там менявшейся ситуации в нужном ему провокационном направлении. В 1954 году во Вьетнам прибыла первая относительно малочисленная группа сотрудников ЦРУ, именовавшаяся для отвода глаз «сайгонской военной миссией». Ее возглавил имевший уже солидный опыт подавления революционного движения на Филиппинах полковник Э. Лансдейл. Руководством ЦРУ перед Лансдейлом была поставлена задача добиться во что бы то ни стало срыва Женевских соглашений. Во Вьетнаме Лансдейл организует акты диверсии и саботажа, которые подкрепляются так называемым «психологическим наступлением на коммунизм», например, путем распространения слухов о неизбежной девальвации денег Ханоем, арестах и физической ликвидации всех имущих классов «коммунистическим правительством» и даже распространением отпечатанных в США «Астрологических альманахов» с катастрофическими предсказаниями для Севера Вьетнама. Одновременно сотрудники Лансдейла вербуют среди неустойчивых и враждебных социализму элементов своих агентов, которые направляются для обучения на секретные базы ЦРУ в Южном Вьетнаме, а затем вновь переправляются на Север и пытаются «фиксироваться» там на различных постах.

Эти и подобные им методы широко использовались ЦРУ и в последующие годы. Одной из наиболее трагических для народа Южного Вьетнама операций ЦРУ в этом плане стала так называемая операция «Феникс», осуществлявшаяся в течение ряда лет под непосредственным руководством будущего директора ЦРУ У. Колби. Она вылилась в массовое хладнокровное уничтожение мирного населения. В ходе этой операции Колби «лично устанавливал месячные квоты уничтожения гражданского населения, которые должны были выполняться в обяза-

тельном порядке»[70]. Уже после назначения Колби директором ЦРУ журнал «Парэйд», пытаясь отмыть кровь и грязь со своего кумира, писал: «Операция «Феникс» может быть, конечно, отнесена к разряду случаев неоправданной жестокости... и сам Колби соглашается с этим. Но подобные явления характерны вообще для всех войн, и нам представляется, что было бы вопиющей несправедливостью заклеймить Колби, как это теперь пытаются делать некоторые, массовым убийцей и военным преступником... Так можно, пожалуй, дойти и до того, что под страхом подобного же клейма окажутся и наши ветераны второй мировой войны, убивавшие немцев...»[71]

Трудно с уверенностью утверждать, как именно развивались бы события в Юго-Восточной Азии после перехода президентской власти к Джонсону, если бы как раз в это время американские эсминцы не подверглись «неспровоцированному нападению» в Тонкинском заливе. Проведенное позднее сенатской комиссией конгресса по делам разведки расследование, подробности которого секретны по сей день, полностью подтвердило, что главная роль в розыгрыше этого фарса принадлежала ЦРУ. Принятие конгрессом воинственной «тонкинской резолюции» могло иметь место прежде всего потому, что сообщенная ЦРУ информация об инциденте была воспринята как фактологическая, основанная на проверенных разведывательных данных. Никто в то время не мог или не считал нужным предположить, что ЦРУ снабдило заседающих на Капитолийском холме джентльменов ворохом сенсационных сообщений, умолчав, что они представляют собой не больше чем пересказ различных домыслов об инциденте. Но роковой шаг был сделан, и администрация Джонсона могла начать «необъявленную» войну США во Вьетнаме.

Разбирая историю публикации «Бумаг Пентагона», Ф. Праути привел достаточно веские доказательства того, что эта затея преследовала цель скрыть подлинную историю ЦРУ в генезисе и эскалации американской агрессии против народа Вьетнама. Он рассуждает:

«Коренная двойственность, всегда разделявшая разведывательное сообщество и в конечном итоге создавшая ему дурную славу, заключается в том, что разведчик не может быть в стороне от проводимой им операции. Это верно в отношении всего ЦРУ, а не только отдельных работников. Созданное для законного дела ведения разведки, ЦРУ по уши погрузилось в тайную подрывную рабо-

ту, однако, чтобы сохранить свой статус и реноме в официальной правительственной структуре, оно должно всегда создавать впечатление, что является не больше, чем ведомством разведки, хотя в действительности втайне погружено в подрывные операции во всевозрастающих размерах.

Никогда эти попытки предстать законным учреждением не проявились столь очевидно, как при публикации «Бумаг Пентагона»... В ней разведывательные материалы вырваны из громадного количества имеющихся документов и выглядят в самом выигрышном свете, в то время как роль ЦРУ, проводившего тайные, подрывные действия, являющегося в этом отношении зловещим ведомством, осталась скрытой... Когда же в публикации «Нью-Йорк таймс» появляются тайные операции, тогда речь идет о них не как о действиях тайной организации, а они приписываются военным или кому-нибудь еще... «Нью-Йорк таймс» спрашивает: «В бумагах Пентагона не рассматривается подробно главный вопрос: почему политики действовали вопреки оценкам, подготовленным самыми ответственными работниками разведки?» Это заявление поразительно, и в некотором роде одно из самых важнейших проясняющих линию газеты в отношении публикации этих документов. Оно показывает, как глубоко прячется тайная оперативная работа ЦРУ за своим основным камуфляжем — ведомство-де занято разведкой. Почему газета так грубо ошибается? Либо она не понимает роли ЦРУ как разведывательной и в то же время оперативной организации (а при одновременном выполнении их в ЦРУ возникают конфликты и соперничество), либо газета играет на руку искусным апологетам ЦРУ, пытающимся заставить нас поверить — за проблему Вьетнама несут ответственность другие, но не ЦРУ...

В самом деле, с 1945 года в критические 1954 и 1955 годы и до 1964 года почти все, что делалось во Вьетнаме, включая подбор генералов и послов, было делом рук ЦРУ, министерство обороны играло второстепенную роль, госдепартамент почти никакой. Поэтому... (приведенный) вопрос «Нью-Йорк таймс» точно бьет в цель... Но почему никто не указал, что большинство из этих опубликованных документов в действительности не принадлежали Пентагону, а были подготовлены в других местах, включая ЦРУ... Подразделения ЦРУ, занятые подрывной работой, имели куда больше возможностей

учесть собственные предостережения ЦРУ (то есть подразделений, занятых разведкой), чем любые другие ведомства в Вашингтоне»[72].

Деятельность ЦРУ маскируется многослойной ложью в самой иерархии руководящих органов Соединенных Штатов. Ложью, нередко переходящей в провокацию.

7

Радетели ЦРУ, впрочем, с возмущением отвергают указания на то, что это ведомство способно действовать подобными методами. В качестве противоположного образца они обычно ссылаются на тот факт, что в деле с решением о строительстве Соединенными Штатами системы противоракетной обороны руководство ЦРУ проявило пылкую любовь к истине. Что ж, как говорится, было и такое. Но весь вопрос заключается в том, как и с какой целью отверзлись «правдивейшие» уста ЦРУ.

В конце мая 1969 года министр обороны США Лэйрд, выступая перед подкомиссией по делам обороны комиссии по бюджетным ассигнованиям палаты представителей в защиту создания такой системы, ссылался на то, что это необходимо ввиду якобы реально возникшей угрозы овладения СССР способностью «первого удара». Существование этой угрозы, заявил Лэйрд, подтверждается не вызывающими никаких сомнений разведывательными данными, имеющимися в распоряжении ЦРУ[73].

В конгрессе нашлись сомневавшиеся. 13 июня на заседании сенатской комиссии по бюджетным ассигнованиям сенатор С. Саймингтон напомнил: «В начале 50-х годов я, как и многие другие, наивно верил тем, кто уверял нас, что русские собираются построить тысячи и тысячи стратегических бомбардировщиков. Конечно, ничего подобного они и не собирались делать... В конце 50-х годов я снова попался на удочку тех, кто как будто бы со знанием дела определял численность межконтинентальных баллистических ракет, которые русские собираются построить... Позднее это число было сокращено на 96,5 процента. Таким образом, оба пугала 50-х годов оказались преувеличенными — и я сам наряду с другими невольно принимал в этом участие — почти на все 100 процентов»[74]. Сенатор Фулбрайт, занимавший в то время пост председателя сенатской комиссии по иностранным делам, предложил Лэйрду разъяснить, на какую именно информацию

ЦРУ он ссылался в своем выступленни. Лэйрд потребовал, чтобы его показання былн заслушаны иа закрытом заседаннн комнссни н чтобы одновремеино с ним мог дать свои показания и днректор ЦРУ Хелмс.

Заседанне состоялось 23 нюня 1969 года. При подготовке текста его протокола к опублнкованню Лэйрд иастоял на том, чтобы нз него былн нсключены все показання Хелмса. В таком внде протокол создавал впечатленне, что Хелмс подтвердил утверждения Лэйрда. Но Лэйрд переиграл, дополнительно потребовав от Фулбрайта согласня на помещение перед текстом протокола своего «разъяснительиого» письма, в котором изъятие показаиий Хелмса объяснялось необходимостью сохранеиия в тайие методов ЦРУ прн сборе «ннкрнминирующей» СССР разведывательной ииформацнн. Воспользовавшнсь этим, Фулбрайт, в свою очередь, поместил перед текстом протокола свое ответное открытое письмо Лэйрду. «В конце заседаиия от 23 нюня, — указывал ои в этом пнсьме, — мною была выражена надежда, что его протокол может быть опублнкован с весьма незначительными купюрами. Однако именно Вы потребовалн изъять все сказаииое Хелмсом. Подвергшнйся такой цеизуре текст протокола действительно создает впечатленне, что виутрн самого аппарата наших органов разведки не существует никаких разногласий относнтельио значеиня некоторых последиих действий Советского Союза в области строительства вооруженнй. Но в действительиости такие разиогласия имеются, хотя все показания, которые подтверждают это, и былн нзъяты из публнкуемого текста протокола»[75].

Пнсьмо сеиатора Фулбрайта не оставляет сомиеиий, что попытка Лэйрда опереться иа ЦРУ в утверждении очередных домыслов о «советской опасности» потерпела пораженне. Хелмс неожндаиио отказался «кооперироваться» с ннм — н с правительством презндента Никсона — по этому вопросу. В этом на первый взгляд весьма страниом конфлнкте между мнннстром обороиы и днректором ЦРУ, как в капле воды, отразнлось разиомыслне между различнымн американскими полнтическнми и военнымн группировками о путях иаращиваиия вооружений. Появлеиие новых военно-техиических возможностей способствовало тому, что США встали на путь понсков методов н средств овладення способностью наиесеиия «первого удара». В Вашнигтоне, по определеиию Макнамары, теперь под такой способиостью поннмалась «не столько способ-

ность нанести ракетно-ядерный удар первым, сколько, и прежде всего, добиться этим же ударом выведения из строя основных средств противника, которые могут быть им использованы для ответного удара»[76].

Итак, стирались грани между понятиями «наступление» и «оборона». Новая концепция требовала, чтобы системы оружия рассматривались как «интегрированные», наступательно-оборонительные. «В современную эпоху, — отмечал американский военный теоретик Т. Шеллинг, — непременным условием успешного нападения является способность противодействовать ответному удару или контратаке противника... Предназначаемое для ответного удара оружие обороны может рассматриваться, таким образом, в качестве весьма близкого заменителя наступательной мощи»[77]. Если США, говорил начальник штаба ВВС США генерал Макконел, смогут опережающими темпами создать практически непроницаемую для ракет ответного удара противоракетную оборону, то «они поднимутся на новый, высший уровень своих наступательных возможностей, сравнимый лишь с тем, который они уже занимали в короткий период своего монопольного владения атомным оружием»[78]. Другими словами, указывал и Г. Кан, «США смогут тогда безнаказанно начать и выиграть войну против СССР»[79].

В ходе разработки и совершенствования проекта такой системы американской противоракетной обороны он последовательно именовался «Ника-Зевс», «Ника-Х», «Сентинел» и, наконец, «Сэйфгард». Система «Сэйфгард», подчеркивали, например, сенаторы Поновски и Макговерн, несмотря на то, что она преподносится «как мера предосторожности против возможного китайского нападения», на самом деле «с успехом вписывается в правительственные планы... приобретения США способности к нанесению первого удара по Советскому Союзу, и качественно ничем не отличается от тех шагов, которые... предпринимались бы нами, если бы мы намеревались нанести этот первый удар по Советскому Союзу»[80].

Но правительство Никсона упускало из виду, что за те немногие годы, которые успели пройти с момента первоначального выдвижения концепции об «интегрированном оружии первого удара», многое уже успело произойти, многие оценки оказались пересмотренными.

Строительство противоракетной обороны типа «Сэйфгард», стоимость которой в разное время и по различным

оценкам определялась равной 40—400 миллиардам долларов, грозило повести к безрезультативной потере не поддающихся воображению материальных, технических и людских ресурсов, лишая США возможности направить их на разработку и внедрение более «многообещающих» «интегрированных систем оружия первого удара», которыми «завтра могут стать... лазеры, другие установки, действующие по принципу использования лучевой энергии, или пилотируемые космические перехватчики с электронными средствами противоракетной обороны»[81].

Коль скоро теоретические и конструкторские решения любых других, неракетных противоракетных систем защиты еще находились в стадии разработок, не приходилось сомневаться, что проект «Сэйфгард» будет так или иначе утвержден, что и произошло несколько позже. Но в конгрессе пока не торопились, споры вокруг проекта «Сэйфгард» отражали теперь усилившиеся трения между ним и президентом. На пресс-конференции в середине марта 1969 года Никсон, не дожидаясь конца мало удовлетворявших его дебатов в конгрессе, заявил, что вынужден взять на себя личную ответственность о создании системы противоракетной обороны для защиты «наших стратегических сил»[82]. Тут-то и выступил Лэйрд с упомянутым выше заявлением. Ссылка на ЦРУ была при этом сделана почти автоматически.

Пока показания Хелмса будут оставаться засекреченными, можно строить только догадки о том, что именно заявил директор ЦРУ в тот памятный день 23 июня 1969 года. Но и ознакомление с текстом заявления само по себе еще не обещает дать ответ на основной вопрос: какими именно мотивами руководствовалось ЦРУ в этой неожиданно возникшей конфронтации с правительством президента Никсона? В качестве наиболее очевидного предположения здесь, конечно, можно указать на то, что его руководство, подобно многим другим правым критикам «Сэйфгард», уже не считало лучшей мыслью тратить средства и усилия на осуществление этого проекта. И все же, представляется, что эти разногласия не могли быть принципиальными, и их, очевидно, следует искать в иной плоскости.

Начальник штата Белого дома, самый доверенный советчик президента Никсона Г. Холдеман в своих мемуарах не скрывает, что стычки с ЦРУ по этим вопросам дорого обошлись администрации. Он приводит показания

Д. Макорда (Никсон открывает им список непосредственных виновников Уотергейта), данные сенатскому комитету 7 мая 1973 года, о том, какие прогнозы сделали в ЦРУ относительно дальнейших намерений правительства в отношении ведомства: «Белый дом в течение некоторого времени пытался установить политический контроль над оценками ЦРУ, с тем чтобы привести их в соответствие с «политикой Белого дома». Это означало, на мой взгляд, что тем самым выводы ЦРУ насильственно приводились бы в соответствие со взглядами министерства обороны по поводу американских нужд в области вооружений. Это могло быть осуществлено либо передачей функций разведки из ЦРУ в министерство обороны либо установлением полного политического контроля над ЦРУ. В результате, помимо прочего, сложилась бы примерно такая ситуация, в какую попали в тридцатые и сороковые годы руководители разведки у Гитлера — они были вынуждены докладывать то, что ему хотелось услышать о внешнеполитических намерениях и возможностях, а не то, что они в действительности считали верным. В конечном счете это было одной из причин падения нацистской Германии»[83].

ЦРУ, разумеется, никак не хотело оказаться виновником такого «падения» США! Большую драку ЦРУ с Белым домом осложнила перепутаница в США, вызванная американской агрессией в Юго-Восточной Азии.

Война во Вьетнаме — яркое саморазоблачение американского империализма как мирового жандарма, готового к самому наглому и циничному использованию военной силы во всех случаях, когда применение оружия обещает, по расчетам Вашингтона, дать хоть какой-нибудь «позитивный» результат. Все это вело к возрастающей внутриполитической и внешнеполитической изоляции правительства, и в годы президентства Никсона достигло катастрофических размеров. Естественным результатом такого хода событий было то, что Никсон оказался вынужденным прибегать к демонстрации мнимого миролюбия США, постепенно «сползая», по мнению наиболее бескомпромиссных антисоветчиков, на позиции готовности ведения переговоров об ограничении стратегических вооружений с Советским Союзом. По необходимости подобные эволюции правительства сопровождались снижением накала антисоветизма в официальной пропаганде и как результат — определенным изменением представлений о советской политике в умах «молчаливых американцев».

А американские правящие классы не прощают промахов такого рода никому, в том числе и президентам. Никсон смог еще ответить на «предательство» Хелмса последующим увольнением его с поста директора ЦРУ, но его собственная судьба была предопределена, и не за горами было уже то время, когда он окажется подхваченным и вынесенным из Белого дома грязным потоком Уотергейта.

То, что ЦРУ было среди тех, кто открыл шлюзы этого потока, едва ли вызывает сомнения. Какую бы субъективную окраску по очень понятным причинам ни имели сообщения Холдемана, сказанное им заслуживает самого пристального внимания. Получив некоторый досуг — в тюрьме на обдумывание событий, приведших к Уотергейту, а именно: «серия очевидных ошибок была, очевидно, следствием саботажа, а если так, то ЦРУ, или агент ЦРУ, действовавший в одиночку, мог осуществить историческое вмешательство, которое в конечном итоге привело к падению правительства... Зачем же нужно было ЦРУ саботировать операции, связанные с Уотергейтом?.. В ЦРУ могли бы решить, что данный президент, решивший поставить всю разведку под контроль Белого дома и готовый использовать личные сыскные группы, представляет такую опасность для ЦРУ, что следует разоблачить одну из его тайных операций. В ЦРУ наверняка знали, что последующая гласность в связи с разоблачением Уотергейта серьезно затруднит возможности для президента вторгаться далее в дела разведки».

Иными словами, по мнению Холдемана, ЦРУ преследовало только местнические интересы, и «цепь событий от разоблачения взлома до падения администрации Никсона была также неожиданностью для ЦРУ, как и для остальной страны. Цель ЦРУ заключалась в том, чтобы подорвать позицию президента, но не устранять его... В целом действительная роль и мотивы ЦРУ остаются тайной, но оно приняло участие во всех этих событиях» [84]. Слов нет, ЦРУ зажарило свою яичницу на пожаре национального скандала, но едва ли ведомству предоставили эту возможность, если бы против Никсона не ополчились анонимные силы подлинных хозяев страны. Коротко говоря — пресловутый «истэблишмент», проводящий свою волю как через институт президентства, так и через ЦРУ.

Такой взгляд на развитие событий представляется тем более имеющим право на существование, что в последующие годы ЦРУ вновь безотказно и сверх меры снабжало

«фактическими данными» всех американских политических и военных руководителей, нуждавшихся в них для обоснования тех или иных мер, направленных на продолжение гонки вооружений, создание атмосферы международной напряженности.

В начале января 1974 года министр обороны Шлесинджер выступил фактически с правительственным заявлением «о происшедших еще летом прошлого года изменениях в американских взглядах на стратегию использования ракетно-ядерных сил с целью «приобретения способности к нанесению точностных выборочных ударов по защищенным и незащищенным объектам на территории противника» [85]. Новая стратегия Вашингтона внешне напоминала уже имевшую ранее хождение «контрсиловую концепцию». Впечатление обманчивое. Дело шло о заявке США на приобретение — признание этого приобретения другими странами! — способности к «ограниченному первому удару». «Мы, — писал журнал «Орбис», — уже обладаем частичной способностью к нанесению первого удара... Почему мы должны останавливаться на этом, а не продолжать двигаться вперед? Доктрина министра обороны Шлесинджера, предусматривающая возможность ведения ограниченной ядерной войны, является еще одним шагом в этом направлении» [86].

Предостережения трезво мыслящих о том, что принятие этой доктрины приведет к снижению порога возникновения всеобщей ядерной войны, отметались с помощью поставлявшихся ЦРУ «не вызывающих сомнений данных разведки», будто бы свидетельствовавших, что СССР «нарушает» условия московских соглашений, наращивает свою способность к «разгрому» американских стратегических сил наземного и воздушного базирования в ходе планируемого им неожиданного и коварного нападения. На фоне этой картины будто бы «неоспоримых свидетельств предпринимаемых Советским Союзом мерах по приобретению способности к нанесению ядерных ударов по противнику» [87], действия самих США, направленные на создание оружия «ограниченного первого удара», преподносились как вынужденные и оборонительные.

Столь же предупредительно обслуживает ЦРУ и все последующие шаги по дальнейшему беспрецедентному взвинчиванию военного бюджета США, проталкиванию через конгресс бесконечных законопроектов о строительстве все новых и новых систем оружия.

Эти усилия ЦРУ не остаются незамеченными. Новейшая реорганизация деятельности всех разведывательных органов страны поставила ЦРУ в совершенно исключительное положение. Отныне ЦРУ имеет куда больше возможностей пропускать через свою цензуру все данные, «идущие» наверх. По той простой причине, что «разведывательное сообщество» централизовано, а на его вершине бесспорный ныне хозяин — ЦРУ.

8

Развитие чисто технических методов и средств для дистанционного сбора военной разведывательной информации способствовало, как это часто бывает, распространению среди некоторой части работников все более пренебрежительного отношения к традиционной системе агентурного шпионажа. Шпион, подчеркивал возглавивший в ЦРУ руководство по разработке и ведению разведки с помощью научно-технических методов Г. Сковил, даже если и сумеет увидеть собственными глазами новое оружие, не сможет понять и оценить его действие. Визуальное обозрение, например, атомной бомбы дает возможность описать только ее внешний вид и размеры, в то время как сейсмическая регистрация взрыва, анализ радиоактивных частиц с помощью специальной аппаратуры, установленной на самолете, и другие методы технической разведки позволяют весьма точно судить о разрушительном воздействии этой бомбы и о характере ее заряда.

Эти взгляды распространились и потому, что обширная программа ЦРУ по засылке в СССР тайных агентов ЦРУ к середине пятидесятых годов полностью провалилась. Бывший сотрудник ЦРУ Ф. Эджи пишет, что в течение определенного времени после этого к подобному способу прибегали при самой крайней необходимости и то лишь тогда, когда оказывалось возможным найти какого-нибудь «склонного к совершению самоубийства таким способом подходящего русского иммигранта» [88].

Тем не менее неумеренные восторги и увлечения техническими методами сбора разведывательной информации начали довольно скоро подвергаться критическим переоценкам. Эти методы и средства, указывал директор ЦРУ У. Колби, позволяют, как правило, получать информацию лишь о том, что «физически существует». Они фактически оказываются бесполезными, когда речь идет о сбо-

ре сведений, позволяющих судить о намерениях, научно-технических идеях или конструкторских разработках, которым собираются следовать или которые рассматриваются в стране или странах, считающихся в Вашингтоне потенциальными противниками США. Вследствие этого ограничиваться сбором информации с помощью только технических средств, особенно в современную эпоху, когда разработка новых систем оружия осуществляется все убыстряющимися темпами, значило бы обречь себя на «постоянное и опасное отставание» в понимании замыслов и перспектив развития вооруженных сил и военной техники противника. Кроме того, говорил Колби, мотивы и стратегия поведения и действий в социалистических странах абсолютно недоступны для проникновения в них с помощью технического шпионажа — «все эти сведения могут быть получены исключительно путем тайных разведывательных операций» [89].

Именно поэтому, надо думать, в ходе кампании по «расследованию» деятельности ЦРУ его руководители проявляли признаки действительной тревоги, когда могла зайти речь об агентурной деятельности ведомства. В начале 1975 года Колби неоднократно публично предупреждал, что даже разговоры о ней могут повести к существенной дезорганизации всей системы сбора агентурной информации за пределами Соединенных Штатов, так как «работающие там на нас люди уже сейчас пребывают в состоянии смертельного страха, опасаясь, что их имена могут стать достоянием гласности» [90]. Если это произойдет, подчеркивал он, то интересам «безопасности» США будет нанесен весьма серьезный ущерб, так как далеко не вся разведывательная информация, особенно информация военного характера, может получаться с помощью одних лишь технических средств наблюдения, и с этой точки зрения агентурные «источники разведывательной информации приобретают особое значение» [91].

Конечно, даже в годы наибольшего увлечения глобально действующими системами разведки, руководство ЦРУ никогда не поворачивалось спиной к рыцарям плаща и кинжала. Но в общем духе царивших воззрений оказываемая им помощь сводилась к внедрению той же «технизации» в их ремесло. Однако простое привнесение «большой» техники в «малый» шпионаж, как показал опыт, не решало, да и не могло решить «русскую проблему». К тому же число охотников лезть на рожон даже за солидное

долларовое вознаграждение весьма поубавилось. Большинство штатных сотрудников ЦРУ предпочитают не рисковать. Одетые по последней моде, щеголяющие значками привилегированных клубов, они, по свидетельству журнала «Ньюсуик», вызывают отвращение даже у нынешнего шефа ЦРУ адмирала Тэрнера [92].

Засылка нелегальных агентов ЦРУ в СССР осуществляется в подавляющем большинстве случаев под «крышей» дипломатического паспорта. Приобретаемый таким образом относительный иммунитет против возможного ареста и суда за незаконную деятельность придает агенту изрядную долю нахальства, но редко способствует сколько-нибудь более эффективному осуществлению возложенной на него миссии.

В глубине души большинство работников ЦРУ разделяет убеждение о «непостижимой сущности русского характера». Вербовка советского человека, считают они, — занятие неблагодарное: «если кто-нибудь и становится американским шпионом, то он делает это обычно по собственной инициативе и в силу собственных мотивов» [93]. В некоторых публичных выступлениях бывших сотрудников ЦРУ справедливость этого тезиса подкрепляется, например, ссылками на обстоятельства, связанные с превращением небезызвестного Пеньковского в американского и английского шпиона.

Из судебного следствия по делу Пеньковского известно, что ЦРУ первоначально не только не рассматривало его в качестве возможной кандидатуры для вербовки, но и не имело в своих многочисленных картотеках каких-либо данных, позволяющих предполагать такую возможность. Настырность Пеньковского, навязывавшегося американской разведке, не вызвала в ЦРУ доверия. Только после того, как английские коллеги ЦРУ из Интеллидженс сервис раскусили предателя и приветствовали Пеньковского с распростертыми объятиями, ЦРУ поверило в его «добропорядочность». Однако, получив от англичан в подарок Пеньковского, ЦРУ не проявило подобной же «добропорядочности» и не оставляло в дальнейшем попыток сделать его своей исключительной собственностью, лишить своих благодетелей доступа к этому источнику шпионской информации.

Но если для одних в ЦРУ уроки дела Пеньковского являются лишь подтверждением непредсказуемости поведения советских людей, то для других они — наглядное

доказательство того, что работа по вербовке должна носить более систематический, тщательный и «научный» характер. Впоследствии в ЦРУ буквально рвали на себе волосы за то, что своевременно не разглядели второго лица Пеньковского — за его безупречным официальным фасадом советского работника скрывался бесчестный, корыстный человек. Он был озлоблен на всех и все за то, что не мог добиться так быстро, как ему бы хотелось, еще более высокого положения. Конечным результатом всего этого было превращение Пеньковского в морально разложившегося человека, в циника, для которого возможности приобщения к «легкой» жизни за пределами Советского Союза стали представляться главным. Именно эта сторона личности Пеньковского и оставалась «неучтенной» вербовщиками из ЦРУ.

Новые, «научные» подходы ЦРУ в попытках вербовки граждан социалистических стран учитывают необходимость досконального знания психологической «готовности» того или другого «объекта» пойти на предательство под давлением тех или иных мотивов и обстоятельств. Главной целью такого изучения является выявление присущих данному человеку слабостей или допущенных им ошибок, которые он хотел бы скрыть от руководства, от окружающих, так как именно они рассматриваются в ЦРУ в качестве наиболее надежной основы для его вербовки.

Чрезвычайно высокая эффективность советских органов контрразведки в пределах СССР создает, как считают в ЦРУ, почти непреодолимые трудности для успешного завершения операций по вербовке советских граждан на их конечных этапах, когда после сбора «благоприятных» сведений о намеченном «объекте» возникает необходимость установить с ним личные контакты и приступить к его непосредственной «обработке» в целях получения согласия на «сотрудничество». Вследствие этого перенесение этой деятельности на территорию третьих стран становится почти неукоснительным правилом. В теоретическом плане это обосновывается также и тем, что, оказавшись в окружении несоциалистического, «свободного», общества, советский человек якобы наиболее уязвим к разного рода посулам [94].

Такой взгляд на возможность вербовки советских граждан во время их пребывания за границей объясняет, почему в направляемых ЦРУ своим иностранным центрам «Руководствах о приоритетах при выполнении поставлен-

ных задач» в качестве первоочередных выдвигаются задачи по «проникновению» в советские дипломатические, торговые и другие представительства через вербовку их сотрудников. При этом особое внимание обращается на вербовку лиц, располагающих по роду своих занятий или в силу своего служебного положения доступом к сведениям, составляющим государственную тайну.

Не меньшее внимание уделяется членам научных, специализированных и культурных делегаций. Предварительный сбор информации и «прощупывание» поручаются кому-нибудь из американских коллег по профессии. Например, давшему согласие на сотрудничество с ЦРУ американскому физику может быть организована поездка на тот или иной международный симпозиум, на котором, как ожидается, будет присутствовать интересующий разведку советский ученый. Если первоначальное сближение с ним окажется обнадеживающим, добровольный агент ЦРУ будет как бы «случайно» оказываться и на всех последующих международных встречах, в которых принимает участие объект его наблюдений. В последующем американскому ученому может быть поручена и окончательная вербовка его советского коллеги, или это будет сделано подменившим его штатным сотрудником ЦРУ.

Но все эти планы создания реально существующей агентурной сети для ведения шпионажа против Советского Союза не имеют сколько-нибудь утешительных надежд на их осуществление. В ЦРУ также вынуждены молчаливо признавать, что и в весьма дорогостоящем направлении его разведывательной деятельности, то есть в сфере сбора научно-технической информации о системах оружия, которые «уже существуют», далеко не все обстоит так блестяще, как представлялось на первых этапах внедрения новых, дистанционных методов шпионажа.

Можно, конечно, согласиться, что из анализа частиц, выброшенных в атмосферу ядерным взрывом, специалист узнает больше, чем из донесения созерцавшего внешний вид боезаряда неквалифицированного шпиона. Но такая постановка вопроса носит чисто казуистический характер. Не говоря уже о том, что с ограничением ядерных испытаний лишь подземными этот метод лишается своего смысла, истинное представление об инженерном решении как самого взрывного устройства, так и всех других составляющих элементов данной системы оружия может дать только ознакомление с технической документацией. На-

пример, разведка из космоса дает возможность судить о внешнем виде и параметрах носителей ядерного оружия. Но если ограничиться только этим, то технические и боевые характеристики стратегических бомбардировщиков и подводных ракетоносцев так и останутся для ЦРУ за семью печатями.

Такое положение, в частности, объясняет, почему ЦРУ, уже располагая, по словам его руководителей, «почти превосходящими человеческое воображение» техническими возможностями сбора разведывательной информации о советской военной технике, уделяет по-прежнему громадное внимание агентурной работе. С насаждением агентуры внутри Советского Союза ЦРУ терпело сплошные огорчения, хотя, разумеется, ни на йоту не ослабляет и не ослабит своих усилий в этом направлении. ЦРУ пытается компенсировать неудачи в этом отношении поголовной мобилизацией под свои знамена всех американцев, посещающих СССР или поддерживающих те или иные контакты с советскими гражданами по любой линии, особенно научной.

9

К настоящему времени это рутинная упорядоченная практика работы ЦРУ, которое ожидает, что любой американец, вступающий в контакт с любым советским гражданином, сообщит об этом разведывательным органам США. Наверняка бывают случаи, когда американские граждане противятся домогательствам ЦРУ превратить их — будем говорить прямо — в шпионов. Об этом становится известно только в редчайших случаях, ибо нужно обладать не только незаурядным мужеством, быть уверенным в своем положении, и, если угодно, чувствовать конъюнктуру — что можно и что нельзя, чтобы дать по рукам вербовщикам из ЦРУ.

63-летний почтенный врач, специалист в области космической медицины К. Генералес, был немало озадачен. 1 мая 1972 года к нему явилась женщина, как рассказывал позднее д-р Генералес, «либо с дурно выкрашенными, либо просто грязными светлыми волосами, так лет 20—25». Она представилась как Ш. Бирс, сотрудница ЦРУ, и предъявила служебное удостоверение. Гостья повела такие речи, которые побудили хозяина незаметно включить магнитофон. Она знала, что Генералес должен был поехать

иа международный снмпознум по вопросам космнческой меднцнны, который проводнлся вскоре в Майами. «Она, — рассказывает Генералес, — заявнла: «Там будет много русскнх», н хотела, чтобы я приглашал их на коктейлн н выведал все, что мог, о том, что оии делают н о чем думают». И это предлагалось учеиому с мировым нменем, члену миожества иаучиых обществ, в недавнем прошлом презндиту кардиологического общества Нью-Йорка, н т. д., и т. п. Генералес отклоннл предложеиие, в знак протеста (перед ЦРУ!) ие поехал иа симпознум.

2 сентября 1972 года Бнрс подала о себе зиать. Оиа позвонила по телефоиу и осведомнлась, собнрается ли Генералес быть иа междуиародиом коигрессе по космической медициие, иазиачеиим иа 18—21 сеитября в Ницце. По тем же прнчниам, по которым ученый не поехал в Майами, он ие выехал во Фраицню. Плюс написал разгневаиное письмо по адресу, который оставила ему Бнрс, в котором, в частности, заметил: «Сообщаю вам н вашему начальству в ЦРУ, что последиее обращенне, равио как ваша просьба в мае регнстрнровать и сообщать вам о частных разговорах русскнх спецналнстов в областн космоса неуместиы и, дерзну сказать, в высшей степеии отвратительиы. Уже тот факт, что шпиоиское ведомство обращается к человеку, известиому своей честиостью, как, например, я, составляет этим людям отнюдь не лестиую репутацию. Я решил иаписать вам об этом после зрелых размышлеиий н иастоятельио прошу вас и ваше иачальство оставить меня в покое». 5 февраля 1973 года иочью кабниет д-ра Генералеса был взломаи, неизвестиые обыскали помещеиие и уиесли кое-какие вещи, включая магнитофон и леиту с записью разговора с Бирс.

Генералес, естествеино, пожаловался в полицию. Нцкакого результата. Тут иачалась шумиха Уотергейта, и Генералес иаписал письмо геиералу А. Хейгу, тогда начальнику «штаба» при президеите Никсоие, в котором, изложив всю историю отвратительиой вербовки и прочего, просил вмешаться. 17 мая 1973 года Хейг ответил, заверив, что ФБР расследует дело. Нцкакнх последствнй. Вероятио, Генералес счел, что Хейг человек заиятый — вскоре он был иазначеи на пост главиокомаидующего снлами НАТО в Европе. Поэтому иа сей раз он обратился прямо к президенту Д. Форду. 10 сентября 1974 года он писал: «Памятуя о вашем заявлеиин при вступлеини в должиость презндеита... с прнзывом к гражданам вступать с вами в

контакт... хочу лично сообщить вам о том, как ЦРУ пыталось превратить меня в презренного шпиона». Как и подобает ученому, он обстоятельно изложил суть дела, но ответа так и не получил. Направил телеграмму в Белый дом с напоминанием. 15 января 1975 года был удостоен ответа: объем корреспонденции, поступающей президенту, столь велик, что письмо Генералеса где-то затерялось. Как только найдут — с ним непременно свяжутся. Так и кончилось дело в официальных инстанциях [95].

Прослышав об этой истории, публицист Д. Уайз взял интервью у Генералеса и, помимо прочего, раздобыл у него телефон Бирс, который, конечно, в телефонном справочнике не значился за ЦРУ. Позвонил несколько раз. Бирс так и не застал. Зато самому Уайзу позвонил некто, осведомился, пишет ли он еще книгу о ЦРУ, и пообещал прийти и поведать нечто о ведомстве. Но не пришел. Рассказав об этом в своей книге, Уайз меланхолически заметил, что вторжение взломщиков в дома и квартиры, причем виновных не находят, в США дело обычное. Что там Генералес, вознамерившийся было добиться правды на буксире Уотергейта! Члены комиссии Ф. Черча сенаторы Х. Бейкер и Ч. Матиас пожаловались компетентным американским органам как раз во второй половине 1975 года, когда они «расследовали» ЦРУ, ФБР и прочих, будучи членами указанной комиссии, что неизвестные проникали в их дома в отсутствие хозяев, ценных вещей и денег не брали, но перевернули вверх дном все в кабинетах. Перевoрошили все бумаги. Представители «расследуемых» ведомств с величайшим негодованием опровергли предположения, что полуночные набеги на дома сенаторов дело их рук. Взломщиков, конечно, не нашли [96]. Понятны тогда некоторые причины величайшего удовлетворения, скажем, сенатора Х. Бейкера по поводу того, что комиссия Ф. Черча наконец завершила свои труды, о чем упоминалось во вводном разделе этой книги.

Можно безошибочно утверждать, когда речь идет о любых контактах американцев с советскими гражданами — ни один такой контакт, личный или через переписку, не ускользает от внимания ЦРУ. Всех американцев без исключения прямо или косвенно опрашивают агенты ведомства. Другое дело — только в исключительных случаях это становится достоянием гласности. Нужно было обладать отвратительной славой Л. Освальда, считающегося убийцей президента Д. Кеннеди, чтобы эта практика

ЦРУ стала известной в данном случае. Определенно психически неуравновешенный человек, Л. Освальд в 1959—1962 годах был в Советском Союзе, где ему предоставили возможность жить и работать на радиозаводе в Минске. Стоило Освальду вернуться в США, как в ЦРУ изыскали способы опросить его. В служебном документе ЦРУ, в котором формулировалось задание, указывалось: «Мы особенно заинтересованы в информации, которую Освальд может предоставить относительно завода, где он работал, о некоторых районах Минска и... биографических данных, необходимых для ведения досье на отдельных лиц... Однако не нажимайте (на него) при получении нужной нам информации, человек он странный... (поэтому) используйте надлежащие каналы»[97]. После убийства Д. Кеннеди, когда интерес ЦРУ к Освальду стал известен среди тех, кто расследовал смерть президента, ЦРУ открестилось от всего. Не допрашивали Освальда, и всё тут.

Однако в книге об Освальде, вышедшей в 1978 году, автор Д. Эпштейн сообщил, что он сумел побеседовать с неким, не названным по имени «психологом», проживающим в Вашингтоне, специализирующимся в проведении косвенных допросов по заданиям ЦРУ и других правительственных ведомств. Один из офицеров ЦРУ, занимающийся оперативно-агентурной работой, поручил ему летом 1962 года опросить американца, недавно вернувшегося из СССР. Он встретился с ним в саду на крыше отеля «Роджер Смит» и выслушал историю о его отъезде в СССР несколько лет назад, как он женился на русской, а затем решил вернуться в США. Психолог отметил крайний эгоцентризм этого человека, почти манию величия и отталкивающую манеру утверждать себя. В ноябре 1963 года, когда психолог увидел в газетах фотографию Освальда, он опознал в нем человека, которого подверг косвенному допросу по заданию ЦРУ. Но в 1977 году, когда с ним беседовал Эпштейн, психолог выразил сомнение, был ли этот человек Освальдом. Со времени допроса на крыше отеля прошло-де 15 лет[98].

В назидание комиссии Черча, а коль скоро это было распубликовано и для всеобщего сведения, бывший директор ЦРУ Р. Хелмс, как само собой разумеющееся, сообщил, что ЦРУ не видит в описанной практике ничего из ряда вон выходящего. Он сказал: «со времени второй мировой войны, когда американец возвращается из заграничной поездки с любой целью, его опрашивали военная

разведка, военно-морская разведка, сотрудники государственного департамента и других ведомств. После создания ЦРУ дело опроса американцев, выезжающих за границу, сосредоточено в одном месте, в нашем ведомстве... Например, президент какой-нибудь сталелитейной компании в Нью-Йорке путешествует по СССР, там он осмотрел те или иные металлургические заводы, а нам интересно знать их мощность, что они производят и т. д. По его возвращении сотрудники ЦРУ расспрашивают обо всем виденном. Мы не оказываем давления, не платим денег и не пытаемся выкручивать руки. Просто мы предоставляем американцам, побывавшим за границей, возможность проявить себя патриотами, рассказав нам все, что они знают» [99].

Картина ясна, едва ли есть необходимость в дополнительных комментариях. По компетентному мнению г-на Хелмса, бесстыдно высказанному перед сенатским комитетом, в США профессия шпиона и американского патриота однозначны. Только так. Те американцы, которые по велению совести или иным причинам не разделяют эту доктрину ЦРУ, пусть пеняют на себя. Другой профессионал, М. Копленд, десятилетия прослуживший в ЦРУ, не менее спокойно, чем Хелмс перед сенаторами, разъясняет в своей книге о современном американском шпионаже: «Количество обычных американских граждан, обращающихся в советские консульства за туристскими визами, значительно. Однако кто злоумышленно (с точки зрения Хелмса, Копленда и иных. — *Н. Я.*) полагает, что сможет тайком от нас проникнуть в дипломатические учреждения стран блока (так именуются социалистические страны. — *Н. Я.*), скажем, внезапно появившись на приеме, или обратиться за визой, ошибается. Почти во всех городах на Западе, где есть дипломатические и консульские представительства стран блока, все лица, входящие в них, попадают под жесткий контроль, и всегда можно установить посетителей, имеющих доступ к государственным тайнам, и чья нелояльность может иметь опасные последствия. По выяснении их личности такие посетители становятся объектом интенсивного расследования» [100].

При проведении его, как мы уже видели и еще увидим, ЦРУ не ограничено никакими рамками даже формальной заокеанской законности.

Наконец, переписка американских граждан с адресатами в социалистических странах. С 1952 года ЦРУ, к ко-

торому присоединилось ФБР, контролировали все без исключения почтовые и телеграфные отправления. Вскрывались и прочитывались решительно все письма, а с «интересных» снимались копии. В ЦРУ надеялись перлюстрацией корреспонденции с социалистическими странами найти подтверждение своим фантастическим предположениям о «проникновении» русских и прочих загадочных вещах. В успехе предприятия в ЦРУ не сомневались, ибо, как сказано в американском исследовании об органах политического сыска в США: «В 1976 году глава контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон объяснил, почему, по его мнению, вскрытие писем должно было дать полезную информацию. Русские, сказал он, думают, что мы верны конституции и не вскрываем-де писем»[101]. Заглянув во многие десятки миллионов писем, административные светила ЦРУ не нашли того, что искали, а схлопотали себе некоторые неприятности.

Когда во время расследований в США в середине семидесятых годов ЦРУ и К° выяснилось, что вскрывались письма, например, сенатора Ф. Черча, Р. Никсона, сенатора Э. Кеннеди, членов семьи Рокфеллеров и прочих именитых лиц, разразился небольшой скандал. Именно тогда Д. Энглтон и выжал из себя приведенное объяснение мотивов ЦРУ, совавшего нос в частную переписку. Коль скоро расследования шли под знаком восстановления «законности», руководство ЦРУ заверило, что ведомство больше не будет воровским путем заглядывать в чужие письма. За исключением тех случаев, когда сам «закон» повелительно потребует этого. А если так, то...

10

ЦРУ обратилось к поголовному использованию любых контактов американских граждан в указанных целях не от хорошей жизни. Уже размах этой программы лучшее доказательство безрезультатности попыток насаждения агентуры внутри социалистических стран, в первую очередь в СССР.

То, что этот путь обречен на неизбежный провал, доказал и крах соответствующих поползновений ЦРУ во время американской агрессии против народа Вьетнама. У. Колби, практически руководитель операций ЦРУ во Вьетнаме в шестидесятые годы, диагностировал причины их неудач, абсолютно идентичные тем, по которым сорва-

лись усилия ЦРУ, направленные против СССР и социалистических стран Европы. Говоря о действиях ЦРУ против Демократической Республики Вьетнам в первой половине шестидесятых годов, Колби подчеркнул:

«Группы, заброшенные нами в Северный Вьетнам по воздуху или морем, постиг прискорбный конец — они были схвачены или очень быстро по прибытии на место переставали давать о себе знать (за исключением одной-двух, которые работали под очевидным вражеским контролем). Мой близкий друг и заместитель Роберт Д. Майерс, давно занимавшийся операциями на Дальнем Востоке (впоследствии он ушел из ЦРУ и стал редактором журнала «Нью-Рипаблик»), энергично потребовал от меня прекратить дальнейшую засылку, как дело явно бессмысленное. Он основывал свою аргументацию на провале аналогичных наших операций... в Восточной Европе в предшествовавшие годы. Он указывал, что из того опыта и нашего во Вьетнаме следует, что коммунизм по-иному контролирует население по сравнению с германскими и японскими оккупантами в годы второй мировой войны (что они там, кретины собрались в ЦРУ?! — *Н. Я.*) и поэтому операции, успешные для ОСС, ныне совершенно бесполезны. Я согласился с Майерсом... Я доложил Макнамаре, что заброска групп на Север бесцельна и не принесет никаких результатов. Он холодно выслушал меня и отверг мой совет. Возобладало желание подвергнуть Северный Вьетнам давлению, и тут-то американские военные начали планирование и действия, которые в конечном итоге эскалировались в широкое воздушное наступление. Неудачи ЦРУ были сброшены со счетов по той причине, что они были невелики по размаху»[102].

Что из всего этого получилось, слишком хорошо известно. Как бы то ни было, позорный провал агрессии во Вьетнаме, помимо многих последствий, неизмеримо усилил изначальное стремление ЦРУ при ведении «психологической войны» искать решение внутри стран социализма, то есть упорно пытаться обнаруживать и организовывать врагов существующего там строя на месте и их руками попытаться вести борьбу в целях его свержения.

Главной целью в этом отношении был и остается Советский Союз.

ЦРУ: НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ „ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ“

1

С середины пятидесятых годов в Советском Союзе началась большая и серьезная работа по укреплению социалистической законности. Были восстановлены ленинские нормы в партийной и государственной жизни, получила дальнейшее развитие социалистическая демократия. Процессы эти общеизвестны, они соответствовали интересам всего народа. В успешном преодолении прошлого с новой силой было продемонстрировано морально-политическое единство народа, сплоченность его вокруг Коммунистической партии. Речь шла об укреплении социалистических принципов в строительстве нового общества на пути к конечной цели — коммунизму. Забота партии о развитии социалистической демократии, острая критика негативных явлений периода культа личности, естественно, нашли отражение в духовной жизни народа.

Однако в большом и позитивном деле не обошлось без издержек. Нашлись отдельные люди, которые по ряду причин, обычно личного свойства, выбрали для себя занятие — они начали распространять слухи, порочащие советский строй, а укрепление социалистической законности восприняли как сигнал к вседозволенности и нарушению норм жизни социалистического общества. Во всяком случае, они объявляли себя «идеологически» свободными. Каждый из них и все они вместе были ничто в многомиллионной толще советского народа, если бы не западные спецслужбы и массированные средства пропаганды, в первую очередь США. Стоило этим, как их стали называть «диссидентам», или «инакомыслящим», заявить в основном по подсказке с Запада о себе, как исполинская волна радости прокатилась по всем подразделениям ЦРУ. Вот она, долгожданная «оппозиция» советскому строю, штурмовой отряд в «психологической войне» против СССР!

То, что возникновение этой «оппозиции» отражало широкую операцию «психологической войны», ныне сомне-

ний не вызывает. Именно на середину и другую половину пятидесятых годов падают концентрированные усилия западных спецслужб, в первую очередь ЦРУ, попытаться «размыть» идейные основы советского общества. Происходило это как раз в то время, когда в самих США поднималась война конформизма, так называемый «консенсус». Результаты этих процессов стали очевидны к середине семидесятых годов, и тогда, в 1976 году, вдумчивый английский публицист Д. Ходжсон, вооруженный теперь известным, в большой книге «Америка нашего времени», вернувшись на двадцать лет назад, заключил:

> «В сентябре 1955 г., как раз в тот момент, когда консенсус покрыл снежной пеленой американскую политику, очень сходный процесс происходил в американской интеллектуальной жизни. В тот месяц примерно 150 интеллектуалов из многих стран собрались на конференцию в Милане, чтобы обсудить «будущее Свободы». Их пригласили по инициативе организации, называвшейся Конгресс за Культурную Свободу, а материалы конференции были позднее опубликованы социологом Эдвардом Шилсом в ежемесячном лондонском журнале «Энкаунтер», органе этой организации. (Впоследствии выяснилось, что как Конгресс за Культурную Свободу, так и «Энкаунтер» тайно субсидируются ЦРУ.) Редактор озаглавил статью Шилса «Конец идеологии?».

Идея не блистала новизной. «Либеральная цивилизация начинается с концом эры идеологии», — писал несколько ранее в том же году Льюис Фейер в статье «За пределами идеологии». Сеймур Липсет назвал одну из глав в своей книге «Политический человек» (1960) «Конец идеологии». Однако эта фраза оказалась наиболее связанной с близким другом Липсета, социологом и журналистом Даниэлем Беллом. Первоначально продукт социалистического фермента в Нью-Йорке, Белл стал редактором по вопросам труда журнала «Форчун», а также некоторое время возглавлял международные семинары Конгресса за Культурную Свободу (которые, естественно, оплачивались ЦРУ. — *Н. Я.*). В карьере Белла, как в фокусе, отразился интеллектуальный консенсус, который пронизывал его политический эквивалент в пятидесятые годы. Белл отчетливо видел двойное основание этого консенсуса: страх перед

коммунизмом и предположение о том, что американское общество может разрешить свои трудности без неразрешимого конфликта. «Политика ныне, — писал он, — не является отражением каких-либо внутренних классовых различий, а формируется под воздействием внешних событий. Любая внешняя политика — конечное выражение политики вообще, является результатом воздействия многих факторов, самый главный из которых — оценка русских намерений, необходимость сдерживания...»

Эта в высшей степени показательная цитата взята из книги Белла, опубликованной в 1960 году, которую он также назвал «Конец идеологии». Под всем этим Белл имел в виду прежде всего конец левой идеологии. «Под концом идеологии, — был вынужден заметить даже его друг Ирвинг Кристол, тот самый редактор, напечатавший статью Шилса с тем же заголовком (на деньги ЦРУ. — *Н. Я.*), — г-н Белл, по всей вероятности, имеет в виду крах социалистического идеала».

Белл со своей компанией объявил о смерти идеологии примерно так, как в свое время объявлялось о смерти королей: «Король мертв! — говорили придворные. — Да здравствует король!» [1]

Иными словами, смерть социалистической идеологии во имя безраздельного господства буржуазной! Вот чего домогался легион западных писак, которые с подачи г-на Белла (а как только что разъяснил Ходжсон, и ЦРУ) исступленно развивали тезис о настоятельной необходимости немедленного введения «деидеологизации» по всему миру. От этой основной концепции отпочковались теории «свободы творчества», «беспартийности» и т. д., и т. п., каковые надлежит осуществить, разумеется, в первую очередь в Советском Союзе. Те, кто в нашей стране заявил о том, что они «мыслят иначе», и приступили независимо от личных намерений к реализации схемы ЦРУ.

Ныне, когда от начала описываемых событий нас отделяет более двадцати лет, истоки «инакомыслия» в СССР выразители настроений этой ничтожной кучки изображают в лирических тонах освобождения от «идеологии». В 1978 году Синявский, давно отбывший наказание за антигосударственную деятельность и выехавший из СССР, затеял издание в Париже крошечного журнальчика «Синтаксис». Первый номер он посвятил Гинзбургу,

который, если верить Синявскому, невинно пострадал. И в нем указал на генезис «самиздата» — нелегальных пасквилей, которые «инакомыслящие» распространяли среди своих. По «Синтаксису», дело начиналось так: «Неожиданное открытие того простого факта, что поэзия, существующая без разрешения, может быть без разрешения напечатана. Так начинался самиздат, хотя еще и не было в ходу это слово. Книжки стихов, собранных Александром Гинзбургом, остались памятником поэтического опьянения конца пятидесятых годов... Александр Гинзбург — судьба его известна — от поэтических сборников перешел к составлению и изданию «Белой книги». Самиздат пророс «Хроникой». Но начинался он со стихов».

Стоп. Нужно все-таки объяснить и сделать небольшое отступление. Эти сборники тогда именовались «Синтаксисом», воспроизвести их содержание как по соображениям соблюдения нравственности, так и по причине соразмерного порнографии грязного политического содержания, хотя при этом настаивалось, что в них нет «идеологии», совершенно невозможно. Синявский примерно в те годы начал печатать на Западе свои «самиздатовские» антисоветские пасквили, спрятавшись под псевдонимом Абрам Терц. Совершенно естественно, что ему тогда и по сей день рифмоплетство, подбиравшееся Гинзбургом, было милее всего. Главное — «свобода творчества», а вот на Руси ее никогда не было. Ни теперь, ни прежде. Взять хотя бы Пушкина. В самом деле, разъяснил Абрам Терц в книге «Прогулки с Пушкиным», выпущенной на Западе в 1975 году, разве мог внести что-либо приметное великий русский поэт по сравнению с тем, что одобряли Гинзбург и Синявский?!

Пушкинское наследие — любовь к Родине, гражданственность, бесценный дар нашего народа! С этим Пушкин вошел на века и века в отечественную литературу. Об этом ни слова. Вот каким оказывается Пушкин по Абраму Терцу: «Если... искать прототипа Пушкину по близости в современной ему среде, то лучший кандидат окажется Хлестаков, человеческое alter ego поэта... Как тот — толпится и француззит; как Пушкин — юрок и болтлив, развязен, пуст». «Кто еще этаким «дуриком» входил в литературу?» «Пушкин, сколотивши на женщинах состояние, имел у них и стол и дом». «Жил, шутя и играя, и... умер, заигравшись чересчур далеко». «Мальчишка — и погиб по-мальчишески, в ореоле скандала».

«Ошалелый поэт». Роман «Евгений Онегин»? Абрам Терц бросает: «Пушкин писал роман ни о чем... сближал произведения Пушкина с адрес-календарем, с телефонной книгой... Вместо описания жизни он учинил ей поголовную перепись». А в чем же цель творчества Пушкина? Абрам Терц: «Без цели. Просто так, подменяя одни мотивы другими: служение обществу — женщинам, женщины — деньгам, высокие заботы — забавой, забаву — предпринимательством». «Что не придумал Пушкин, позорься на веки вечные — все идет напрокат искусству».

Глумление над Пушкиным Абрама Терца не самоцель, а приступ к главной цели: «С Пушкиным в литературе начался прогресс... О, эта лишенная стати, оголтелая описательность 19-го столетия... Эта смертная жажда заприходовать каждую пядь ускользающего бытия... в горы протоколов с тусклыми заголовками: «Бедные люди», «Мертвые души», «Обыкновенная история», «Скучная история» (если скучная, то надо ли рассказывать?), пока не осталось в мире неописанного угла... Написал «Война и мир» (сразу вся война и весь мир!)». Бойкий Абрам Терц единым махом мазнул по всей великой русской литературе, все выброшены — Пушкин, Достоевский, Гоголь, Гончаров, Чехов, Толстой. Не выдержали, значит, «самиздатовских» критериев. Сделано это не только ввиду мании величия Абрама Терца, ведь он тоже претендует на высокое звание «писателя», а с очевидной гаденькой мыслишкой — хоть как-то расчистить плацдарм, на котором возвысятся некие литературные столпы, свободные от «идеологии», угодные ЦРУ и Абраму Терцу. Дабы новоявленные «гении» выглядели рельефнее.

Один из попавших в то время в сети «инакомыслящих», человек нелегкой судьбы и ныне покойный (почему назовем его Н.), незадолго до смерти вернулся в своих воспоминаниях к окололитературному миру тех лет и, проклиная наваждение, оставил горькие, рвущие сердце зарисовки становления «идеологически свободного «самиздата», появления тех, кого на Западе объявили «истинными выразителями» дум и чаяний советских людей. Он был одаренным человеком — Н., судите сами, как он мог писать и как умел страстно ненавидеть собственное прошлое:

«Теперь заглянем в салоны, в литературные салоны Москвы шестидесятых годов. Такими «салонами» считали квартиры некоторых литературных вдов и полулитератур-

иых дам, где собиралось «избранное общество талантлнвых представителей литературы и искусства».

Большой удачей считалось заполучить на вечер в такой салон одного, а лучше двух представителей старшего поколения деятелей культуры. В этом случае вечер считался удавшимся. Впрочем, некоторые маститые деятели весьма охотно посещали такого рода салоны. Туда, на «литературные вечера», стало модным приглашать молодых, начинающих поэтов, писателей, художииков н просто «выдающихся молодых людей» совместно с девицами богемиого вида, которых хотелось бы иазвать одним весьма не литературным словом. А «маститые» с некоторых пор почитали для себя обязанностью почаще общаться с современной молодежью. На всякий случай: «Кто их знает, мало ли что может быть...» Атмосфера «литературных вечеров» с генералами, то бишь с маститыми деятелями, была насыщена запахом коньяка и кофе. Молодые поэты и начинающие писатели читали свои сочинения. Именитый, выпив коньяку, изрекал что-нибудь благожелательное, дарил два-три анекдота из жизни литературных знаменитостей, выпив еще, неопределенно, но многозначительно высказывался насчет либерализации и демократнческих преобразований. «Выдающнеся молодые люди» смутно н глухо ворчали что-то ругательское, поминая нехорошими словами «литературных жандармов» и КГБ. Богемные девицы курили, принимали разные позы, таинственно шептались, хихикали и вздыхали. Им хотелось замуж за писателя с собственной «Волгой».

Вы спросите, кто такие «выдающиеся молодые люди»? Так буквально и надо поиимать: выдающиеся — выдающие себя. Вот, например, «выдающийся молодой человек» Александр Гинзбург — частый гость салонов — выдавал себя за поэта и писателя — ученика Б. Пастернака, хотя никто и никогда ие удостоился познакомиться ни с одним из его произведений. Говорили, что он где-то учился, ио «пострадал за убеждения» — исчезал на два года. Потом опять появился, играл на сцене. Потом опять чуть было не пострадал — вовремя раскаялся... Правда, некоторые «джентльмены» из уголовного мира, знавшие Гинзбурга ближе, уверяли, что на два года-то он «исчезал» не за «убеждения», а за мошенничество, но «джентльменов» этих в салон не приглашали... Такого же типа были и остальные «выдающиеся молодые люди», все эти буковские, осиповы, хаустовы, амальрики, попросту говоря —

недоучки, лоботрясы с непомерно развитым апломбом и претензиями, собственную неполноценность ставившие в вину обществу. Люди трусливые, ленивые и злобные, учуявшие в «салонах» питательную среду для утоления собственного тщеславия.

Высидев приличное время в салоне литературной дамы, налюбовавшись на именитого либерального дядю — «старичок благоволит» — воочию убедившись, что сей дяденька живет действительно «не хлебом единым», но и коньяком, «выдающиеся молодые люди», захватив с собой богемных девиц, отправлялись в другой салон, попроще, точнее, в квартиру одного из них, где, правда, коньяка не было, зато была водка и пить ее можно не из рюмки, а из емкостей более вместительных. Там, хмелея, они уже громко разглагольствовали, убеждая друг друга в том, что если уж «старичок» говорит «либерализация, то нам-то можно и стулья ломать, если уж взрослые именитые дяди произносят «преобразования эти, как их, да — демократические!». Тогда «долой все! Ничего не сделают! Время не то! Нынче сказано: «оттепель»! *

«Оттепель! Оттепель!» — на разные голоса радостно подхватили в «салонах». «Оттепелью» стали там называть период с тысяча девятьсот пятьдесят шестого по шестидесятые годы. Так и порешили: «Ныне, значит, оттепель. А «до того» был мороз». Вот так. А коли оттепель, полезли на солнышко из оплетенных паутиной, затаенных углов заплесневелые «недотыкомки» и прочая нечисть, которых и в живых-то уже не почитал никто, и тоже, с обиженными рожицами, озабоченно поползли в «салоны». А там их принимали. Обогревали коньячком. На них созывали — все-таки редкость! А по московским улицам засновали хитрые и злые Иваны Денисычи, ехидно подливая помои «на дорожки, по которым начальство ходит».

А как же! Раз сказано — «оттепель», то грибы-поганки почнут первыми вылезать к теплу».

Среди этих поганок замельтешила пестрая нечисть —

* Ровно за сто лет до этого в России после Крымской войны это слово было в большом ходу. Пустившие его в обиход в середине пятидесятых годов XX века не проявили большой оригинальности. Тогда значение его было иное, как заметил советский писатель С. Н. Сергеев-Ценский о Москве славянофилов и «западников»: «Тютчев назвал это межеумочное время «оттепелью». Севастопольская страда, т. 2. М., 1958, с. 101. *(Примеч. авт.)*

с разноцветными дипломатическими паспортами и просто с туристскими визами. Они очень быстро смекнули, с кем имеют дело и на какую наживку можно взять лоботрясов, направив их устремления в русло, нужное ЦРУ и иным западным спецслужбам. В самом деле, рассудили стратеги «психологической войны», разве рационально использует свою предприимчивость тот же тогда двадцатичетырехлетний Гинзбург? Раздобыл тексты сочинений по литературе на выпускных экзаменах в школах рабочей молодежи и пишет, вернее списывает, их за лодырей по таксе 50 рублей за труды. Но надо было такому случиться: в школу, где Гинзбург под чужой фамилией во время экзаменов списывал со шпаргалки сочинение, приехала кинохроника. Мошенник достойно позировал перед объективом, а потом... киножурнал увидели знакомые лодыря. Удивились, а ничему не удивляющийся суд воздал жулику за труды два года исправительно-трудовых работ. То было первое столкновение Гинзбурга с законом, еще в начале шестидесятых годов, изображенное впоследствии западной пропагандой как жуткое гонение «правдолюбца».

Но до этого еще должно было пройти время, а тогда в ЦРУ постановили: никак нельзя упустить столь ценный кадр. Ввиду понятных соображений решили держать связь с Гинзбургом и руководить его деятельностью на ниве «самиздата» не прямо, а через НТС. Он получил от НТС деньги, клише для издания подпольной газеты «Посев», где особо указывалось — «московское отделение», и занялся активной антисоветской агитацией и пропагандой. Да, а как с поэзией? Гинзбург приискал себе сообщника, Ю. Галанскова, который писал не очень зрелые стихи, случалось антисоветского толка, а на этом основании, по незримому указанию ЦРУ, был объявлен «поэтом». Дальнейшее хорошо известно. В 1968 году Гинзбург был осужден на пять лет исправительно-трудовых работ. Попал в колонию по приговору суда и Галансков.

В ЦРУ потирали руки — первый этап операции прошел успешно: в СССР обнаружились гонимые за «правду», вырвавшиеся из круга «идеологии». Оставалось надеть хоть на одного из них венец «мученика». Галансков отлично подошел: человек неуравновешенный, слабого здоровья, он по наущению Гинзбурга стал упрямо отказываться от медицинской помощи, а требовалась операция желудочно-кишечного тракта. Когда врачи вмешались в 1972 году, было уже поздно. Послушные ЦРУ средства

массовой информации на Западе извлекли все мыслимые и немыслимые дивиденды из смерти Галанскова. В общем, погиб «поэт», совершенно не замешанный в противозаконных деяниях.

Прошло пять лет. Выманивая доллары у своих покровителей, руководство НТС признало: Галансков был агентом НТС. Сбитые в свое время с толку компанией ЦРУ — НТС в защиту «поэта» оторопели — одно дело рассуждать о «чистой душе», томящейся в заточении, совершенно другое — говорить в пользу платного агента. Все это вызвало известное замешательство в тех кругах на Западе, где радеют по поводу советских «диссидентов». Тогда 4 мая 1977 года один из руководителей НТС, Артемов, публично заявил во Франкфурте: «Прокатилась волна, при этом еще волна резкой критики наших публикаций, о том, что Ю. Галансков был членом НТС. Некоторые даже решительно утверждают, что это неправда, и они это знают доподлинно. Между тем из писем Галанскова в центр НТС видно, что он не только, естественно, не разглашал своей принадлежности к нам, но и прямо отрицал ее, когда этого требовали интересы дела.

Другие не оспаривают наших отношений с Галансковым, но обвиняют нас в «разглашении» этого: дескать, это подтверждает обвинительное заключение по его делу, а также ставит в «тяжелое» положение всех, кто выступал в его защиту, — «значит, защищали дело НТС!»?.. Умер в заключении осенью 1972 года, почти пять лет назад. Мы не публиковали ничего до тех пор, пока обстоятельства позволяли нам это. Но мы не можем на век замалчивать» связи Галанскова с НТС.

Вот она, пресловутая «деидеологизированная» поэзия плюс проза подрывной работы. Вот то-то.

2

Пожалуй, хватит о «поэзии» описанной разновидности. А как все же с генезисом «самиздата»? По каким тропам идут вступающие на этот путь, сомнений у людей просвещенных в профессии нет. Протоиерей А. Киселев, военный священник власовской «армии», в середине семидесятых годов выпустил в США книгу «Облик генерала Власова». В предисловии он высказался: «В наше время, когда история фальсифицируется, когда облики людей искажаются до неузнаваемости, можно ли промолчать об исто-

рической правде?» И не промолчал! «Известно, — заверил протоиерей о пропаганде власовцев, — что многие печатные материалы — листовки, воззвания, газеты — не только циркулировали в европейской части Советского Союза, но доходили до Сибири, до ее восточных окраин. Пленные принесли текст смоленского воззвания, которое сбрасывалось с немецких аэропланов над фронтом и оккупированными областями, уже заново переизданном где-то в Советском Союзе. Вот когда начался «самиздат!».

Уместно разъяснил. По крайней мере, со слов предателя совершенно очевидно, что следует иметь в виду под «самиздатом». Тогда грязные листки фашистской пропаганды во время Великой Отечественной войны. Нужно ли говорить о том, что писалось в том же, например, смоленском воззвании — сочиненном гитлеровскими разведчиками от имени презренного предателя Власова, который, кстати, не имел к нему никакого отношения, так как не был в то время в Смоленске. Для этого гитлеровцы совершенно не нуждались в услугах мерзавца. Откровения протоиерея небесполезно крепко запомнить — «самиздат» в руках врагов Советского Союза такое же оружие, как и то, которым физически убивали наших людей.

То, что выболтал гнусный поп-предатель, конечно, малоприемлемо для представителей просвещенной части американского общества. Сентенций такого рода о генезисе «самиздата» в респектабельной американской научной литературе нет, хотя бы по той причине, что неприлично вслух признавать полное духовное родство антисоветских пасквилей «самиздата» с геббельсовской пропагандой. Американские исследователи идут вглубь — так, уже упоминавшийся историк Д. Гэддис в 1978 году обнародовал открытие: оказывается, основателем «самиздата» является Д. Кеннан-старший, приходящийся дядей нынешнему. В конце XIX столетия дядя немало путешествовал по России, особенно интересуясь царской каторгой и ссылкой. По возвращении в США он «разъезжал по всей стране, зачаровывая аудитории своими лекциями о русских тюрьмах, которые он часто читал, одетый каторжанином и позванивая кандалами. Его многочисленные работы вызвали негодование в значительной части мира, включая Россию, где их передавали тайком из рук в руки — то была ранняя форма «самиздата» [2].

Балаган, устраивавшийся Д. Кеннаном на страданиях лучших людей России, схватившихся с чудовищем само-

державия, российские революционеры считали глумлением над святым делом. Известны резко отрицательные отзывы замечательного русского революционера С. М. Степняка-Кравчинского по поводу того, как Д. Кеннан наживал деньги на страданиях политкаторжан.

Но хватит истории. Профессионалы ЦРУ точно указывают истоки «самиздата». Р. Клин: «Без помощи ЦРУ эмигрантские группы из СССР и стран Восточной Европы не могли бы публиковать в переводах множество документов, которые они получили из своих стран. В это число входят некоторые известные «самиздатовские» произведения». Г. Розицкий: «Вероятно, самым ощутимым результатом «психологической войны» было налаживание контактов с диссидентами в Советском Союзе. Первые связи с диссидентскими группами в Москве были установлены на Московском международном фестивале молодежи в 1957 году, который в целом был в основном спонтанным диалогом между советской и западной молодежью. Спустя два года, во время выставки ЮСИА в Москве, в руки представителей Запада попали первые экземпляры подпольной литературы и нелегальных студенческих журналов. Это и ознаменовало начало публикации советских подпольных материалов на Западе, во многих случаях их привозят назад в Советский Союз для более широкого распространения. Сбор и публикация рукописей из Советского Союза к настоящему времени стали крупным бизнесом» [3].

Как раз в указанные Розицким годы, 1957—1959-й, по Москве шнырял сжигаемый страстью увидеть свое имя на корешках книг тот, для кого расчищают поле и кого возвеличивают ЦРУ и сионисты, — Солженицын. У него оказалось то, что особенно интересовало стратегов «психологической войны», которые опытный редактор мог с известными усилиями превратить в книги *, и бешеное желание прослыть великим «писателем». Короче говоря, Сол-

* Американский посол в СССР на рубеже шестидесятых и семидесятых годов Д. Бим ввел в свои мемуары немало страниц о том, что, конечно, не касалось его официальных функций, — о шашнях вверенных ему дипломатов с «инакомыслящими» в Москве. По словам Бима, «Солженицын создавал трудности для всех, имевших с ним дело... Первые варианты его рукописей были объемистой, многоречивой, сырой массой, которую нужно было организовать в понятное целое... они изобиловали вульгаризмами и непонятными местами, которые нужно было редактировать» [4].

женицыи не только по убеждениям, но и по роду занятий — сочинение книг — попал «в струю» хлопот ЦРУ. Уже до 1967 года, например, под эгидой ЦРУ вышло около тысячи книг самого различного содержания, но обязательно с антикоммунистической направленностью.

Начальник управления подрывной работы ЦРУ в 1961 году указал: «Книги отличаются от всех иных средств массовой пропаганды прежде всего тем, что даже одна книга может значительно изменить отношение и действия читателя в такой степени, в какой не может достичь этого, скажем, газета, радио, телевидение или кино... Это, конечно, верно не для всех книг, и не всегда, и не в отношении всех читателей, но это случается достаточно часто. Поэтому книги являются самым важным орудием стратегической (долговременной) пропаганды».

По словам этого компетентного, но не названного в официальной американской публикации лица, ЦРУ проводит следующую линию, используя книги как средство подрывной работы:

«а) Организует публикацию и распространение книг за рубежом, не раскрывая при этом американского влияния, тайно субсидируя иностранных издателей и книгопродавцев.

б) Публикует книги, которые «не заражены» любыми открытыми связями с правительством США, особенно если положение автора «деликатно».

ц) Книги публикуются по оперативным причинам, независимо от их коммерческой ценности.

д) Создает национальные и международные организации для издания и распространения книг.

е) Поощряет написание политически значимых книг неизвестными иностранными авторами, либо прямо субсидируя автора, если возможны тайные контакты, либо косвенно — через литературных агентов или издательства»[5].

По всем параметрам Солженицын подходил для этой схемы создания «выдающегося писателя» в рамках подрывной работы ЦРУ против СССР. Как нередко случается в этих случаях, поначалу будущий «писатель» получил духовную пищу из филиала ЦРУ — НТС. Качество ее таково, что оно придало специфический вкус и запах произведениям Солженицына. Отчего случались последствия иногда комического свойства, а по большей части с самого начала уничтожавшие возможности воздействия на умы

советских людей: «операция Солженицын» ЦРУ строилась иа полном отрицании советского строя, того, что дорого всем советским людям.

3

Сначала о политическом кредо НТС — Солженицына, как оно проступает в его самых различных трудах. Попытаемся выделить основное.

Враги коммунизма неизменно поднимают на щит Н. Бердяева. Многое почерпнул у него и Солженицын, тем более что НТС издает труды Бердяева и в удобном карманно-конспиративном формате. Но вот одно место у Бердяева он умышленно просмотрел — уж очень точно там характеризуются сам Солженицын и цели его «творчества».

Говоря о Достоевском, Бердяев заметил, что он предвидел смердяковщину. «Он знал, — писал Бердяев, — что подымется в России лакей и в час великой опасности для нашей родины скажет: «я всю Россию ненавижу», «я не только не желаю быть военным гусаром, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с». На вопрос: «а когда неприятель придет, кто же нас защищать будет?», бунтующий лакей ответил: «В двенадцатом году было великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки».

Солженицын по духу своему родствен с этим лакеем. В час великой опасности для Родины он поносит действия Верховного Главнокомандования. За это устраняется из армии и по законам военного времени подвергается наказанию. По отношению к тем, кто с оружием в руках приходил завоевывать наш народ, неся смерть и разрушения, он остался нескоренимым пособником в самом его гнусном смысле.

Как и Смердяков, он разглагольствует о годе 1812-м и заявляет: «Простая истина, но ее надо выстрадать: благословенны не победы в войнах, а поражения в них!.. Мы настолько привыкли гордиться нашей победой над Наполеоном, что упускаем: именно благодаря ей освобождение крестьян не произошло на полстолетия раньше: именно благодаря ей укрепившийся трон разбил декабри-

стов (французская же оккупация не была для России реальностью)». Оставим в стороне ложную причннио-следственную связь — известно, иапример, что декабрнстами возвращалнсь нз похода иа Сеиу, а обратнм винманне на другое: разве не звучит здесь лакейский голос Смердякова?

Этот лакей ннкак ие может успоконться нз-за того, что бесчнсленыые походы иа Россню терпели крах. Почему история сложнлась так, а ие нначе, вопрошает Солжеиницыи: «Настолько все впнтали н усвоили: «важеи результат». Откуда это к иам пришло? Сперва от славы наших знамен н так называемой «честн нашей родниы». Мы душнлн, секлн и резалн всех иашнх соседей, расшнрялнсь — н в отечестве утверждалось: важеи результат».

Вдумаемся в смысл сказанного. Русский иарод на протяжеинн многовековой нстории ие раз спасал человечество от тех, кто стремнлся установнть гегемонию иад тогдашннм цнвнлнзованным мнром. Через Русь ие прорубилнсь в Европу татары, Россия сокрушнла Оттомаискую нмперню, в Россин был разгромлен Карл XII, в России нашла гнбель «велнкая армия» Наполеона. Разве русскне ходилн к «соседям»? Разве ие оин ценой громадиых усилий, крови и жертв отражали нашествия нноземцев? Им пришлось драться за свою свободу н за свободу другнх иародов. Еслн бы бесчислеиные поколеиия иашнх предков стойко н мужествеино, с оружием в руках, не стояли на страже родиых рубежей, русские давным-давно нсчезлн бы как народ.

На стнле кннг Солженнцына определеино сказывается влняине языка н снитакснса русского писателя С. Н. Сергеева-Цеиского, у которого его подражателю полезио было бы позаимствовать не только маиеру изложения, словосочетания, ио и взгляд иа историю России. Опнсывая Крымскую войну, когда «соседи» — французы и англичаие — пришли за тысячн верст воевать с Россией, Сергеев-Ценскнй в свойственной ему рассудительиой маиере заметнл: «Легеиды лн, песин лн, предания лн, которые передаются от старых солдат молодым нз поколения в поколение, внушилн нм веру в свою иепобеднмость... такую уверенность солдатской голове давали иогн, которые вышагнвалн в походах маршруты в тысячн верст, пока прнходнли к граинцам русской земли. Ведь солдаты русскне былн самн людьмн деревин, оии зналн, что такое земля, с кем бы ин довелось за иее драться, н без особых разъ-

яснений ротных командиров могли понять, что такую уйму земли, как в России, могли добыть в бою только войска, которые непобедимы. География учила их истории и вере в себя, и на Инкерманские высоты поднялись они как хозяева выгнать непрошеных гостей» [6].

Вся книга Солженицына «Август четырнадцатого» пронизана смердяковской печалью сожаления, что «умная нация» (немецкая) не покорила нацию «весьма глупую». Именно под этим углом зрения и описываются действия русских и германских войск в Восточной Пруссии в августе 1914 года.

Польский публицист Е. Романовский в подробном разборе книги подчеркнул именно лакейскую угодливость Солженицына перед германским милитаризмом. Отозвавшись с величайшим возмущением о восхвалении в книге кайзеровской, будто бы всегда победоносной, военной машины, Е. Романовский писал: «Далеко не все обстояло так стройно, как сообщает окаменевший от восторга автор, бухнувшийся на колени перед немецкими милитаристами. Писать в этой позе куда как неудобно, да и ракурс взгляда не тот, во всяком случае, искажается в сторону преувеличения созерцаемый предмет... (у автора) ослепленного глянцем сапог немецких генералов». Но поза-то, поза-то, только и уместная для лакея Смердякова.

Что касается существа дела, то славянин, польский публицист, гневно восклицает: «Предав забвению историю, автор переворачивает все вверх ногами, а то, что он написал, точно соответствует шовинистическим выступлениям, прославляющим битву под Танненбергом во времена фашистской Германии... Страшно и кощунственно звучат слова Солженицына. Услышали бы их польские и советские солдаты, которые лежат в этой земле и которые отдали жизнь за то, чтобы никогда не возродился «Дранг нах Остен!». На страницах своей книги Солженицын пытается перевоевать минувшие войны» [7].

Смердяковщина — часть проклятого прошлого царской России, сметенного Великим Октябрем. То, что преподносится Солженицыным как новейшее открытие, как плод его «глубоких» размышлений, на деле перепевы дней, давным-давно минувших. Он возрождает взгляды тех реакционных сил дореволюционной России, которые многие годы стремились подчинить великую страну Германии.

Крупнейший русский полководец первой мировой войны А. А. Брусилов вспоминал: «Немец, внешний и внут-

реиинй, был у нас всеснлен... В Петербурге была могущественная русско-немецкая партия, требовавшая во что бы то ни стало, ценой каких бы то ин было уннжеинй крепкого союза с Германней, которая демонстратнвио в то время плевала на нас. Какая же прн такнх условиях могла быть подготовка умов народа к этой заведомо немииуемой войие, которая должна была решнть участь Росснн? Очевндно, что ннкакая, нлн, скорее, отрнцательная» [8].

Об этом знают и помнят все те, кто любнт русскую историю н кровными узами связаи с русским народом. Не случайно в обшнрной статье «Вониствующнй мракобес» об «Августе четырнадцатого» в болгарской газете «Отечественный фронт» Н. Павлов сделал особый акцент на том, что Солженицыи выступает апологетом германского милитарнзма. «Прнскорбиая теидеиция автора восхвалять и воспевать все, что отиоснлось к кайзеровской Германнн, — писал Н. Павлов, — общеизвестна... Гальваннзировав труп иенавистиой славянам «русско-иемецкой партни», стремнвшейся повергнуть великую страиу к иогам германского империализма, Солженнцын и пересказывает с велнчайшнм удовольствнем ее аргументацню» [9].

Дело тут далеко не в литературных вкусах, снмпатиях н антнпатнях. Это острейший полнтический вопрос своего временн. Солженнцын, скорбя об утраченных возможностях, спустя миого десятнлетнй пытается перевоевать нсторию. «Был при Бнсмарке союз трех императоров, и полвека спокойно жнла Восточная Европа. Русско-германский мнр полезней был этих маиифестацнй с парнжскнмн циркачамн».

Солженицыи иеодннок в свонх умозаключеинях. Вот высказыванне одного из его духовных союзннков: «Я прншел к твердому убеждеиню, что задачн, стоящне перед русскнм иародом, могут быть разрешеиы в союзе и сотрудннчестве с германским иародом. Интересы русского народа всегда сочеталнсь с ннтересамн Германского иарода. Высшие достиження Русского народа иеразрывно связаны с теми пернодамн его нсторин, когда он связывал свою судьбу с Германней». Так разглагольствовал Власов в 1943 году в «Открытом письме» под красиоречивым заголовком: «Почему я стал на путь борьбы с большевнзмом».

Этот духовиый союз с Власовым закономерен н объективеи как для НТС, так н для Солженнцыиа. Позорное родство с предателем и палачом, мягко говоря, ие укра-

шает, поэтому Солженицын, разыгрывая возмущение, страшно обижается в одном из своих многостраничных сочинений: «Литгазета» указала и специальный термин для меня: литературный власовец. И в несколько дней посыпало изо всех типографий, со всех витрин».

«Литературная газета» была абсолютно права, разве только упустила разъяснить, что в наше время литературный власовец синоним смердяковщины. Смердяков в надежде, что «умная» нация наведет в России порядок, желал уничтожения в ней всех солдат. Чтобы никто с оружием в руках не смел мешать учить уму-разуму «глупую» нацию. Такова и сокровенная мечта Солженицына. Прошлое неутешительно — русские били в пух и прах иноземцев, шедших на страну войной. Это отличительная черта русской истории. Оглянитесь в прошлое, вопит Солженицын, посмотрите, почему вы, русские, не подставили шею под иноземное ярмо. Вы же согрешили, вы не поняли истинной свободы, а «свобода — это САМОСТЕСНЕНИЕ! — самостеснение — ради других!.. Аспектов самоограничения — международных, политических, культурных, национальных, социальных, партийных — тьма. Нам бы, русским, разобраться со своими. И показать пример широкой души».

Без большого промедления выясняется и «широта» солженицынской души — добровольно перестать быть великой державой. Нелепость? Конечно. Но Солженицын стоит на своем: «Возразят: но как далеко могут нация, общество, государство зайти в самоограничении? Ведь роскошь произвольных и вполне самостоятельных решений, какая есть у отдельного человека, не может быть допущена целым народом. Если народ перешел к самоограничению, а соседи его — нет, — должен ли он быть готов противостоять насилию? Да, разумеется. Силы защиты должны быть оставлены, но лишь подлинно силы защиты».

Насчет сопротивления, конечно, для красного словца. А все же каковы должны быть эти силы защиты? Солженицын объяснял с видом знатока: «военных необходимостей у нас *вдесятеро меньше*», нужно на «многие годы сильно сократить военную подготовку». Разоружение перспективно только при том условии, если обе стороны вступают на этот путь, к чему неустанно зовет Советский Союз. В наши дни общепризнано, что существует стратегический паритет между СССР и США, что, помимо прочего, определяет соотношение сил на международной аре-

не. Солженицын же предлагает, чтобы военная мощь СССР составила бы 10 процентов от американской — это называется проявить «широту души»!

Что же касается Соединенных Штатов, то им Солженицын отводит особую роль. Выступая 30 июня 1975 года перед трехтысячной аудиторией, собранной стараниями руководства АФТ — КПП в Вашингтоне, он говорил: «Бремя лежит на плечах Америки. Ход истории, хотите ли вы этого или нет, возложил на вас руководство миром» [10]. Привычка к плагиату, видимо, въелась Солженицыну в плоть и кровь. Никто другой, как Трумэн, начиная «холодную войну» с ее бешеной гонкой вооружений в декабре 1945 года, учил американцев: «Хотим мы этого или не хотим, мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром» [11].

Разъясняя сказанное в речи в Вашингтоне, Солженицын в другой речи — 9 июля 1975 года в Нью-Йорке настаивал в свойственной ему корявой манере: «Я хочу обратить ваше внимание. У вас есть такие теоретики, которые говорят: остановите ядерное вооружение США. Мы уже имеем сейчас, Америка сегодня имеет ядерного вооружения столько, достаточно, чтобы уничтожить половину мира противоположного. Зачем нам больше?.. Было время, когда Советский Союз не шел ни в какое сравнение с вами по атомному вооружению. Потом сравнялся, сравнялся. Потом, сейчас уже все признают, что начинает превосходить. Ну, может быть, сейчас коэффициент больше единицы. А потом будет два к одному... Идут тучи, надвигается ураган».

Следовательно, вооружайтесь, вооружайтесь до зубов! Таков провокатор Солженицын, имеющий два лица, — одно обращено к Западу, другое — к СССР. Соединенным Штатам, по нему, положено «руководить» миром, обеспечивая это абсолютным военным превосходством, диктуя всем народам свои условия. Нам, открывшим подлинную историю человечества, строящим новое общество, встать в позицию «самостеснения», склонить головы и преклонить колени перед империализмом, а чтобы это было легче сделать, для начала демонтировать военную мощь Советского государства. Таков Смердяков второй половины XX века.

А между тем Солженицын настаивает, что печется о будущем России! Его отличительная черта и его считанных

еднномышлеиинков, помимо прочего, в том, что онн непрерывно поучают. Жнвет более чем 250-мнллнонииый великий народ, трудится, радуется, стронт новое общество, а эти, н не ведавшие, что такое труд, «определяют» за иас наше будущее. Благо, время есть — международиая реакция подкармлнвает нх. Впрочем, снтуацня знакомая (с 1917 года) — о свободе советскнх людей пекутся людн, жнвущие иа подачкн капиталистов.

Но ЦРУ иикогда ие отличалось стремлением тратить деньгн зря. И требует, чтобы нх отрабатывалн, чем н занят Солжеиицын. Отдача от него, скажем справедлнвостн ради, не бог весть какая, поставляемый нм ндеологнческий товар — перепевы нз мутного нсточннка вдохиовеиня — публикацнй НТС.

Расхожнй лозунг, выброшенный нм, «Жнть не по лжи» — оказался простым перефразом энтэзсовского лозунга: «лжн — правду!» Как об этом было заявлено еще в программе НТСНП 1938 года — «лжн — правду!», так назойлнво н повторяется прн всех хозяевах НТС. Прнчем в глазах заправнл НТС фраза эта иесет совершеино четко определеииую семантнческую нагрузку, это пароль, по которому онн отлнчают «своих». Поремскнй, продавая очередиую ложь хозяевам, разглагольствовал в конце 1975 года: «Самн этн мнллноны «жнвущих не по лжи» уже приобретают облнк оргаинзацнн — ндейную целенаправлениую общиость, находящую свое выражеине в системе каких-то еслн не действий, то реакций на таковые». Твердя пароль НТС, Солжеиицын включился в число занятых подрывной работой ЦРУ — НТС.

В лице Солжеиицыиа ЦРУ обрело верного слугу. Весь убогнй идеологнческий багаж Солжеиицыиа до удивлеиия схож с самымн затаскаииымн клнше аитнсоветской пропагаиды на Западе. Несмотря на необъятные претеизии, ои, в сущности, не больше чем популяризатор антикоммуиистнческих доктрии, причем в своем рвеиии не затрудияет себя даже нх переработкой, а прнбегает к плагнату. Основиой «труд» Солженнцына на сегодияшннй деиь — пресловутый «Архипелаг Гулаг».

Книга эта в наши дни входит в обязательный ассортнмент дежурной антисоветской пропагаиды, разумеется, с иадлежащими реверансами в сторону «мыслителя» н прочим. Она преподноснтся как плод самостоятельных «раздумнй» и т. д. Конечно, для шнрокой аудиторни на Западе. По-ниому трактуется вопрос в научной лнтературе на

том же Западе, где нсточннк вдохиовеиия сочнинтеля указывается с достаточной точиостью. «Хотя Солжеиицын ввел термин «гулаг» в междуиародиый словарь, — замечает амернкаискнй нсторнк Д. Ерджни, — в аиглнйскнй язык это слово было введено значительио раньше. В майском номере журиала «Плейн Ток» за 1947 год была статья «Гулаг — рабство, инкорпорейтед» с картой важиейших лагерей. Солжеиицыи, вероятно, даже вндел эту карту еще в Россни» [12].

Надо думать, что руководство НТС испытывало законное чувство авторской гордости, когда появились графоманскне пухлые тома Солжеиицына, как и радовалось точностн выполнення указаннй ЦРУ — НТС. Вместо того чтобы аитисоветская стряпня появлялась иа страннцах жалкого «Посева», западиая печать разносила ее по тому мнру со ссылкой на труды «пнсателя»!

16 иоября 1974 года Солженнцын провел в Цюрнхе пресс-конференцню «О будущем Россин». Собравшейся пестрой аудntорни он доказывал, что развнвает «свою» программу: «Программу, которую я предлагаю для моей страны, я называю иравствеииой революцией. Эту программу я нзложнл в докумеите «Жить не по лжи!». Теперь заглянем в иекий материал «Стратегические проблемы освободнтельной борьбы», разработанный в 1971—1972 годах стратегнческой комнссией совета НТС. Там сказаио: «НТС руководнт труднейшей работой его участников по иравственному совершенствованию самих себя и своего народа. Россин нужна не только политическая, но и духовная перестройка. Только революция духа может гарантнровать успех революцин граждаиской!».

Начальиые пути «иравствеииой революции», предлагаемой Солженнцыным, как вндим, почти точио списаиы из помянутого материала НТС. Сравним далее:

НТС	Солжеиицын
Нужен «стихийный саботаж».	Нужна кампаиия «гражданского иеповииовения».
Не ходнть на собраиня, а еслн пошел — ие выступать, ие аплодировать... Не прннимать участия в офнциальиых шествиях и демонстрацнях.	Не даст загнать себя иа собраиие... Не даст прииудить себя идти иа демоистрацию или митииг.

Не участвовать ии в каких выборах.	Не подннмает голосующнй рукн...
(«Стратегические проблемы», с. 30—41.)	(Солжеинцыи. Жнть не по лжн. «Посев», 1974, № 3, с. 9.)

Выполияет инструкцни НТС Солжеиицыи по-рабскн. По поводу приведенного выше списка рекомеидованиых деяинй в материале НТС сказаио: «Выглядеть этот перечень мог бы примерно так». Солжеиицын в этой же связн пншет: «Мы перечнслили, разумеется, не все возможные н необходнмые меры». (Соответствеино: «Стратегнческие проблемы»... с. 40. Солженнцын. Жить не по лжи. с. 9.)

Ну что сказать по поводу всего этого?! Для НТС бесперебойная выдача подробиых рекомеидаций, как иам всем надлежит вести, — не новинка. Главари союза заннмаются этим многие десятилетня. Их призывы ие могут вызывать у советскнх людей ничего, кроме омерзення. Но тнпографскнй станок НТС продолжает работать. Эта н иные инструкции настоятельно необходнмы НТС — для отчета перед ЦРУ. Они создают в глазах руководнтелей подрывной работы протнв Советского Союза впечатлеине, что НТС занят «делом». За снм следуют деиежные подачкн. Едииствеиная иовинка в этом деле — подключеине к нему Солжеиицына.

Сочиннтелю не дают покоя лавры теоретнка. Вот антисоветский сборник «Из-под глыб», опубликоваииый на Западе. Заботами ЦРУ все матерналы в ием проннзаиы лютой неиавнстью к Советскому Союзу, к коммунизму, треть материалов в нем принадлежнт перу Солжеинцыиа.

На его взгляд, по своей масштабиостн этот сборннк можно сопоставнть только с пресловутым сборником «Вехи», о котором Солженнцын прндерживается самого высокого мнения: «Вехн» через 60 с лишинм лет н сегодня стоят как вехи и действительно показывают нам путь». Прекрасно! Шагу не может сделать иаш «философ» без костылей НТС. Давным-давно НТС переиздал «Вехн» и настойчнво рекомеидовал его как иастольиую книгу.

Рассуждать о «Вехах» он взялся ие по первонсточнику, а по облегченному, адаптированиому бердяевскому переложению, благо НТС перенздал статейку «Духи русской революции». Вся теоретическая «мудрость» Солженицына

укладывается в конечные выводы Бердяева. И конечно, коль скоро для него свято все рекомендованное ЦРУ — НТС, он прилежно им воспользовался.

Бердяев	Солженицын
Теперь «Вехи» не были бы встречены в широких кругах русской интеллигенции, как в то время, когда они появились. Теперь правду «Вех» начинают признавать даже те, которые их поносили.	Роковые особенности русского предреволюционного образованного слоя были основательно рассмотрены в «Вехах» — и возмущенно отвергнуты всей интеллигенцией, всеми партийными направлениями... И только то радует, что через 60 лет, кажется, утолщается в России слой, способный эту книгу поддержать.
Но путь к возрождению лежит через покаяние, через сознание своих грехов, через очищение духа народного от духов бесовских.	Только через полосу раскаяния множества лиц могут быть очищены русский воздух, русская почва. («Из-под глыб», с. 217, 130.)

Так вот откуда солженицынское «раскаяние»! Плагиат Бердяева. Уместно напомнить, что Бердяев, писавший вскоре после Великого Октября, видел в «покаянии» философский камень для того, чтобы повернуть колесо истории вспять. Не дождался. Теперь Солженицын принял эстафету.

И конечно, НТС поторопился отчитаться перед ЦРУ сборником «Из-под глыб», занеся его целиком и полностью в свой актив. Р. Редлих на страницах «Посева» просто захлебывается от восторга, расхваливая товар перед основным читательским контингентом журнала — руководителями подрывной работы против СССР. «Так сначала не о деталях и букве, а о духе, проявленном в нем. Этот дух нам знаком. В нем три кита нашей юности (на которую падает сотрудничество с гитлеровцами. — *Н. Я.*): идеализм, национализм, активизм... Многие из тех, кто не

растерял этих «китов», примкнули к нам и до сих пор с нами, а значит, со сборником «Из-под глыб».

Прожженный мерзавец, сотрудничавший с гестапо, Редлих по достоинству аттестует тех, кто принял участие в сборнике: «Авторы «Из-под глыб» ощущаются нами братски не только потому, что издательство «Посев», как только явилась к тому возможность, перепечатало сборник «Вехи». Те самые «Вехи», которые Солженицын называет пророческими...» «Отношение к сегодняшнему политическому режиму в России у нас с авторами «Из-под глыб» вполне одинаковое», — оповещает Редлих, а дополнительно находит: «Тысячу раз прав Солженицын». В восторге от того, как пересказали косноязычные инструкции НТС авторы сборника (надо сказать, без особого литературного блеска, зато очень пространно), Редлих, закусив удила, выбалтывает: «Солженицын призывает нас к нравственной революции. И мы принимаем его призыв. Верно, начинать надо с самого себя (это энтээсовцы-то! — *Н. Я.*). Но не ради себя... В нашей стране за революцией нравственной неизбежна и революция политическая... Здесь нельзя остановиться на полпути, и если у России есть будущее, то будущее это в полном и окончательном одолении большевизма, а перестройка самих основ нашего социального бытия в том, что во всех словарях называется революцией».

Редлих наверняка, припомнив самые волнительные моменты своей службы в гестапо, требует крови. Он с прямотой палача разъясняет, что означают на практике теоретические концепции «нравственной революции». «Мне боязно, что авторы «Из-под глыб» — не то что останавливаются на полпути, но, указав верный путь... все же приостанавливают тех, кто готов пойти по нему. Мир — великая ценность. Но «не мир Я пришел принести, но меч», и, хоть «поднявший меч от меча и погибнет», поднимали его и святые воины... Духовное возрождение России нельзя оторвать от политического ее освобождения, нравственную революцию от государственного переворота». Думается, что Редлих сам поставил все точки над «и».

4

Откровения Редлиха отнюдь не результат того, что он уже встал на путь «нравственной революции» и начал говорить правду о конечных замыслах НТС. Нужно обра-

тить внимание на дату его выступления — март 1975 года. К этому времени в США набрала силу кампания по «расследованию» деятельности ЦРУ, за которой энтээсовцы наверняка следили с затаенным дыханием. Достойные покровители, а главное — источники финансирования, как им представлялось, попали в трудное положение. Не представлялось невероятным, что прижимистые американские законодатели могут заглянуть в бухгалтерские книги ЦРУ и урезать бесполезные расходы типа финансирования НТС. Конечно, до всего этого дело не дошло, но тогда кто знал!

Дабы предотвратить страшную угрозу для тунеядцев, НТС буквально из кожи вылез, чтобы доказать свою полезность. Отсюда бешеная реклама упоминавшегося сборника Солженицына и прочего. Отсюда признания, которых трудно было бы ждать в другом случае, восторги по поводу солженицынской «нравственной революции», за которой скрывается призыв к вооруженной борьбе против Советского государства. В общем, смотрите — мы вырастили Солженицына и иных, а следовательно, не зря получаем доллары. Но каковы бы ни были мотивы этих откровений, они существенны для анализа целей «творчества» писателя.

Против чего и кого стоит Солженицын, совершенно ясно. А за что же он выступает, какова, если можно так выразиться, его конструктивная программа, если вообще о ней можно говорить? В развитие «нравственной революции» он требует немедленного отказа от марксизма, «раньше, а не позже».

Прием, подсказанный ЦРУ, пекущемся о «конце идеологии» и вполне в солженицынском духе — разоружайтесь по всем линиям, отказывайтесь от того, что составляет вашу силу. Но пророк и здесь не оригинален. Призыв к отказу от марксизма — также перепев указаний ЦРУ и программных установок НТС, где сказано: «Только политическая сила, способная разоблачить ложь коммунизма и выдвинуть на смену передовую социальную систему и идеологию, победит коммунизм как политическую силу, разрушит его как социальную систему и развеет его в прах как идеологию». Эти положения пришлись по душе Солженицыну еще и потому, что они смыкаются с неприятием социализма. На одной из пресс-конференций на Западе ему задали вопрос: «Судя по высказываниям в ваших произведениях, вы придерживаетесь социалистическо-

го мировоззрения?» Солженицын с негодованием ответил: «Это ошибка! Если внимательно проанализировать, что у меня написано в книгах, там нигде нет социалистического мировоззрения автора».

Он лютый противник социализма, всего того, что было создано советским народом под руководством Коммунистической партии с 1917 года. В своей бешеной злобе он перещеголял врагов Советской страны, вынужденных ныне признавать прогресс Советского Союза, строящего коммунизм, успехи и достижения мировой социалистической системы.

Больше того, Солженицын не приемлет даже капитализм, реформированный по рецептам правых социал-демократов или в духе «нового курса» Ф. Рузвельта. Он не признает того факта, что в практику государственного строительства капиталистических стран вошли реформы, чтобы предотвратить социальный взрыв. По сути, он отрицает все существующие формы государственного устройства в современном мире, за единственным исключением, о котором мы и поговорим.

Солженицын обнаруживает трогательное единство взглядов с НТС, когда речь заходит об идеальном обществе. Взахлеб описывая «новое» государство, он не жалеет красок. Обетованная земля окружена голубым и розовым сиянием. Но архитекторы из «Посева», конструируя на своих страницах будущее России, не забывают здесь же провозгласить: «Российские оппозиционеры и революционеры должны уже сейчас заявить о режиме в местах заключения новой России, которые несомненно будут». Компетентность энтээсовцев в этом отношении и их интерес к вопросу сомнений не вызывают — они были среди тюремщиков в гитлеровских лагерях массового уничтожения.

Некий И. Вощинин, теоретик НТС, рационализируя, естественно, в обтекаемых выражениях, то, что попадает на страницы «Посева», писал: «Всякий строй должен иметь свою специфическую целеустремленность и свои особые организационные принципы... В выборе целеустремленности солидаризм предельно специфичен». Да, куда уж больше, позвякивая ложками в эмигрантских чашках чая, обсуждать, как получше запереть по тюрьмам советских людей!

Впрочем, вопросы карательной политики для энтээсовцев и Солженицына не самоцель, а производное от того

строя, о котором они бредят наяву. «Вехи» — главное пособие для устроителей нового мира. «Вехи» и сегодня кажутся нам как бы присланными из будущего», — восторгается Солженицын. Заглянем и мы в это пособие. Солженицын мечтает о том, чтобы там, где-то в туманном завтра, были, по крайней мере, восстановлены благословенные по его отсчету порядки, существовавшие до 1917 года. В «Вехах» сказано буквально от лица его и ему подобных: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами все ограждает нас от ярости народной».

Нет никакого сомнения в том, куда намерен Солженицын и иже с ним, отталкиваясь от «Вех», направить острие классовой репрессии. Но «Вехи» учили и другому — крайнему лицемерию в достижении целей буржуазии. Там фарисейски заявлялось: «Марксизм с его учением о классовой борьбе в государстве, как организации классового господства, был как бы завершением интеллигентского противогосударственного отщепенчества». Ошельмовав таким образом лучших представителей народа, поднявшихся на борьбу против самодержавия, авторы «Вех» предлагали российской интеллигенции принять в качестве символа веры идеологию буржуазии — «нужно наконец признать, что «буржуазная» наука и есть именно настоящая объективная наука, «субъективная» же наука наших народников и «классовая» наука наших марксистов имеют больше общего с особой формой веры, чем с наукой». Походя заметим, что напрасно на Западе в конце пятидесятых годов поднимали на щит Д. Белла и К^0 как первооткрывателей «деидеологизации». Приоритет в создании этой теории принадлежит сочинителям, объединившимся в «Вехах».

Во имя счастья народа, его социального освобождения российские революционеры шли на виселицу, каторгу. В «Вехах» в выражениях, не вызывающих никакого сомнения, этот путь безоговорочно осуждался, а русская интеллигенция признавалась ущербной. Стране, стоявшей на пороге революции, где во имя ее совершались легендарные подвиги, противопоставлялся обывательский, мещанский Запад. «В этом коренное отличие нашей интеллигенции от западной, — вещали «Вехи», — где забота о личном благополучии является общественной нормой, чем-то таким,

что разумеется само собой... То фанатичное пренебрежение ко всякому эгоизму, как личному, так и государственному, которое было одним из главных догматов интеллигентской веры, причинило нам неисчислимый вред. Эгоизм, самоутверждение, — великая сила; именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным оружием Божьего дела на земле». Набивать карманы, жить за счет пота и крови своего ближнего, конечно, для господ буржуев дело божье. Понятное, кстати, и миллионеру Солженицыну. Советский народ придерживался диаметрально противоположного мнения, когда в огне революции смел эту нечисть с лица зе́мли. Теперь энтээсовцы и Солженицын мечтают восстановить их «царство божье» на земле, пигмеи вознамериваются забраться на шею исполину — великому народу великой страны. Но хотя они ориентируются на вехи, расставленные «Вехами» более полустолетия назад, нельзя сказать, чтобы эти господа ничему не научились. Царские тюрьмы и штыки, о которых они тоскуют, оказались непрочными. Солидаристы надеются накинуть не узду, а удавку на шею народа.

«Каков организационный принцип солидаризма?» — спрашивает Вощинин. И отвечает: «Обеспечить каждому гражданину его «место под солнцем», а с другой стороны — являться прочным фундаментом государственной постройки».

Это самое «место под солнцем», кому и какой участок будет отведен. Вощинин: «Люди имеют разные потребности и разные способности, и эти разности увеличиваются с ходом человеческой истории... Право и государство должны быть построены на признании описанных выше вполне объективных фактов». Значит, закрепление неравенства всей мощью государственной машины.

Рассуждения такого рода известны. Идеологи буржуазии давным-давно именно так обосновывали строительство государства при капитализме. В истории буржуазной политической мысли классическим выражением этих принципов является концепция «отца» американской конституции Дж. Мэдисона, который в десятом выпуске «Федералиста» в 1787 году настаивал: «Разница в способностях людей, от которой проистекают права собственности, — не менее важное препятствие для единства интересов. Защита этих способностей — первоочередная задача государства» [13]. Только из констатации этого положения «отцы-основатели» США и нынешние солидаристы делают

различные выводы в отношении методов обеспечения интересов имущего меньшинства. Американская буржуазия сочла для этого достаточным буржуазную демократию.

Солидаристов она не устраивает. «В отличие от «либерального» строя, где промежуточные организации могут существовать бессистемно, — пишет Вощинин, — солидаризм ставит своей целью создание стройной структуры промежуточных организаций и придает им публично-правовой характер». Очень знакомы слова и формулировки; солидаристы похитили заглавную страницу из библии фашизма. В сущности, это перефразировка идеологического обоснования «корпоративного» государства Муссолини или «органической демократии» Франко. Иными словами, единственно пригодной структурой государственного устройства для СССР солидаристы считают фашизм. Коль скоро они находятся на содержании ЦРУ, то идеи эти, конечно, разделяются, благословляются ведомством. Вспомним ту директиву СНБ 20/1, в которой трактовалось о будущем устройстве России без Советской власти.

А Солженицын? В сборнике «Из-под глыб» он выразился на этот счет достаточно прямолинейно, твердо полагая, что такой строй — естественное продолжение тенденций, наметившихся в начале XX века и прерванных в 1917 году взятием власти народом. «Сегодня меньше, чем все минувшее столетие, приличествует нам видеть в западной парламентской системе единственный выход для нашей страны... Среди тех государственных норм было много и авторитарных... И Россия тоже много веков просуществовала под авторитарной властью нескольких форм — и тоже сохранила себя и свое здоровье... И если Россия привычно жила в авторитарных системах... может быть, следует признать, что эволюционное развитие нашей страны от одной авторитарной формы к другой будет для нее естественней, плавнее, безболезненней? Возразят: эти пути совсем не видны, и новые формы тем более. Но и реальных путей перехода от нашей сегодняшней формы к демократической республике западного типа нам никто еще не указал».

В каком бы направлении ни развивалась «творческая» мысль диссидентов, в конечном итоге они выходят к модели авторитаризма. Солженицын писал о Сахарове: «Интересно, что Сахаров, похваливая западную демократию... проговаривается о совсем другой мечте: «очень интелли-

гентное... мировое руководство», «мировое правительство...». Это уже совсем иной принцип — власти АВТОРИТАРНОЙ, которая могла бы оказаться либо дурной, либо отличной, но способы ее создания, принципы ее построения и функционирования не много общего могут иметь с современной демократией».

Сборник «Из-под глыб», основной вклад в который внес Солженицын, — манифест воинствующего авторитаризма, фашизма. Понятно, что в этом, помимо прочего, видит особое достоинство книжки недобитый фашист энтээсовец Редлих. Забегая вперед, он успокаивает тех, кто разделяет взгляды авторов сборника: «И хоть, конечно, в левых кругах выразившееся в нем движение посчитают «реакционным» (мы тоже ходили в «фашистах», знаем, почем это лихо), да придется эту беду пересилить, не обижаясь: обиды — плохие шелка, и ходить в них нам незачем».

Меньше всего оснований для обид такого рода у Солженицына, который поразительно упорен в своих взглядах. Он, пожалуй, самый неутомимый пропагандист идей авторитаризма как универсально пригодных для всего человечества. Горячечные идеи Солженицына, конечно, подхватывает и повторяет реакция во всем мире, ибо он зовет покончить с советским строем, с социалистической демократией. Но ведь он говорит не только это. В политический лексикон фашизма неизбежно входят поношения «плутократии», которая не способна ввести угодный фашистам порядок в дела человеческие. Фашисты — цепные псы монополистического капитализма, поносящие демократию. Гитлер утверждал, что воздвигает «третий рейх» на обломках «веймарского свинятника», ибо буржуазная демократия в Германии обанкротилась. Гитлеровцы распинались в том, что фашистская диктатура венчает-де все развитие человечества и «новый порядок» не будет иметь конца. Во всяком случае, третирование западной демократии занимало видное место во фразеологии всех без исключения фашистских режимов.

Солженицын прочно держит эстафету идеологов фашизма. Он настаивает: западный мир «почти перестает и существовать. Катастрофическое ослабление западного мира и всей западной цивилизации... Это главным образом результат исторического, психологического и нравственного кризиса всей той культуры и системы мировоззрения, которая зачалась в эпоху Возрождения и по-

лучила высшие формулировки у просветителей XVIII века».

Магистральная цель всех литературных произведений Солженицына — попытка доказать, что будущее за авторитаризмом, фашизмом. Взять то произведение, которое Солженицын считает основным — «Август четырнадцатого». За этой книгой, именуемой им «узлом», он намеревается написать 20 или сколько их еще «узлов» и все в том же ключе. Трактуя события года 1914-го, он беспощадно разносит тогдашние российские порядки, ибо люди, стоящие в то время у власти, по его мнению, не были способны во всеоружии встретить грядущий социальный шторм.

В первую очередь под этим углом зрения подается беспомощность царских генералов и чиновников. Сплошная неразбериха, интеллигентская болтовня. Не надо быть большим провидцем, чтобы ожидать — в последующих за «Августом четырнадцатого» книгах будет сказано, что, дескать, только этому обязана революция своей победой. И среди жалких, карикатурно описанных фигур деятелей царского режима на всех уровнях возвышены те, кто задним числом на страницах романа высказывает сокровенные солженицынские мысли. Таковы крупные дельцы Архангородский и Ободовский. Архангородский поучает: «Не думайте, что без монархии вам сразу наступит так хорошо. Еще т а к о е наступит. Не думайте, что республика — это пирог — объеденье. Соберутся сто честолюбивых адвокатов — а кто же еще говоруны? — и будут друг друга переговаривать. Сам собою народ все равно управлять никогда не будет». (Ну как тут не вспомнить американских сенаторов, их в сенате ровно сто.) Итак, парламентаризм, республика, политическая борьба — вещи бесполезные.

А что нужно? «Я считаю, — говорит Ободовский, — союз инженеров мог бы легко стать одной из ведущих сил России. И поважней и поплодотворней любой политической партии... Деловые люди не властвуют, а созидают и преображают, власть — это мертвая жаба. Но если власть будет мешать развитию страны — ну, может, пришлось бы ее и занять». Суждение это обнаруживает крайнее, но, вероятнее всего, умышленное верхоглядство Солженицына. Власть при капитализме проистекает из частной собственности на средства производства, и «менеджер» Ободовский, конечно, никогда к ней не был бы допущен, ему уготована роль не более чем квалифицированного слуги.

Но главное не в этом. К своей излюбленной цели Солженицын приспосабливает толкуемые им вкривь и вкось в обоснование авторитаризма теории «технократии». А чтобы донести их до массового сознания, он облекает свои рассуждения в форму романа. В этом смысл упражнений Солженицына в изящной словесности.

Но почему тогда на Западе Солженицын поднят на щит, ведь он носитель идей, чуждых значительной части правящих классов, скажем, в США? Разве трудно было разглядеть все это уже в те времена, когда Солженицын формально не выходил за рамки литературы, не писал еще политических статей, не выступал с речами пророка? Болгарский публицист Н. Павлов в уже упоминавшейся статье «Воинствующий мракобес» проницательно диагностировал суть этого феномена еще до появления солженицынских откровений «Из-под глыб».

«Империалистическая пропаганда, — писал Н. Павлов, — давно создала стереотип Солженицына как поборника «либерализации» и прочих расхожих в буржуазно-демократических странах лозунгов. Идейное содержание «Августа четырнадцатого» начисто перечеркивает благостный стереотип. То, что приводилось выше — отрицание политической деятельности, парламентаризма, а следовательно, атомизация общества, прельстительные речи насчет пригодности технократии к руководству, — общее достояние, основы философии тоталитарных, фашистских режимов. Все сторонники изуверских фашистских доктрин в двадцатые годы в Италии, в тридцатые годы в Германии начинали с ликвидации в условиях капитализма партий за исключением своей собственной, а кончали физическим истреблением инакомыслящих. С этой точки зрения возлюбленные автором речистые Ободовский и Архангородский предтечи того, что в последующие десятилетия поставило под угрозу мировую цивилизацию, — фашизм. Против страшной опасности вместе с СССР сражались и США.

Так-то при ближайшем рассмотрении и оказывается, что сей необыкновенный светоч «либерализма», по клятвенным заверениям буржуазной пропаганды, на деле заурядный и неоригинальный носитель авторитарных идей. Дайте только власть людям, описанным и воспетым Солженицыным, и польются потоки крови. Автор много правее буржуазной демократии. Едва ли этого на Западе не видят те, кто поднимает на щит Солженицына, и, конечно,

он непригоден для использования там. Отсюда поразительная однобокость в рецензиях на книгу в западной печати, эта ее сторона начисто игнорируется. Его упорно поддерживают по понятной причине — почему бы международной буржуазии, использующей в борьбе против мирового революционного процесса диктаторские режимы, не приставить к делу еще и идеолога, пусть исповедующего тоталитаризм! Ведь он обладает прекрасными верительными грамотами — зоологически ненавидит Советский Союз»[14].

Все это совершенно справедливо для периода, когда Солженицын еще находился в пределах Советского Союза — тогда можно было без большого труда замалчивать оборотную медаль антисоветских воззрений Солженицына — ненависть не только к социалистической демократии, но и к демократии вообще. Когда же он стал гражданином «свободного мира», тогда вопросы о всем политическом кредо Солженицына стали неизбежны. Как бы ни пригревали Солженицына деятели типа председателя АФТ — КПП Д. Мини, на современном Западе все же сохраняется фасад буржуазно-демократических порядков. Они были спасены в тяжелой борьбе с фашизмом в годы второй мировой войны, за них сложили головы немало людей. А тут объявляется самодовольный фашист, который призывает перечеркнуть все это.

Когда «пророк» объявился на Западе, то, по свидетельству популярного американского журнала «Ньюсуик», на заседании правительства США состоялся любопытный обмен репликами: «Президент США Ричард Никсон с некоторым удивлением заметил своим коллегам:

— А ведь Солженицын-то правее Барри Голдуотера!

Государственный секретарь Генри Киссинджер, по основной профессии историк, уточнил:

— Нет, г-н президент. Он правее царей»[15].

Если так рассудили в Белом доме, то зарубежным профессионалам-идеологам сентенции Солженицына доставили неописуемое огорчение. Наиновейшие тогда проповеди Солженицына вызвали чувство, граничащее с отчаянием. Поучительный пример дал тот же «Ньюсуик», отнюдь не цитадель светлых идей. Сколько слез годами проливал журнал, скорбя по поводу судьбы Солженицына в СССР, и вот на тебе, встречи лицом к лицу с ним закаленные редакторы не выдержали и поперхнулись. Слов не хватает, чтобы описать их затруднительное положение, а

поэтому пусть они сами скажут о своих тревогах и заботах.

«Самая тонкая ловушка для интеллектуалов, — сокрушался «Ньюсунк», — принимать суть дела за идеологию, и прибытие Александра Солженицына снова поставит в затруднительное положение интеллектуалов... Для большинства на Западе дело было достаточно ясно: Александр Солженицын идеологически и по своим настроениям был де одним из них, сторонников свободы и демократии, а высылка его на Запад, в сущности, награда, и он желанный гость. Убеждение в этом продержалось недолго. Из потока слов предстал иной Солженицын, куда менее опрятный и приемлемый, чем считали раньше... крайний сторонник авторитаризма и не верящий в демократию.

Взгляды Солженицына уже встревожили некоторых из его сторонников на Западе. Профессор русской литературы в Свотмор Колледж Томпсен Бридли опасается, что «западные журналисты и политики ухватятся за его заявления, подвергнут его нападкам и попытаются подорвать значение его романов». Солженицын смягчил многие свои антидемократические заявления... но все же неясно — какой же вариант отражает его подлинные чувства. Надуется ли Запад из-за того, что один из его ведущих идеологических героев на деле оказался аполитичным дураком — святошей, покажет будущее» [16].

Поэтому, высоко ценя антикоммунистические воззрения Солженицына, западные газетчики все же попросили его разъяснить личное отношение к Западу. Вероятно, надеялись, что он для приличия отмежуется от своих авторитарных высказываний. Поначалу он сгоряча не взял ни одного слова назад, а обвинил любопытствующих в том, что они не так читают написанное им. «Читают и совсем другое видят, чем там написано», — жаловался он на пресс-конференции в Цюрихе в ноябре 1974 года.

Но в семантические тонкости никто не хотел вдаваться, и на пресс-конференции в Стокгольме в декабре 1974 года был Солженицыну поставлен прямой вопрос об отношении к западной демократии. Он выжал из себя: «Я только хочу поправить, чтобы не было неверных представлений: я не против демократии вообще...». Немножко подучился. Как хамелеон на полосатом пледе, окрасился в приличествующие цвета.

«Образование» его в этом направлении пошло гигантскими шагами. Не то чтобы Солженицын усмотрел где-то

спасительный свет. Скорее он вплотиую столкнулся с волей хозяев. Очень скоро он продемонстрировал глубокую справедливость старой истины — кто платит, тот заказывает музыку. Пришел он к этому выводу, конечно, не столько сам, сколько на помочах все того же ЦРУ, взявшегося через НТС наставлять Солженицына в мудрости, как жить на Западе.

В начале лета 1975 года Солженицын отправился в вояж по Соединенным Штатам. Одновременно с этим НТС постарался своевременными комментариями укоротить длину языка Солженицына, естественно, только в одном отношении — чтобы он никоим образом не предстал перед американцами как противник тамошних порядков и не поранил бы ненароком священной коровы «демократии». Еще не открыл Солженицын рот за океаном, как «Посев» объяснял желающим слушать кредо Солженицына: «Мы все готовы следовать за ним, как за пророком. Но следовать только до той точки, где он «склоняется» отрицать демократию (повторяю, не только фактическую демократию, а и ее главные идеи)». Вот как оно получается; когда нужно, фашиствующие энтээсовцы рядятся в тогу «демократии». Коль предписано сменить идеологическую форму одежды, то и Солженицын одевается по погоде, определенной энтээсовскими синоптиками.

Солженицын поехал по Соединенным Штатам — себя показать и побывать, помимо прочего, в идеологической Мекке антикоммунизма — Гуверовском институте при Станфордском университете в Калифорнии. Там собрана колоссальная коллекция материалов по истории России и Советского Союза, в основном антикоммунистического характера. На основании этого собрания написаны многочисленные труды «советологов»; Солженицына поторопились избрать почетным членом Гуверовского института. «Надеюсь, что я смогу пользоваться вашим исключительным собранием документов и вашей библиотекой до конца своей жизни», — промолвил растрогаиный сочинитель. Директор института Г. Кэмпбелл в ответ обнадежил: «Мы, в свою очередь, надеемся на длительное и плодотворное сотрудничество с вами».

Но за это сотрудничество надо платить. Тот, кто вчера еще бил себя в грудь, вопил о правде, о железной последовательности своих убеждений, перестроился буквально на глазах. В речи в Нью-Йорке 9 июля 1975 года он льстиво говорил: «Я достаточно попутешествовал по вашей стра-

не, — по разным штатам вашей страны, в разных концах ее, чтобы сказать, что я убедился в здоровости, крепости, широте провинциальной Америки». Тогда в США праздновали 200-летний юбилей, посему сочинитель продолжал в пристойных выражениях: «На руководство вашей страны, которая откроет третье столетие своего существования, может быть, ляжет тяжесть, которой еще не было во всей американской истории. Вашим руководителям этого уже близкого времени понадобятся глубокая интуиция, духовное предвидение, высокие качества ума и души. Пошли вам бог, чтобы в те минуты вас возглавили такие же великие характеры, как те, которые создали вашу страну».

Аплодисменты, конечно. А почему бы американцам, да и не им одним, не помянуть добрым словом Вашингтона, Джефферсона и других «отцов-основателей» США, достойных людей своего века? Только Солженицын потревожил тени великих не для того, чтобы воздать им должное, а для очередной грязной спекуляции. «Люди, создавшие ваше государство, — нравоучительно изрек Солженицын, а ему уж доподлинно известны их думы, — никогда не упускали из рук нравственного компаса... И свою практическую политику они сверяли с этим нравственным компасом... Руководители, создавшие вашу страну, никогда не говорили: пусть рядом царит рабство, ладно, а мы вступим с ним в разрядку, лишь бы оно не распространилось на нас».

Если говорить о рабстве в прямом смысле слова, то никогда «отцы-основатели» не стояли на платформе, приписанной им Солженицыным. Рабство во времена, о которых он говорил, было закреплено американской конституцией и царило не «рядом», в самих Соединенных Штатах. Вашингтон, Джефферсон, Мэдисон были крупными рабовладельцами и не видели в этом ничего зазорного. Отнесем это за счет хотя бы малограмотности писателя в области истории.

Но дело не в этом. Солженицын силится вырвать «отцов-основателей» из рамок своего времени и своего класса и превратить их в солдат «холодной войны». Если и учили чему-нибудь своих сограждан «отцы-основатели», и прежде всего Вашингтон, в канонизированном «Прощальном обращении к стране», то именно смертельной опасности подмены идеологическими соображениями, какие бы они ни были, практической политики. Они твердо стояли на позиции невмешательства в дела других государств, что

и составляло суть классического духовного наследия «отцов-основателей» США. Другое дело, как обращаются с этим наследием правые экстремисты в США, к которым примкнул Солженицын.

Ему хотелось бы начертать на знаменах пресловутой «нравственной революции», глобального антикоммунистического похода, еще имена Вашингтона и Джефферсона!

5

Первую годовщину своего выдворения из Советского Союза Солженицын ознаменовал выпуском в Париже книги мемуарного жанра — «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни». На шестистах с небольшим страницах он с дотошной хронологической последовательностью рассказал о своей жизни в Советском Союзе с конца пятидесятых годов. С ее страниц предстает отталкивающий образ Солженицына — лицемера и ханжи.

Почему Солженицын пошел на саморазоблачение? Первая мысль после знакомства с книгой: на Западе Солженицын оказался в кругу тех, кто мыслит в унисон с ним. Как выделиться среди серой антисоветской толпы? Нужно выкинуть что-нибудь необыкновенное, и Солженицын двинул «Теленка». Но дело обстоит много сложнее.

Смысл выпуска книги «Бодался теленок с дубом...» можно должным образом понять, только «вписав» ее в тактику «психологической войны». Уже говорилось о необыкновенных откровениях Редлиха весной 1975 года. В то же время появился и солженицынский «Теленок». Совпадение не случайное (мы уже об этом говорили выше). ЦРУ спешит с новым большим отчетом о работе своего литературного подрядчика. Читайте, смотрите, вот наши достижения, вот как мы ведем «психологическую войну»!

Отчетливо просматривается и другая цель. Ну, скажите, до кого в Советском Союзе доходят разнообразные инструкции НТС! Они пишутся главным образом для самоуслаждения кучки эмигрантов во Франкфурте и еще наверняка подшиваются под денежные документы с просьбами к ЦРУ об ассигновании средств на продолжение «деятельности» НТС, точнее, для продления существования группки людей, не желающих заработать себе на жизнь честным путем. А тут появляется большая книга человека, составившего состояние на подрывной работе против советского народа. Не литературное произведение,

а книга — инструкция, популяризирующая методы «психологической войны». Во всех отношениях она доступнее, чем материалы НТС, написанные вязким, малопонятным языком.

Собственно, именно так и пропагандировал эту книгу орган НТС «Посев», назвавший пространную рецензию о ней «Журнал боевых действий». Со смаком рассказав, как Солженицын вел подрывную работу в Советском Союзе (причем, сохраняя конспирацию и опираясь только на то, что было сочтено возможным признать в книге!), журнал заключал: «Ее трудно назвать иначе как журнал боевых действий... автор превращается в стратега политической борьбы». «Посев» по понятным причинам куда как высоко вознес сочинителя, присвоив ему звание «стратега», на деле же автор — рядовой энтээсовец.

Без всякого преувеличения можно сказать, что эта книга отражает видение советской действительности глазами ЦРУ. В самом деле, она упорно стремится отыскать некое «подполье» в СССР, больше того — классифицировать его. В директивном документе ЦРУ — НТС, оценивающем обстановку в СССР на рубеже шестидесятых и семидесятых годов, говорится о якобы существующем «подполье верхнего этажа» и «подполье нижнего этажа». «Пуповина, связывающая эти два «подполья», — группы и фигуры, вышедшие на поверхность и ставшие известными стране... так... для «нижнего» характерна фигура Солженицына... Оба вида борьбы нуждаются в открытых фигурах и группах еще и для того, чтобы в решительный момент или канун его выйти на поверхность не только технически, но и политически. В этом заключается стратегическое значение фигур и групп, вышедших на поверхность в качестве оппозиции, как бы мала и бесперспективна ни казалась их деятельность».

Солженицын, набивая себе цену в глазах ЦРУ, с величайшим бахвальством подробно рассказывает, как пытался соорудить антисоветское подполье: «с кем-то знакомство, через него другое, там — условная фраза в письме или при явке, там — кличка, там — цепочка из нескольких человек — просыпаешься однажды утром: батюшки, да ведь я давно подпольщик!». В порядке отчета и поучения единомышленников он подробно описывает свою тактику при попытках протащить антисоветские пасквили в советскую же печать.

С сокрушением сердца он убедился, что использовать

средства массовой информации Советского государства для спекуляций по поводу культа личности не удастся. Лагерная тема утрачивала полезность как средство подрывной работы. Значит, нужно, и не мешкая, менять тактику. Печатать сочинения на эту тему на Западе. Шло лето 1968 года. Закончен «Архипелаг Гулаг», по замыслу Солженицына, самое грозное оружие против Советского Союза. То был отнюдь не плод единоличного творчества, а обобщение усилий как государственных ведомств США, так и индивидуальных антикоммунистов. Как название, так и тематика были подсказаны соответствующими изысканиями. В 1946—1950 годах госдепартамент и АФТ составили карту ГУЛага, которую в 1951 году издали массовым тиражом. В сентябре 1954 года госдепартамент издал официальный отчет «о принудительном труде» в СССР. На долю Солженицына оставалось обобщить все эти материалы и поставить на них свое имя, то есть персонифицировать их в интересах ведущейся ЦРУ «психологической войны». Зададимся одним вопросом: если уж в 1968 году было изготовлено это «оружие», по мнению Солженицына, да и наверняка ЦРУ, страшной пробивной силы, то почему публикация на Западе состоялась более чем через пять лет?

2 июня 1968 года, пишет Солженицын, «Архипелаг» закончен, отснята пленка, свернута в капсулу... Отправление будет авантюрное, с большим риском... Неудачные случайности, затрудняющие отправку... узналось об удаче. Свобода! Легкость! — почти как юмор, летним пухлым, но не грозным облаком прошла большая против меня статья «Литературки» (26.6.68). Я быстро проглядываю ее, ища чувствительных ударов — и не находил ни одного! Как они ненаходчивы, как обделены ясным соображением... Никто не углядел моего уязвимого места: что против печатанья «Круга» («В круге первом». — *Н. Я.*) — я ведь не возразил, не протестовал — почему?.. Не тот борец, кто поборол, а тот, кто вывернулся» (с. 239—241).

Напрасно Солженицын кривляется и поносит всех. Тогда к нему относились как к начинающему, спотыкающемуся, но все же литератору. Кто мог быть посвящен в его тайные дела! С ним спорили, не соглашались, но делали это в рамках нормальных взаимоотношений порядочных людей. Да, мудрено было рассмотреть под маской страдальца человека с уголовной, преступной психологией. Солженицын прекрасно понимал это и всеми силами старался

подольше носить эту маску. «Значение подполья, — поучает НТС, — не в его количественном размере, а в его политическом качестве». Отсюда вытекает «признание допустимости, а зачастую необходимость маскировки». Выход «Архипелага» тогда означал бы, что маска сорвана, а у Солженицына были новые обширные планы.

Иные склонны были считать, что Солженицыну покоя не дает лагерная тема, а он думал совершенно о другом. 1968 год для него был определенным рубежом: «Я как раз перешел тогда через пятьдесят лет, и это совпало с чертой в моей работе: я уже не писал о лагерях, окончил и все остальное, мне предстояла совсем новая огромная работа — роман о 17-м годе (как я думал сперва лет на десять)» (с. 317—318). Это «главная» работа (с. 167), по сравнению с ней все написанное — так, мелочь, для получения известности, пусть скандальной.

Нехватку литературных произведений, какие бы они ни были, ЦРУ и Солженицын решают компенсировать получением Нобелевской премии. На страницах книги он повторяет то, что твердил тогда ежедневно в своем кругу и что немедленно доходило до ЦРУ: «Мне эту премию надо! Как ступень в позиции, в битве! И чем раньше получу, тем тверже стану, тем крепче ударю!.. Дотянуть до нобелевской трибуны и грянуть!» (с. 316). Причем в бесконечных беседах с радетелями с Запада он устанавливает и срок искомой премии: «Для меня 70-й год был последний год, когда Нобелевская премия еще нужна была мне, еще могла мне помочь. Дальше уже — я начал бы битву без нее» (с. 324). Почему именно год 1970-й? А потому, что на 1971 год падает выход «Августа четырнадцатого» — первого тома задуманного им романа. Следовательно, опубликоваться надо было уже в ореоле нобелевского лауреата.

И кто бы мог подумать? В 1970 году Солженицын получил Нобелевскую премию по совокупности опубликованных к тому времени произведений. Поразительно! Чудо из чудес, недоступное человеческому разумению. Да, дело обстоит только так и не иначе, объясняет Солженицын, «только теперь, нет, только сегодня, я понимаю, как удивительно вел бог эту задачу к выполнению» (с. 416). Если так, тогда какие могут быть вопросы — претензии только к исключительно высшим силам, сделавшим шведских господ своим орудием. Припомним еще и ЦРУ...

Итак, по горячим следам, за премией грянул «Август четырнадцатого», который далеко не оправдал надежд со-

чнннтеля. Он прояснил его кредо — аитнпатриотизм, авторитарнзм н прочее. Когда появнлнсь негодующне рецензнн н отрицательные отзывы, Солженнцын не мог не заключнть: «Уже с «Августа» начинается процесс раскола монх чнтателей, потери сторонннков, а со мной остается меньше, чем уходнт. На «ура» прннималн меня, пока я был, по вндимости, только против сталинскнх злоупотреблениӣ... В первых вещах я маскировался... Следующимн шагами мне нензбежно себя открывать: пора говорнть все точней и ндти глубже. И неизбежно терять на этом чнтающую публнку, терять современннков, в надежде на потомков. Но больно, что терять прнходится даже средн блнзкнх» (с. 352). Нобелевская премня не смогла ввести в заблужденне честных людей. Вылазка с «Августом четырнадцатого» провалнлась.

Солженицын н его покровители ожндалн, что это повлечет последствня для распоясавшегося антисоветчнка, посему аккреднтованные в Москве корреспонденты «Нью-Йорк таймс» Г. Смнт и «Вашнигтон пост» Р. Кайзер встретнлнсь с Солжеиицыным, дабы взять у него интервью. Американскне журналнсты и Солженицын обставнлн эту встречу в ужасающе коиспнратнвном духе — надо было показать, не меньше как всему миру, что увндеть сочннтеля нностранцам «подвиг». Идиотизм всего последовавшего можно передать разве словами одного нз «героев» тайной беседы — Р. Кайзера. В своей книге, впервые вышедшей в США в 1976 году, Кайзер с убнйственной серьезностью открылся:

«В то время дело представлялось опасным и вызывало немало опасениӣ. Мы не знали, что нас ожндает (высылка казалась вполне возможной) н что ожндает Солженнцына. Вот как я записал все это трн года назад, слегка отредактнровав спустя три года.

Нам сказали взять с собой магнитофоны и фотоаппараты, чтобы запечатлеть нитервью н Солженнцына с семьей для потомства. Нас предупреднли ндтн, не прнвлекая вннмання. Я завернул магннтофон и фотоаппарат в старые номера «Правды» н сунул в авоську, какне русскне обычно носят в кармане. Я надел джинсы и потертую рыжую куртку, которые обычны среди московскнх студентов, н вышел нз квартнры в десять утра.

Сначала я отправился в американское посольство сообщнть о своих намерениях консулу. Об этих ме-

рах предосторожности мы договорились заранее. Если мы не дадим знать о себе к семи вечера (сообщил я консулу в записке, которую передал ему через стол), он должен обратиться с официальным запросом. Мы оба находились в Москве только семь месяцев и все еще не были уверены в нашем статусе. Мы принимали эти меры предосторожности, зная, что никогда не простим себе, если что-нибудь произойдет. Нужны или полезны они были, — открытый вопрос. Из посольства я направился в магазин, где запасся двумя булками. Затем, как было договорено, я поехал, меняя автобусы, чтобы выяснить, нет ли за мной слежки. Ничего подозрительного.

Я встретился с Риком (Смитом) на углу у дома Солженицына на улице Горького, и мы подошли к подъезду. Тут мы увидели милиционера, стоявшего у входа... Мы выскочили из двора, обошли квартал и через пять минут подошли к подъезду с другой стороны... Милиционер ушел. Вошли в подъезд, перед нами дверь квартиры Солженицына. Но тут у лифта стояла женщина. Мы немного подождали, пока она вошла в лифт. Тогда мы позвонили. Загремел засов, и слегка открылась дверь на цепочке. За ней растрепанная борода. Он внимательно осмотрел нас и впустил. Он волновался не меньше нас, и потому нам пришлось представляться дважды...

В квартире были задернуты шторы... Он вручил нам пачку бумаг, оказавшихся «Интервью с «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост»... Мы поняли, что его не интересуют наши вопросы. Он намеревался сам провести интервью с собой. Рик разнервничался. Он всегда опасался, что мы попадем в ловушку — будем делать то, что нужно Солженицыну, а не нам».

С некоторым трудом пронырливые журналисты убедили Солженицына принять их правила игры. Последовала четырехчасовая беседа, во время которой все трусили изрядно. Дело было сделано. Смит и Кайзер вышли, усевшись в машину, которую жена одного из них подогнала и оставила поблизости. Скорее от опасного места! Но при развороте — резкий удар — в машину врезалось такси... «Я услышал крик Рика: «Хватай все и беги, беги, беги!» Об этом же подумал и я, и, схватив наше оборудование, бесценный единственный экземпляр интервью, я ринулся из машины, прыгнул в троллейбус и был таков!» — за-

вершает Кайзер описание памятного дня. Очень скоро журналисты выяснили, что авария отнюдь не была «подстроена» [17].

Вот так организовывались контакты Солженицына с представителями «свободного» мира. Последние принимали описанные смехотворные меры предосторожности по весьма понятной причине — они прекрасно понимали, что злоупотребляют своим официальным положением, определенно занимаются отнюдь не похвальным делом. Впрочем, каждому свое. Мелкотравчатые газетчики выполняли посильные задания, а серьезные люди в Вашингтоне делали то, что по плечу только им.

ЦРУ бросает в бой основной резерв Солженицына. На рубеже 1973—1974 годов на Западе печатается «Архипелаг», под аккомпанемент оглушительной пропагандистской кампании.

Книга не имеет ни малейшего отношения к литературе, это грязная провокация, очередной ход в «психологической войне». Солженицын с головой окунается в политику самого дурного пошиба ЦРУ, действуя как опытный провокатор. Опьяненный Нобелевской премией, он вознесся: «Вот когда я могу как бы на равных поговорить с правительством. Ничего тут зазорного нет: я приобрел позицию силы — и поговорю с нее. Ничего не уступлю сам, но предложу уступить им» (с. 326).

С неописуемой заносчивостью он выдвигает различные требования в трескучих заявлениях, печатающихся на Западе и передающихся по радио на русском языке в Советский Союз. Теперь он с гордостью признается, что давно наладил тесные контакты с «радиоголосами» на Западе. Что бы ни передавал им Солженицын, моментально включалось в соответствующие радиопередачи на СССР.

Мышиная возня ЦРУ с Солженицыным проходила на фоне эпохальных изменений в современном мире, таяли льды «холодной войны», трезво мыслящие политические деятели Запада вставали на путь разрядки. Принятие принципов мирного сосуществования государств независимо от их социально-общественного строя, — властное веление времени. В этом новом мире, который с громадными трудностями в напряженной борьбе с черными силами обретает на наших глазах реальные контуры, конечно, нет места для пережитков «холодной войны». Именно поэтому ЦРУ и его агентура, включая Солженицына, яростно атаковали разрядку международной напряженности.

Солженицын призвал Запад принять позицию Катона — Советский Союз должен быть разрушен, а коль скоро разрядка противоречит этому намерению, ее нужно предать анафеме. Он самоуверенно объявил, что начиная с Великой Октябрьской социалистической революции Запад, и в первую очередь Соединенные Штаты делали бесконечные «ошибки» в отношении Советского Союза, то есть мирились с его существованием вместо того, чтобы вооруженной рукой разгромить коммунизм. Этот рефрен повторяется как в «Архипелаге Гулаг», «Бодался теленок с дубом», так и во всех речах, которые он произнес на Западе. В сжатом виде основной тезис Солженицына был изложен в речи в отеле «Хилтон» в Вашингтоне 30 июня 1975 года на банкете, устроенном председателем АФТ — КПП Д. Мини. «Отказ поддержать царя, признание СССР в 1933 году, сотрудничество в войне против немцев, — сказал Солженицын, — ...были безнравственными сделками» с коммунизмом.

Он не погнушался потревожить прах Ф. Рузвельта и У. Черчилля, чтобы охаять западных руководителей антигитлеровской коалиции за их политику сотрудничества с СССР, которая, как известно, была продиктована государственными интересами США и Англии. По его мнению, в их политике в годы второй мировой войны выступала «разительно-очевидно их систематическая близорукость и даже глупость», проявившаяся в сотрудничестве с СССР, что особенно непростительно для США, уже имевших «на руках атомную бомбу». Вспоминая о второй половине сороковых годов, Солженицын признается, что со своими единомышленниками «мы высмеивали Черчилля и Рузвельта».

За что? Да за то, объясняет Солженицын-Смердяков, что они считались с Россией. И напрасно — «эта война вообще нам открыла, что хуже всего на земле быть русским». Так заявлено в первом томе «Архипелага», а во втором последовало уточнение: «Нет на свете нации более презренной, более покинутой, более чужой и ненужной, чем русская». И это о нации, которой мир обязан Великим Октябрем и победным 1945 годом!

Еще находясь в Советском Союзе, он из кожи лезет, чтобы мобилизовать, поднять Запад на антисоветскую кампанию. Неотступная мысль «у меня: как Запад сотряхнуть» (с. 368). Любыми путями подрывать Советский Союз изнутри, а тем временем антисоветская кампания бу-

дет набирать силу. Покончить с таким положением, когда «Запад перед ними едва ли не на колеях» (с. 232).

Солженицын и кучка отщепенцев во исполнение предначертаний ЦРУ буквально бомбардировали Запад — никакой нормализации отношений с Советским Союзом, не допустить распространения Соединенными Штатами режима наибольшего благоприятствования на нашу страну. Поток инсинуаций и клеветы Солженицына был поддержан реакционными органами печати и радио. Имея их в виду, Солженицын самодовольно подводит итоги: «Еще не успели высохнуть мои интервью и статья с горькими упреками Западу за слабость и бесчувственность, а уже и старели: Запад разволновался, расколыхался невиданно». Он даже находит, что развернувшаяся кампания по силе «была неожиданной для всех — и для самого Запада, давно не проявлявшего такой массовой настойчивости против страны коммунизма» (с. 384, 381). Насчет «массовой» он, конечно, преувеличил, но действительно в дело были употреблены немалые пропагандистские и финансовые возможности, которыми располагают ЦРУ и другие западные спецслужбы.

Действия Солженицына имели своим логическим результатом то, что он был выдворен из пределов Советского Союза к тем, кто содержит его. А развитие межгосударственных отношений и процесс разрядки пошли своим чередом.

6

Солженицын погнал строки, торопил книги — втянуть без промедления Запад в острейшую конфронтацию с Советским Союзом, толкнуть его, и немедля, на крестовый поход против коммунизма. Господи! — восклицает он, оглядываясь на прошлое. — Сколько же вы упустили! Почему вели себя не так в годы второй мировой войны?

Новые и новые упреки в адрес гитлеровской Германии. В третьем томе «Архипелага Гулаг», вышедшем в 1975 году, эта тема, уже проходившая по прежним писаниям сочинителя, достигает истерического накала. «И если бы пришельцы не были так безнадежно тупы и чванны, — сокрушается Солженицын, — ...вряд ли нам пришлось праздновать двадцатипятилетие российского коммунизма». Иными словами, к 1942 году гитлеровская Германия победила бы СССР. Солженицын не добавляет очевидного — если бы в том славном и трагическом году, 1942-м, Крас-

ная Армия ценой бесчисленных жертв не удержала бы фронт, то сейчас некому было бы читать его пасквили, да едва ли и он сам мог держать в руке перо. При фашистском «новом порядке» ушло бы через трубы крематориев все грамотное человечество, за исключением «расы господ» и обращенных в рабство. Г-н Солженицын едва ли был бы допущен даже в «фольксдейче».

«А Запад хорош! — возмущается Солженицын. — Почему западные союзники вошли в эту войну не за свободу вообще, а только за свою западноевропейскую свободу, только против нацизма?.. Разве не естественней было бы нам (кому? Наверное, Солженицыну. — *Н. Я.*) верить, что наши союзники верны самому принципу свободы — и не покинут нас». В горячечном воображении, смешав все и вся, он кликушествует: «Населению СССР до 1941 года, естественно, рисовалось: приход иностранной армии — значит, свержение коммунистического режима, никакого другого смысла для нас не могло быть в таком приходе Ждали политической программы, освобождающей от большевизма». Смысл предельно ясен: вам бы, западным демократиям, объединиться с нацистами в едином походе против СССР, к удовольствию г-на Солженицына.

В марте 1976 года он поучал английских телезрителей при любезном содействии Би-би-си: «В пятидесятые годы, после окончания войны, мое поколение буквально молилось на Запад, как на солнце свободы, крепость духа, нашу надежду, нашего союзника. Мы все думали, что нам будет трудно освободиться, но Запад поможет нам восстать из рабства» [18]. Столь широковещательное заявление нуждается в уточнениях, кому это «нам» и что понимать под «поколением»? Их можно найти в третьем томе «Архипелага Гулаг»: «Как поколение Ромена Роллана было в молодости угнетено постоянным ожиданием войны, так наше арестантское поколение было угнетено ее отсутствием». В то время «больше всего, конечно, волновали» недавних прислужников гитлеровцев и военных преступников за решеткой «сообщения из Кореи... Эти солдаты ООН особенно нас воодушевляли: что за знамя! — кого оно не объединит? Прообраз будущего всечеловечества!» А посему, ободренные тем, что экстремистам представлялось началом третьей мировой войны, эти подонки завывали из-за решетки: «Подождите, гады! Будет на вас Трумэн! Бросят вам атомную бомбу на голову!»

В том, что предатели, из довоевавшие вместе с нацистами, придерживались описанной точки зрения, да и стоят на ней по сей день, сомнений нет. НТС и Солженицын тому блистательный пример. Все они зовут к новому нашествию на СССР. Не кто другой, как тогдашний государственный секретарь США г. Киссинджер, лаконично определил суть солженицынских многословных призывов во время турне по Соединенным Штатам летом 1975 года. «Послание Солженицына сводится к тому, — заметил Киссинджер, — что Соединенным Штатам следует проводить агрессивную политику с целью уничтожения Советского Союза... Я подчеркиваю — если бы его взгляды стали национальной политикой Соединенных Штатов, то мы бы встали перед значительной угрозой военного конфликта»[19].

А вот что написал в «Вашингтон пост» Д. Крафт: «Для него (Солженицына) коммунизм не только революционная идеология, существенно осложняющая мирные отношения между суверенными государствами. Для него это само воплощение зла... С этой точки зрения любые контакты между западным и коммунистическим миром зло... Но применение узколичной морали к международным отношениям не дает хорошей политики... Коль скоро взгляды Солженицына столь незначительно связаны с американской действительностью, восхваление его пребывания в стране звучит несколько зловеще»[20]. Некоторые советники президента Форда предупредили Белый дом — Солженицын «явно умственно неуравновешен».

То, что Солженицын поставил своей основной целью подрыв советско-американских отношений, совершенно очевидно и не вызывает сомнений у ведущих органов печати США.

Весной 1976 года была организована серия выступлений сочинителя во Франции, Англии, Испании. Выступления в привычном антикоммунистическом репертуаре можно было уверенно предсказать еще до появления его на телеэкранах. Поразило другое — время выступлений. Во Франции — между двумя турами кантональных выборов, в Испании — одновременно с конференцией крайне реакционной организации — ветеранов гражданской войны, возглавляемой ультра Хосе Хироном[21]. Как заметил популярный испанский журнал «Бланко и Негро», речи Солженицына «вызвали раздражение крайне левых и радость и ликование правых»[22]. Оно и понятно — почувствовав себя

иа коне (нужен!), Солженнцын нагороднл вздор явно фашнстского толка.

Основиой его тезнс ианболее ярко прозвучал, пожалуй, в выступленнн на французском телевнденнн 9 марта 1976 года. «Нынешнее положенне Запада, — сказал ои, — это не только полнтнческий, но н духовный крнзис, которому, возможно, 300 лет. Этот крнзнс пронсходит оттого, что со срединх веков мы бросились в материю, мы захотелн нметь много вещей, мы хотели жнть радн телесного, а моральные задачн мы забылн». Еслн оставнть в стороне релнгнозно-мнстнческне разглагольствоваиия, суть дела предельно ясиа — по Солжеинцыну, иачиная, видимо, с английской революцнн, мнр сбнлся с правильиого путн. Изрек. И пошел дальше своих духовных предшествеиннков. Напомиим: «Мы выступаем в ролн аитнтезы по отношенню ко всему кругу ндей 1789 года» — Беинто Муссолини. «1789 год будет вычеркиут из истории» — доктор Геббельс. Нужно ли напомннать, как Муссолиии н Геббельс былн вычеркнуты из нсторин? Вероятио, иебесполезный прнмер для нх ндеологического фашнствующего последыша.

Он надеялся, что его слова встретят благожелательный прнем в Испаиин. Для этого Солжеинцын н восхвалил франкнзм, который-де приисс нспаицам «абсолютную свободу». Гордый народ придерживается нного мнеиня. Журиал «Камбно 16» заметил: «Выступлеине Солжеинцына было рассчнтано на слабоумных». По словам англнйской газеты «Гардиаи», одии из умеренных лидеров Испаиии сказал: «Мы должиы сейчас задать себе вопрос, ие страдает лн этот пнсатель серьезной психнческой болезиью, которая иарушнла его способиости полнтнческн правнльио мыслить и дала возможность правым экстремнстам нспользовать его лнчность как орудне для иападок иа дело социальной демократин, прав человека н свободы рабочнх».

Апокалнптнческне разглагольствования Солженнцына, его паранондиые прнзывы, вие всякого сомиення, иадоелн миогим европейцам. Узрев собствеиными глазамн пророка в действнн, оии не могли скрыть своих пережнваний н поторопились поделнться имн с газетамн. Одно нз писем, помещеиное в английской «Таймс», стоит того, чтобы воспронзвестн его целнком, оно по крайней мере свидетельствует о том, что солженнцынскнй «блиц» против Британских островов не лншнл англичан чувства юмора. Некий К. Тайнан иаписал:

«Ну, сэр, теперь, когда Британия сурово поставлена в угол Александром Солженицыным, многие из ваших читателей могут подумать, что писатель в изгнании считает дело всего западного мира погибшим. Счастлив заверить Вас, что это не так. Г-н Солженицын усмотрел по крайней мере один маяк надежды в окружающем мраке. В течение недавнего 48-минутного интервью по испанскому телевидению он с энтузиазмом отозвался о победе Франко в гражданской войне как победе «концепции христианства». Он затем поздравил испанский народ, среди которого провел целых восемь дней, с тем, что испанцы, по его словам, пользуются «абсолютной свободой». Поэтому мы можем со спокойной совестью обозвать большевистскими экстремистами тех граждан Испании, первым побуждением которых после этих слов было чистосердечное желание плюнуть прямо в глаза великому моралисту. Искренне ваш, Кеннет Тайнан»[23].

Европейское турне 1976 года практически подвело итог «операции Солженицына» на Западе. Ввиду его явной непригодности там для текущей политики ЦРУ (наверняка на время!) списало «пророка» в резерв. С тех пор выступления Солженицына стали величайшей редкостью, проще говоря, ему заткнули рот, хотя помнят, и нередко, что живет-де на Западе «борец» с коммунизмом и пр. В данном случае ЦРУ прибегло к хорошо известной тактике, традиционной в деятельности тамошних спецслужб. В свое время абвер и СС примерно так же обращались с духовным предтечей Солженицына — Власовым. Его поставили на котловое довольствие вермахта, но практически запретили выступать, хотя геббельсовская пропаганда без устали использовала имя предателя. Конечно, времена разные — в нацистской Германии, шедшей к гибели, Власову обеспечили не бог весть какие условия. ЦРУ располагает куда большими материальными возможностями, посему «пророк» живет получше, но в глухой изоляции — вблизи деревни Кавендиш в штате Вермонт.

Корреспондент американской газеты, побывавший у дома Солженицына в 1977 году, подробно описал, где он помещен, однако статья была озаглавлена крайне двусмысленно: «Рай Солженицына: тюрьма собственного изобретения». Насчет «собственного» можно быть уверенным — сказано из кондового американского почитания ЦРУ. Надо думать, над устройством «тюрьмы» немало потрудились профессионалы ведомства. Журналист, естественно, не мог

ничего узнать подробнее — в дом никого не пускают, но имел возможность обозреть внушительный забор из колючей проволоки, которым обнесен участок. Различного рода электронное оборудование «стережет» Солженицына от нежелательных посетителей. Жители Кавендиша немало посудачили насчет нового соседа, даже номер телефона которого не внесен в местный справочник. Некая домохозяйка, встретив Солженицына, поздоровалась с ним, назвав по имени. «Он так перепугался, видя, что его узнали», — рассказала она корреспонденту.

В июне 1978 года Солженицына во плоти представили в Гарвардском университете, где в числе 11 человек он получил почетную степень доктора наук. Он произнес речь, повторение того, что уже говорил по прибытии на Запад, скорректированное цензорами ЦРУ. Но, вероятно, в ораторском угаре добавил кое-что от себя в плане упреков Западу — недостаточно, мол, решимости в борьбе против коммунизма. Это, вероятно, было бы приемлемо, но вот объяснение показалось обидным. Солженицын разъяснил: «Западный мир потерял общественное мужество... Все власти западных стран резко ослабли». Они, эти самые «власти», отчитали зарапортовавшегося оратора.

Энтээсовский «Посев», с большим запозданием опубликовавший речь Солженицына, вздохнул: «Теперь в Америке обнаружен новый источник беспокойства — Солженицын. Та же «Нью-Йорк таймс» назвала его «одержимым, страдающим маниакальными идеями и мессианским комплексом». Напомнив о «Вехах», журнал настаивал, что Солженицына не так поняли — он не хотел обижать власти предержащие, а имел в виду другое: «Веховцы, исходя из анализа главных тенденций культуры нового времени, предсказали русскую революцию и все ее последствия. Ныне Солженицын переадресует эти пророчества — ведь обстановка западной жизни позволяет это делать, она *до деталей* схожа с предреволюционной русской».

Объяснения эти адресованы ничтожной части эмиграции. Совершенно другой вес имеет «Нью-Йорк таймс».

7

Происходящее с Солженицыным в высшей степени показательно. Такие люди нужны для ведения «психологической войны», пока они находятся в пределах Советского Союза. Оказавшись на Западе, они быстро видят — им

разрешаются только такие действия, которые определены спецслужбами. Никакой отсебятины. Нужны только их имена и скандальная известность. Отщепенцы, попадающие на Запад из СССР, ощущают это на собственной шкуре.

Взять матерого преступника Буковского. О его судьбе западные средства массовой пропаганды сочиняли самые поразительные небылицы. В изображении их, он находился на последнем издыхании. Но вот «мученик» предстал на Западе живым, здоровым, да и весьма бойким. Он произносил речи, давал интервью, развил кипучую деятельность. под силу очень энергичному человеку, и даже удостоился приема в Белом доме в феврале 1977 года. Его восхваляли — как же, уголовник выливал потоки грязи на Советский Союз.

Сообщая об этой приятной во всех отношениях для НТС деятельности, «Посев» восклицал: «Надо надеяться, что западные политики и общественные деятели в своих отношениях с Советским Союзом почерпнут кое-что из опыта В. Буковского». Озаренный «славой» антисоветчика, уголовник, как и надлежит профессиональному преступнику, был настороже: «когда Буковского попросили сказать, какую позицию по отношению к Советскому Союзу должен был бы занять Запад, он повторил, что ни давать советов, ни навязывать своего мнения не может».

Он недолго удержался на этой позиции и, возомнив себя стратегом, полез с советами. Для хозяев — ЦРУ дело смешное и нетерпимое: марионетка вознамерилась давать руководящие указания тем, кто дергает за веревочки. Итог: на антисоветском сборище в Париже в сентябре 1977 года Буковский жаловался: «Когда я оказался в госдепартаменте США, я вдруг обнаружил, что человек, который отвечает за всю восточную политику... такой толстый, очень важный и смотрел на меня как на букашку, которая ползет поперек пути. И он знал лучше меня, что нужно Америке и что нужно Советскому Союзу. Я ничего не мог ему доказать». В жалобах своих он, впрочем, был похвально осмотрителен: ссылался на госдепартамент, а не на тех, с кем много чаще имеет дело, — сотрудников ЦРУ.

В одном он совершенно прав — эти отщепенцы для ЦРУ не больше чем «букашки». Между представлением, которое создают о них западные средства массовой пропаганды по наущению спецслужб, и их подлинной значимостью в глазах тех же спецслужб громадная пропасть.

В ЦРУ точно определили их стоимость и в случае нужды без труда возьмут к ногтю любую «букашку», не потрафившую ЦРУ. Очень даже просто. Заплечных дел мастерам ЦРУ опыта не занимать. Во всяком случае в США тех, кто оказывается на пути ЦРУ, обдает леденящий смрад застенков ведомства, всегда готовых принять новые жертвы, которые в них исчезают без следа. Об этом знают сотрудничающие с ЦРУ — для острастки, хотя, конечно, застенки созданы в первую очередь для классовых противников строя, существующего в США. Диктатуры железной пяты.

Еженедельная газета «Голос Родины», орган советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом, в сентябре 1978 года опубликовала статью советского юриста А. Трайнина «Разговор начистоту», в которой как раз разбирается практика бессудной расправы в США. А. Трайнин писал:

«Лиц, заподозренных в США в том, что они являются «агентурой» иностранного государства, как правило, не доводят до суда, а убивают в застенках спецслужб, предварительно вырвав у них надлежащие «признания». Или они гибнут, не сказав ни слова. Причем речь идет об американских гражданах, которые по официальной заокеанской риторике наделены всеми «правами человека».

Списки замученных, имена которых так и не попали на страницы «свободной печати», вероятно, погребены в сверхсекретных архивах американских спецслужб. Но о страшной судьбе некоторых, бросивших вызов диктатуре железной пяты, мы знаем.

За примерами, причем новейшими, не нужно ходить далеко. Первая половина семидесятых годов ознаменовалась в США резкой критикой ЦРУ и «разведывательного сообщества» вообще. В критике этой было не только возмущение со стороны порядочных людей, но и озабоченность некоторых кругов в том, что спецслужбы малоэффективны. В ответ ЦРУ дало бортовой залп, выпустив книги своих работников, в которых превозносились «заслуги» ведомства, стоящего на страже интересов железной пяты. Среди таких хвалебных трудов книга бывшего крупного работника ЦРУ Майлса Копленда «Без плаща или кинжала. Правда о новой эпохе в шпионаже» [24] (1974).

Это отнюдь не агитка, а излияния профессионала.

Он заверил подлинных хозяев Америки, что дело защиты их классовых интересов в надежных руках. Копленд

точно изложил, что ожидает того, кого считают политически опасным в США. «Если сотрудники (американских) органов госбезопасности убеждены, что подозреваемый виновен, у них нет иного выбора, как арестовать его и сделать все необходимое, чтобы добиться правды, даже если это означает уничтожение любой возможности впоследствии предать его суду. Если задержанный отказывается говорить, сотрудники госбезопасности уводят его в подвал и там, как выразился один мой хладнокровный друг по ЦРУ, «стараются привести его в рассудок» (с. 186). Центральное разведывательное управление «предпочитает, чтобы допрашиваемый «скончался от кори», как острословы ЦРУ именуют этот исход, а не был наказан в судебном порядке» (с. 182). После допросов в застенках ЦРУ допрашиваемого приводят в такое состояние, что его нельзя показать в суде, и «его спокойно ликвидируют способами, ужас которых не поддается описанию» (с. 257).

В качестве примера Копленд рассказывает об убийстве в 1964 году в застенках ЦРУ американского государственного служащего, зашифрованного им под псевдонимом «Мики». Он был схвачен и умер «от сердечного приступа», именно когда следствие заканчивалось... «В его деле не обнаружено ничего выходящего из ряда вон», — докладывал руководитель следствия тогдашнему директору ЦРУ адмиралу Вильяму Рейборну... О деле «Мики» в прессе не сообщалось, ибо гласность не принесла бы никаких выгод» (с. 26—28).

Пресса ладно, но родные, семья! «Поскольку «Мики» скончался, — замечает Копленд, — от «сердечного приступа» (а в качестве причины смерти могла бы быть указана «корь» или любая другая выбранная наугад болезнь), его коллеги и их семьи были столь же предупредительны и отзывчивы к его осиротевшей семье, как они отнеслись бы к семье любого другого покойного коллеги» (с. 188).

Лишь в редчайших случаях человек, прошедший ужасы застенков, выпускается на свободу доживать свои дни где-то в глухом месте под жестким надзором. Но только если это в «государственных интересах». И конечно же, в газетах ни слова [25]. США вообще давно далеко зашли в своей карательной политике, режим в американских тюрьмах всегда отличался крайним зверством. Еще в тридцатых годах XIX века француз А. Токвилль, книги которого о США считаются классическими, с ужасом запи-

сывал поучения смотрителя нью-йоркских тюрем Э. Линдса: «Во время наших разговоров, длившихся часами, г-н Элам Линдс постоянно возвращался к одной теме — необходимо начинать с того, чтобы сломить дух заключенного» [26]. Куда больше ста лет назад реформатор американских тюрем Ф. Грей настаивал: совершенно обязательно «сокрушать и уничтожать свирепым обращением» дух и волю заключенных» [27]. Так и «сокрушали», безмерно гордясь своим к нашим дням почти двухсотлетним опытом. Американская журналистка Д. Митфорд, выпустившая в 1975 году очень поучительное исследование о современных американских тюрьмах, подчеркивает: «Я обнаружила, что именно эту двойную цель, в сущности, и по сей день преследует как тюремная администрация, так и сонмы благонамеренных реформаторов, хотя они и не высказываются столь откровенно, как надзиратель Линдс, и хотя с годами методы достижения этой цели сильно изменились» [28].

Изменились хотя бы в том, что в наши дни американские тюремщики жадно заимствуют «новинки», появлявшиеся за рубежом. В середине XX века американские тюремщики очень взволновались: у них появились конкуренты — маоисты, которые, оказывается, даже успешнее ломают волю и хребты своих жертв. Немедленно лучшие умы в США в этой области приставили к делу — изучать опыт китайских коллег. Исследователь вопроса Э. Шейн в целом успокоил озабоченных американских тюремщиков: «Процесс принудительного убеждения в китайских коммунистических тюрьмах имеет аналоги в различных учреждениях в нашем собственном обществе» [29]. Надо ли добавлять, что вывод этот был сделан в обширном исследовании соответствующих китайских методов, которое финансировалось ЦРУ. Достойное исследование не было отправлено пылиться на библиотечную полку, а, добытое трудолюбивым ученым, было рекомендовано и внедрено в жизнь. У маоистов, оказывается, все же есть чему поучиться. В апреле 1961 года начальник управления федеральных тюрем Д. Беннет созвал представительное совещание руководства тюремного ведомства, на котором выступил Э. Шейн. Воздав должное достигнутому в США, он призвал не успокаиваться на этом, а принять на вооружение и практику маоистов. Из «азиатских» методов, внушал Э. Шейн, для нас «может быть приемлемо прежде всего следующее... добиваясь признания, они бьют, пинают

заключенного, плюют на него, орут, всячески унижают его по двадцать четыре часа в день, и так продолжается неделями и месяцами». Это составная обязательная часть процедуры «промывания мозгов» *.

Вот ее и нужно внедрять в практику, продолжал Шейн: «Мне бы хотелось, чтобы вы не рассматривали промывание мозгов с точки зрения политики, этики и морали, а подходили к нему как к усилиям группы людей сознательно изменить поведение и отношение населения, над которым они имеют относительно полный контроль. Когда мы обнаруживаем, что (китайские) коммунисты и некоторые наши учреждения действуют аналогичным образом, то перед нами, конечно, встает дилемма. Должны ли мы осуждать собственные методы только потому, что они сходны с промыванием мозгов? Я склонен думать, что (китайские) коммунисты используют те же соображения и знания, что и мы, но применяют их для достижения целей, которые мы не можем одобрить. Однако одни и те же методы, но на службе различных целей могут быть совершенно приемлемы для нас... Напоминаю вам, что я провожу эти параллели вовсе не для того, чтобы осудить некоторые наши методы, я преследую противоположную цель. Я пытаюсь просто показать — в китайских методах нет ничего загадочного, отличного от наших и ужасного... Надеюсь, что вы, собравшиеся здесь, верите, что мы в Вашингтоне горячо желаем — действуйте описанными способами, действуйте и по собственной инициативе» [30].

И американские тюремщики действовали вовсю, еще бы — просит ЦРУ! Об одном из результатов свидетельствовала петиция заключенных в американских тюрьмах, переданная в 1972 году в ООН. Несчастные указали, что в федеральной тюрьме Марион штата Иллинойс, например, введены «китайские методы», именуемые программой «Асклепион». Они сравнили речь просвещенного Шейна с практикой тюремщиков, перечислив 24 метода физического и психического воздействия. Над США отнюдь не пронеслась буря возмущения, ответственного за введение этих методов М. Гродера всего-навсего пригласили в ко-

* Термин этот ввел в оборот сотрудник ЦРУ журналист Э. Хантер, впервые использовавший его в статье в «Майами Дейли Ньюс» в сентябре 1950 года. В 1951 году Хантер объяснил смысл «промывания мозгов» в книге «Промывание мозгов в Красном Китае»: «злоумышленное уничтожение разума». Так он именовал политику маоистов, стремившихся ликвидировать любое сопротивление внутри страны.

митет конгресса, где он дал пространные объяснения, указав на великую пользу китайских методов на почве великой «демократии». Американские исследователи вопроса А. Шефлин и Е. Оптон в 1978 году подвели итог: «Из письменного описания д-ром Гродером программы «Асклепион» видно, что честолюбивая цель китайцев — изменение разума — состоит в том, чтобы «разморозить» прежние представления заключенного о себе (т. е. свести их к нулю), «изменить» его личность и «заморозить» его новые представления в новой личности — идентичны этой программе. Для достижения своих честолюбивых целей китайцы иногда прибегают к крутым мерам физического воздействия, маловероятно, чтобы д-р Гродер удовлетворялся меньшим»[31].

Карательная политика в США всегда носила и носит ярко выраженный классовый характер, острие ее направлено против тех, кто и без того находится в основании американской политической пирамиды. «Китайские методы» оказались особенно уместными с точки зрения властей предержащих в США именно в шестидесятые и начале семидесятых годов — время массовых выступлений против политики американского империализма в Юго-Восточной Азии... «И в этой связи, — замечает Д. Митфорд, — широкое распространение получил термин «политические заключенные». Этот термин был введен самими узниками, осужденными за преступления, которые в обычном представлении не имели никакой связи с политикой. Они были убеждены, что являются жертвами классового или этнического подавления, что власти пользуются тюремным заключением как средством заставить их принять статус-кво нищеты, бесправия и несправедливости». В США ныне около 1,4 миллиона заключенных, 80 процентов из них принадлежат к 12 процентам трудоспособного населения, получающего минимальные доходы. Вот их и «перевоспитывают» с использованием и «китайских методов», чтобы они смирились со своим положением, безропотно принимали политическую систему, существующую в США.

Если так дело обстоит в тюрьмах общего типа, то происходящее в застенках ЦРУ — тайна за семью печатями.

Нужно было стечение чрезвычайных обстоятельств, чтобы о нравах, царящих в застенках ЦРУ, стало кое-что известно, именно далеко не полностью и под специфическим углом зрения. Заседания комитета палаты представителей, расследовавшего в конце семидесятых годов убий-

ства Д. Кеннеди и М. Кинга, вновь оживили интерес к деятельности ЦРУ. Перед комитетом прошли отставные работники ведомства, которые отвечали на ряд вопросов. Что касается убийства президента Д. Кеннеди, то снова всплыло старое — пал Кеннеди жертвой заговора или нет и в любом случае какова роль во всем этом ЦРУ, ФБР, секретной службы и прочих. Почему по крайней мере они не могли уберечь президента? «Расследования» конгресса такого рода непременно кончаются тем, что ЦРУ выходит из них не только чистым, но и как ведомство, постоянно пекущееся о «национальной безопасности» США. В подкрепление этого в процессе «расследования» ЦРУ предает огласке новые факты.

Так произошло и на этот раз. По осени 1978 года ЦРУ предъявило комитету палаты представителей доказательства своей бдительности и даже сверхбдительности. Дело шло о следующем. В начале 1964 года один советский работник, находившийся в загранкомандировке, изменил Родине и получил политическое убежище в США. Он сразу попал в руки тех, кто принимает предателей, — соответствующее подразделение ЦРУ. Там месяцами жестоко допрашивают любого ищущего убежища в благословенной «демократии» и, лишь удостоверившись в том, что предатель «выпотрошен», то есть передал все известное ему об СССР американской разведке, разрешают тому влачить жалкое существование на Западе, зачастую под чужой фамилией и неусыпным присмотром ЦРУ. Иные предатели во время этой процедуры бесследно исчезают, по тем или иным причинам их уничтожают, а о некоторых известно, что они почему-то покончили жизнь «самоубийством». Хотя, казалось бы, нашли, что искали, — «свободу» на Западе.

По роду своей работы предатель представлял, за чем охотится ЦРУ, а посему поторопился выложить следователям то, что составляет государственную тайну. Но он, мелкий чиновник, знал плачевно мало, и «улов» для ЦРУ оказался незначительным, что сразу вызвало подозрения, которые были неизбежны, ибо он, дабы продаться подороже, представил себя крупным работником. В ЦРУ пожали плечами — крупный работник должен знать больше. Стали еще придирчивее в допросах, а тот, дурак и в довершение всего пьяница, поддерживая версию о своей невероятной значимости, вконец заврался. Помимо явных небылиц, предатель «открылся» — он-де лично знал детали пребывания Л. Освальда в СССР.

А шел 1964 год, работала комиссия под руководством председателя Верховного суда США Э. Уоррена, расследовавшая обстоятельства убийства президента Д. Кеннеди. Внезапное «признание» предателя прозвучало как разорвавшаяся бомба для руководства американских спецслужб. Все они прекрасно знали о нем — решение о предоставлении политического убежища предателю было принято отнюдь не единолично ЦРУ, а «межведомственным комитетом по вопросам изменников». В него, помимо чинов из ЦРУ, входят представители государственного департамента, разведки министерства обороны, ФБР, военно-морской разведки, военной разведки, Агентства национальной безопасности. Комитет этот выносит решение по делам всех лиц, просящих убежища в США. 2 апреля 1964 года начальник оперативного управления ЦРУ Р. Хелмс подключил к делу и официальные американские юридические органы — он получил санкцию заместителя министра юстиции Н. Катценбаха, подтвержденную министром юстиции Р. Кеннеди, о заключении перебежчика в тайную тюрьму ЦРУ в нескольких километрах от Вашингтона и применении к нему допросов «с пристрастием». Помимо собственной отработанной технологии, наверное, еще с применением тогда новинки — «китайских методов».

В официальных американских источниках дальнейшее рисуется так. Предателя, ожидавшего манны небесной от ЦРУ, вознаградили сполна: его бросили в одиночку без окон, стали применять самые изощренные методы физического воздействия, проще говоря, пытать. Зверски избивали, вводили химические препараты, дабы добиться «правды», а чтобы нарушить биологические ритмы организма, попеременно на недели и месяцы превращали день в ночь и обратно. Благо заключенный никак не мог определить время из-за отсутствия окон в застенке. Одели предателя соответственно — в солдатские обноски и держали на диете — каша неописуемого вкуса и гнилые макароны. И так более трех лет. Изменник, конечно, не вызывает никакого сочувствия. Дело не в нем, а в том, что на этом примере отчетливо видны методы американских спецслужб в отношении тех, кто даже ошибочно попадает в их лапы. Отвлекаясь от личности предателя, небесполезно в принципе поставить вопрос — в какой мере все это соответствует хваленой «законности» в США. К сожалению, приходится иллюстрировать на примере этого дела, ибо аналогичные де-

ла, а их, несомненно, немало, просто никогда не становятся достоянием гласности.

Основанием для заточения этого человека и применения к нему описанных методов были необоснованные надежды добиться сенсационных показаний по делу об убийстве Д. Кеннеди. Министр юстиции Р. Кеннеди постоянно справлялся у ЦРУ — когда же наконец заключенный «расколется». За каждым обращением министра следовало усиление нажима на подследственного, проще говоря, пыток. Но тому не в чем было сознаваться. 24 июня 1964 года Р. Хелмс в глубокой тайне встретился с председателем Верховного суда Э. Уорреном. О чем точно говорил Хелмс с высшим служителем американской Фемиды, неизвестно, как и не рассекречен протокол заседания комиссии Уоррена, состоявшегося в этот же день. Как бы то ни было, в докладе комиссии Уоррена и в горе сопутствующих документов об обстоятельствах убийства президента Д. Кеннеди об этом деле ни слова. 28 сентября 1964 года был опубликован известный доклад комиссии Уоррена, в котором также ничего не говорилось об этом деле. В Вашингтоне тогда объявили, что расследование убийства президента Д. Кеннеди закончено [32].

Вся эта история гласно всплыла только в сентябре 1978 года в комитете палаты представителей, разбиравшем обстоятельства убийства Д. Кеннеди и М. Кинга. Появилось немало откликов в западной печати. Заслуживает внимания комментарий малоизвестной французской газеты «ВСД», которая в октябре 1978 года заметила по поводу новейшего расследования дела на Капитолийском холме: «Начальник оперативного управления ЦРУ в то время Ричард Хелмс принял решение, имевшее громадное значение для хода расследования случившегося в Далласе. Он просто скинул со счетов свидетельство X. Теперь он оправдывается: «Конечно, то была моя ошибка...»

Тут последовало главное: Хелмс подтвердил, что получил санкцию заместителя министра юстиции Николаса Катценбаха подвергнуть X. «допросу для врагов», то есть применить к нему крайние меры. Три года X. сидел в бетонном мешке, на тощей диете, не имел ни с кем контактов, подвергался физическому воздействию, к нему применялись химические средства. Все, чтобы он «сломался». Странное обращение с человеком, искавшим убежища в Америке. Хелмс утверждает, что санкцию на это он получил у Катценбаха 2 апреля 1964 года. «Ничего по-

добного, — заявил Катценбах комитету конгресса на прошлой неделе. — М-р Хелмс никогда не поднимал передо мною вопроса об Х. Я никогда бы не дал ему такой санкции, которую, как он утверждает, получил у меня!»

Что же все это означает? Либо Катценбах страдает от провала памяти, либо Ричард Хелмс, уже получивший год условно (речь идет о штрафе в 2000 долл., к которому Хелмс был присужден в 1977 году. — *Н. Я.*) за лжесвидетельство перед комитетом конгресса, теперь пытается скрыть тот факт, что принял решение в отношении Х. по собственной инициативе. Еще более впечатляющий факт: 24 июня 1964 года Хелмс в глубокой тайне встречался с председателем первой комиссии конгресса по расследованию убийства Кеннеди судьей Уорреном. Во время встречи не было сделано никаких записей. Уоррен, должно быть, забыл об этом разговоре. Но что же нашептывал Хелмс в тот день на ухо Уоррену?» [33]

Французская газета, естественно, не могла решить вопрос, о котором шла речь выше, но очень уместно обратила внимание на то, как в США умеют заметать следы. Примечательно не только это, а то, что лица, которым в США вверено поддержание законности, считают своей обязанностью закрывать глаза на явное ее нарушение, когда на этом настаивают спецслужбы, в первую очередь ЦРУ.

Осталось досказать немногое. Предателя продержали в застенках контрразведки ЦРУ до октября 1967 года, протоколы допросов его достигли почти 1000 страниц. Контрразведчики со временем стали от души советовать ему покончить с собой, а коль скоро он медлил, заговорили о необходимости ликвидировать неудобного свидетеля. До этого дело не дошло. К этому времени обнаружились резкие разногласия между ЦРУ и ФБР, да и в других подразделениях ЦРУ стали скептически смотреть на происходившее — как бы не отбить охоту у предателей просить убежища в США, отчего пострадает оперативная работа ЦРУ. Результатом жаркой потасовки спецслужб было то, что мерзавец выжил, его не ликвидировали, как неизбежно случилось бы в другом случае. Осенью 1967 года его передали в ведение управления безопасности ЦРУ, где допрашивали еще с год, а затем «отпустили» — поселили под чужим именем в доме, купленном ЦРУ, назначили вспомоществование и приняли в американское гражданство. «В обмен он обещает не раскрывать, что произошло с ним в ЦРУ» [34]. На том бы дело и заглохло, если бы не

новые внутриведомственные склоки, на этот раз в связи с Уотергейтом. У. Колби, назначенный директором ЦРУ, в интересах налаживания более эффективной работы разогнал руководство контрразведки ведомства, поставив ему в вину, помимо прочего, растрату сил и средств на бессмысленную затею (хотя с первого взгляда было ясно, что он заурядный негодяй, а не законспирированный «советский агент»).

История эта, повторяем, независимо от омерзительной личности ее «героя» в высшей степени поучительна в том отношении, что приоткрыла завесу тайны над методами работы ЦРУ. Больше того, она, вне всяких сомнений, показывает: те, кто в Вашингтоне ратует за «права человека» по всему миру, прекрасно знают, что в самих Соединенных Штатах права эти пустой звук. Американская пропагандистская кампания в пользу их обеспечения не больше чем провокация в рамках «психологической войны».

8

Кампания эта во многих отношениях признание банкротства линии ЦРУ, методов, разработанных еще в ОСС, — действий типа «операции Солженицына», исходивших из посылок, что оголтелая проповедь свержения советского строя найдет-де сторонников в нашей стране. «Инакомыслящих», выступавших под этими лозунгами, постигла та же судьба, что и бандитов и террористов, засылавшихся ЦРУ частично через НТС в Советский Союз. Все они не нашли решительно никакой поддержки. «Нью-Йорк таймс» осенью 1977 года не оставалось ничего другого, как заключить: «Диссидентство в России доживает свой короткий срок... пора наконец взглянуть правде в лицо» и признать их «очевидное поражение» [35].

Но ЦРУ по-прежнему ведет «психологическую войну», и поражение одного отряда привело только к тому, что на первую линию фронта выдвинулись те самые фальшивые поборники «прав человека». Появление их в авангарде подрывной работы отнюдь не новинка. Американские политические деятели и профессора, выпустившие в 1978 году довольно реалистический сборник «Здравый смысл в американо-советских отношениях», указали на преемственность этой кампании с антисоветскими акциями, проводившимися миром капитала против нашей страны начиная

с 1917 года. Как заметил профессор социологии Гарвардского университета Д. Рисман в эссе «Опасность кампании о правах человека»: «Эта кампания против Советского Союза, конечно, не началась с президента Картера. В определенном смысле она восходит ко дням возникновения советского режима». Другой ученый, С. Коен, обратил внимание: «Администрация Картера определила ее в терминах советских «прав человека», что неточно. Тут ставится вопрос только о политических правах или свободах. Термин «права человека» много шире, включая целый спектр экономических и социальных вопросов, в решении которых Советский Союз по сравнению с остальным миром может записать в свой актив значительные достижения»[36].

Стратегическая установка ЦРУ в этой кампании, как и прежде, подрыв советского строя, не объявляя декларированной целью его свержение, хотя речь идет именно об этом. Уроки «операции Солженицына» и иных в том же духе учтены! Есть многие доказательства именно такого хода мысли, конечно, более ясные в документах, не публикуемых для всеобщего сведения. Еще в годы президентства Л. Джонсона его влиятельный помощник профессор-историк Э. Голдман с величайшим одобрением написал в связи с одним документом: берусь «попытаться добиться самой тщательной и справедливой оценки его идей», и, наверно, преуспел в своем начинании. О ком идет речь? В архиве президента Джонсона в Остине, штат Техас, хранится обращение в государственный департамент некоего К. Монголда, по профессии инженера, работавшего по контракту в СССР в 1934—1936 годах. Он и привел в восторг Голдмана, подав в 1964 году записку, в которой твердо обещал: если его рекомендации будут приняты, то победа в борьбе с СССР за США. Какое значение в Вашингтоне придали записке, свидетельствует простой факт — официально адресованная в отдел СССР госдепартамента записка оказалась на самом высшем уровне. Мудрость, которой делился Монголд, состояла в следующем:

«В 1917 г. — писал он в своей записке, — в России был сравнительно слабый средний класс. Сегодня существует большой интеллектуальный средний класс, который по большей части не принадлежит к партии. Он может возглавить народную революцию. Этот средний класс также пожелает демократии с конституционными гарантиями... (то есть американской «демократии». — *Н. Я.*). Мы долж-

ны идентифицировать наши политические интересы с интересами этого непартийного среднего класса, а не с политическими интересами «благополучных» коммунистов. Демократическая революция в России приведет к децентрализации и распаду русского могущества. Она дает лучший шанс выиграть «холодную войну» решительным образом без риска вызвать ядерную катастрофу, которая может привести к всеобщему уничтожению...

Но ни одно широкое восстание немыслимо, пока миллионы идеологически обработанных и искренне верящих рядовых коммунистов контролируют все вооруженные силы до чинов майоров, полковников и даже генералов. Лишь деморализовав этих коммунистов и побудив их передраться между собой, можно осуществить народную революцию. Однако идеологически их можно деморализовать лишь аргументацией, которая неопровержима с точки зрения их собственной политической философии... Мне удавалось «промыть мозги» искренним коммунистам. Техника очень проста». Далее шли советы, как клеветать на основы марксистско-ленинской философии, восходившие к концепции «прав человека» в пропагандистской американской интерпретации. В целом дикий вздор. Но Монголд торжествующе заключал: «Я могу переубедить любого преданного коммуниста в должное время, как правило, в два-три месяца, при условии, что встречаюсь с ним в среднем раз в неделю. После такого «промывания мозгов» убежденные коммунисты превращались в нечто среднее между бесстыдными оппортунистами и убежденными оппозиционерами» [37].

По поводу всего этого нужно сказать коротко — претенциозный дурак. Но дело не в престарелом маразматике, а в том, что высшие руководители США не оставляли неперевернутым ни одного камня в поисках философского камня для победы над СССР методами «психологической войны», серьезно относясь даже к бредовым прожектам типа изложенного выше. Во всяком случае, ясно, куда устремлена их «творческая» мысль. У них вошло в привычку списывать недовольство в США капиталистическими порядками на Советский Союз, изображая его виновником любых трудностей, перед которыми встает Вашингтон. В Белом доме сложился, во всяком случае в годы войны во Вьетнаме, такой стереотип мышления, который изумил Голдмана, а он, как мы видели, был человек закаленный — не удивился написанному Монголдом. Голдман описал

в мемуарах следующую сценку в кабинете президента в 1966 году, где собрались послушать его откровения член правительства и трое помощников:

> «Президент Джонсон стучал по коленям моим и других, восклицая: «Либеральные критики! За всеми ними стоят русские». Он восхвалял ФБР и ЦРУ, которые сообщают ему обо всем «происходящем в действительности». Русские и подняли всю эту агитацию... Русские поддерживают постоянные связи с сенаторами, выступающими против войны, и посыпались их имена. Эти сенаторы ходили на ленчи и приемы в советском посольстве, дети их секретарей назначали любовные свидания русским. «Русские придумывают за этих сенаторов, что им говорить. Я часто заранее знаю, что они скажут в своих речах». Я был потрясен. Джонсон действительно верил, что его критики советские марионетки? Что над его мышлением настолько довлел маккартизм?.. Было ясно, что трое других присутствующих не скажут ему и слова поперек. Один помощник неловко сжался в кресле, другой сидел невозмутимый, было очевидно — и он так думал. Член правительства рассеянно раскачивался в кресле, всем видом показывая — ну что же, такова цена, которую нужно платить за должность. Я же не хотел оставить пятно на собственной совести, промолчав, когда президент США нес этот опасный вздор. Линдон Джонсон дошел до того, что стал рассказывать: во время слушаний в сенате по поводу войны во Вьетнаме сотрудник советского посольства передал инструкции одному из членов комитета. Я вставил «г-н президент...», но было трудно прервать его монолог, наконец мне удалось прорваться: «Г-н президент, вы знаете, что то, что вы говорите, просто не так». Президент удивленно взглянул на меня. Позднее я часто вспоминал этот взгляд, пытаясь сообразить — что бы он значил» [38].

Сообразить не очень трудно, Голдмана скоро попросили из штата Белого дома. Эпизод этот в который раз проясняет не только нравы правящих в США, но и показывает некоторые истоки чуть ли не кровожадности к этим «русским», от которых, дескать, буквально житья нет. Хотя отнюдь не «русские», а Джонсон со своими прекрасными советниками погрузили США в трясину войны во Вьетнаме.

При таком складе мышления изыскивались малейшие возможности для перехода в решительное наступление против СССР, перенесения борьбы на нашу территорию, что обещала та же пресловутая кампания о «правах человека». По всей вероятности, основы ее заложил З. Бжезинский, который промелькнул на политической арене США на исходе президентства Джонсона, а в полную силу вошел с вступлением на пост президента Д. Картера. Уже упоминавшийся советский юрист А. Трайнин показал механизм организации этой «правозащитной деятельности». Коль скоро он работал по первоисточникам, лучше не перефразировать написанное им, а воспроизвести надлежащую часть его большой статьи целиком *.

9

«В феврале 1974 года из Советского Союза был выдворен Солженицын, что вызвало неописуемое замешательство среди противников коммунизма, где бы они ни находились. Однако это замешательство не идет ни в какое сравнение с той яростью, которая охватила западные спецслужбы, — был положен конец «операции Солженицын», считавшейся перспективной в подрывной работе против Советского Союза. Сложилась новая обстановка, которая требовала анализа и разработки новых планов на будущее. Не в том смысле, что спецслужбы пеклись о самом Солженицыне (битая карта не вызывает чрезвычайного интереса), речь шла о куда более важном с их точки зрения: уместности и результативности методов, применявшихся в связи и вокруг этого человека.

В Соединенных Штатах задачу примерно в том плане попытался выполнить Институт исследования коммунизма Колумбийского университета, где тогда директорствовал З. Бжезинский. В 1975 году соответствующее исследование — громадный том почти в 500 страниц очень убористой печати — «Диссидентство в СССР: политика, идеология и народ» [33] увидело свет. К моменту выхода книги это учреждение уже носило иное название: Исследовательский институт по изучению изменений в мире, но директором его был по-прежнему Бжезинский, которому в предисловии редактор труда проф. Р. Токес адресовал теплые слова благо-

* Следующий, 9-й раздел главы принадлежит целиком перу А. Трайнина.

дарности за руководящие указания и прочее. Токес особо оговорил, что его ударная идеологическая бригада — 13 авторов — договорилась закончить изложение февралем 1974 года, который, по их мнению, является «важной вехой в истории современного диссидентства в Советском Союзе» (с. 10).

Токес уточнил, что под «диссидентами» в СССР авторы понимают всех, кто является противником Великого Октября 1917 года, давшего жизнь Советскому государству (с. 11). Токес и К° попытались оценить силы диссидентов в Советском Союзе. Не в интересах любомудрия, а по причине очень практического свойства — разобраться наконец, в какой мере достоверны сведения о широкой поддержке в Советском Союзе, скажем, Солженицына. В общем, представилось настоятельно необходимым, хотя бы для исчисления ассигнований на подрывную работу, выяснить пропагандистскую эффективность «диссидентства». Когда такая калькуляция была сделана, результаты оказались удручающими. Рефреном через всю книгу звучит формулировка: «Диссиденты, может быть, естественный продукт советской истории за пятьдесят лет с лишним, но столь же естествен их провал возбудить хоть какое-нибудь понимание среди масс» (с. 155). Американские аналитики очень обиделись на диссидентов, каковые, что прояснилось в полной мере при ближайшем рассмотрении, действительно оказались жалкой кучкой отщепенцев. Выяснилось, что различного рода заверения, которыми они пичкали западные спецслужбы, говоря их же языком, не что иное, как «туфта». С болью в сердце пришлось констатировать: «Совершенно очевидно, что осторожный оптимизм, который все еще был среди некоторых советских диссидентов и иностранных наблюдателей в 1970 году, в 1974 году уступил место глубокому пессимизму» (с. 91). Беда, да и только, — оказывается, у народной власти нет противников в народе. Что, впрочем, было всегда очевидно, и для этого не нужно было бы затевать дорогостоящее исследование.

Неоднократно посещавший СССР публицист Д. Фейфер, который не мог найти лучшего применения своему времени, как болтаться по диссидентским норам (именно норам, ибо, по его свидетельству, признак инакомыслящего — ужасающая грязь в квартире), четко указал на тех, кто раздул значение группки отщепенцев в глазах Запада. Вот он со «своими людьми» появляется в некой квартире в Москве.

«Пробравшись через завешенную одеждой переднюю, мы попадаем в прокуренную спальню, похожую на сотни других, в которых обитает небольшой кружок «ловкой» молодой интеллигенции. Обставленная дешевой мебелью комната загромождена иконами, старыми картинами, поломанными произведениями искусства времен царизма, все это навалено и заткнуто кое-как между столами, стульями, диванами, а стены оклеены дрянными обоями. Довольно много книг — в шкафах и неопрятными стопками на полу в окружении пустых бутылок и немытых тарелок. В основном это пожелтевшие дореволюционные издания и западная литература, которая не издается в России. Еще два наших друга безмятежно восседали в этом гостеприимном беспорядке — художник чеховского вида с бородкой, лысеющий врач в английском твидовом пиджаке и с американскими сигаретами. В кухне, как мы знали, двое молодых аспирантов занимались любовью... Мы курили под прелюдии Баха, танцевали под западную поп-музыку, допили остатки виски, водки и коньяк» (с. 418—419).

Разговоры велись очень приятные для Фейфера — один из пьянчуг хотел «расстрелять из пулемета» Советское правительство (с. 419). Надо думать, что те двое «аспирантов», разгорячившиеся на кухне, весьма оживили беседу. Таковы диссиденты в жизни по наблюдениям безусловно враждебного к коммунизму западного публициста. Но, пожалуй, кается Фейфер, эта дрянь и была единственной надеждой Запада на «изменение» советского строя изнутри.

Механизм возведения ее на пьедестал очень прост. Конечно, подчеркивает Фейфер, диссиденты «живут не в соответствии с реальностями жизни, а по своим представлениям о них. Они третируют собственный народ как страшно отсталый... Наши эксперты по советским делам, которые занимаются почти целиком диссидентами, иногда пишут о них совершенно нереалистически... Я знаю ряд западных деятелей, которые, хотя и сомневаются в добропорядочности некоторых диссидентов, тем не менее воздерживаются от того, чтобы написать об этом... Даже западные корреспонденты в Москве не считают нужным сообщать о немыслимом: ряд прославленных диссидентов — весьма порочные люди и далеко не заслуживают уважения... Не нужно предполагать, как делают многие, что диссидентство само по себе превращает человека в персону безупречно добродетельную. Чтобы избежать горького разочарования, нуж-

но прежде всего не питать иллюзий на этот счет» (с. 426—429).

Но хватит о личных качествах диссидентов, описанных одним из тех, перед кем они открывали душу и пускались в откровенные излияния. Как видим, Фейфер не испытал к ним ничего помимо брезгливости. А как насчет их веса в борьбе против Советской власти? Вердикт Токеса категоричен: «Даже при наличии воли к власти, а только у считанных диссидентов наблюдается такая решимость, полное отсутствие поддержки не дает возможности считать их революционерами в практическом смысле слова. Революции требуют не только воли и поддержки, но и руководства, которое в сочетании с диссидентскими массами может дать возможность бросить вызов властям с какими-то надеждами на успех. За исключением катастроф вроде термоядерной войны создание такого рода революционного антиправительственного союза в СССР в обозримом будущем практически исключено» (с. 18).

Вот и славно, успокоили нас, а то без заокеанских господ мы и не знали, что крепка Советская власть. А всерьез говоря: упомянутая книга должна была бы убедить любого, что не делом занимаются на Западе, когда поднимают на щит диссидентов. Бесперспективная это затея. Вывод этот доказан масштабным «научным» исследованием — просмотрены и проанализированы все деяния диссидентов, вся их продукция — от солженицынского многотомного графоманства до надписей на стенах общественных туалетов. Тут бы и поставить точку. Ан нет. Не для того усердствовали ученые мужи, чтобы, как говорится, закрыть проблему, а для того, чтобы, описав бесперспективность прежних путей, найти новый путь борьбы против Советского Союза, подрыва его изнутри.

Заокеанские теоретики антикоммунизма усмотрели все беды в том, что у отщепенцев в достатке рассуждений «против», но нет ничего «за», то есть нет позитивной программы. Тут мы и подошли к главному — на сцене появился пресловутый вопрос о «правах человека». Вероятно, те, кто вскоре стал бормотать о «правах человека», прежде и не слышали таких слов, но им быстро растолковали, что к чему. Ведь сам термин — борец за права человека — послужит «средством самовыражения» (с. 98), а «движение за права человека — подлинная политическая оппозиция» (с. 114). Главное — будет много легче организовать поддержку с Запада, не будет повторяться такое положение,

когда, например, генеральный секретарь ООН У Тан отказывался рассматривать различные обращения к нему, ссылаясь на то, что писаки никого не представляют (с. 112).

Когда инакомыслящие в СССР вооружатся лозунгом «прав человека», тогда многое упростится. Тот же яростный критик диссидентов Фейфер восклицает: «Мы все за диссидентов... Чтобы помочь их делу, езжайте в Россию, если это возможно, и выясните, какую услугу вы можете оказать им там, или подыщите себе какую-нибудь роль для оказания помощи на Западе» (с. 430). Правда, он тут же предупреждает: «Трудно ожидать, что диссиденты после того, что они прошли, окажутся святыми» (с. 429). Иными словами, как бы ни перековывались эти люди в «правозащитников», они останутся дрянью. Но другого человеческого материала для Запада в СССР нет. Как ни прискорбно, будем работать с ним. Такая была выработана стратегия. Оставалось претворить ее в жизнь, подыскав потребных исполнителей в пределах советских границ.

История нашей страны выявила закономерность: любой выступающий против Советской власти неизбежно ищет помощи у врагов коммунизма по ту сторону советских рубежей. Это понятно — в народном государстве, созданном народом и для народа, они не могут найти себе опоры. Так было в первые годы существования нашей страны, когда выступавшие против Советской власти звали на помощь армии интервентов. Так было и позже. Чем кончились вооруженные нашествия, хорошо известно, и при нынешнем соотношении сил в мире империализм не рвется в лоб повторять горькие уроки.

История указывает нам и на другую закономерность: идеям Великого Октября, на которых зиждется Советское государство, наши враги пытались противопоставить некие «демократические» лозунги, куда неизменно входили «права человека». Риторика по поводу «прав человека» была нужна противникам Советской власти лишь для того, чтобы попытаться размыть массовую основу поддержки большевиков. Ту же роль играют нынешние разглагольствования диссидентов. Самое поразительное, что в защиту их выступают Солженицын, квалифицированный даже западными идеологами как сторонник авторитаризма, и Сахаров, носящийся с идеями технократии. Любопытно и другое — Солженицын и некоторые другие пресловутые отщепенцы оказались не в состоянии (или не захотели?) решительно порвать, скажем, с семейными традициями. Они выход-

цы из очень состоятельных до революции семей буржуазного пошиба. Солженицын в своих книгах шумно оплакивает утрату родителями прав на крупное состояние. Нет никаких сомнений, что все они духовно приняли эстафету от тех, кто в 1917 году цеплялся за свою собственность, стоял на пути революции. Понятно, что их помыслы и желания близки и понятны тем, кто стоит у власти в мире капитала.

Вручая жезл руководителя «борцов за права человека» Орлову, на долю которого выпало проведение очередной антисоветской акции западных спецслужб, дирижеры ее были вполне уверены в его благонадежности. Верительной грамотой для западных спецслужб явилась статейка, сочиненная Орловым в декабре 1975 года и распространенная по нелегальным каналам. Стоило ознакомиться с ней в штаб-квартирах спецслужб, как события стали развиваться автоматически — в мае 1976 года Орлов с несколькими своими единомышленниками объявил, что они будут информировать Запад о положении с «правами человека» в Советском Союзе. Собственно, «группы» как таковой никогда не было, а ссылались на нее, дабы придать больший вес индивидуальным или коллективным выступлениям ряда лиц, носивших резко антисоветский характер.

Наша эпоха — период поступательного развития социализма. Это объективная реальность. Миллионы людей видят будущее мира в социализме. Ветер перемен веет над планетой, что, конечно, не устраивает господ капиталистов и г-на Орлова вместе с ними. По поводу генерального направления общественного прогресса он изрек: «Слишком многим в мире кажется, что единственной альтернативой частной собственности должна быть собственность «общегосударственная»... Желание перемен, особенно перемен в социалистическом направлении, является буквально болезнью эпохи. Конечно, это желание часто опирается на справедливые эмоции в отношении капиталистической эксплуатации и эгоизма богатых классов. Но кроме эмоций, оно также опирается на общую ложную идею, что люди могут разрешить все свои проблемы с помощью социальных преобразований, и на еще более ложный миф «научного социализма»... Западная демократия, если она не укрепится высоким нравственным потенциалом и более ясным пониманием своих целей, не сможет эффективно противостоять натиску тоталитарного социализма». Вот и высказался!

Не очень, конечно, грамотно, определения страдают, но смысл предельно ясен — господа буржуа, к оружию, на бастионы! Грудью отстоим свои денежные мешки!! Вспомните царскую Россию, в которой «в результате эгоизма, негибкости и недальновидности правящей верхушки социальное развитие задерживалось в течение слишком длительного времени, так что проводившиеся после 1905 года реформы уже не ослабляли, а развязывали накопившиеся силы ненависти». Орлов бросился спасать капитализм такими методами и действиями, которые прямо привели его на скамью подсудимых.

На Запад полетели клеветнические материалы, изготовленные Орловым и его соучастниками. Для большего впечатления на первой странице каждого пасквиля красовался исполненный типографским способом гриф «группы». Походя заметим — эти самые «правозащитники», декларировавшие свое горячее желание содействовать выполнению хельсинкских соглашений, упустили из виду «мелочь»: соглашения эти направлены на укрепление мира и международного сотрудничества, а они злоумышленно занялись прямо противоположной деятельностью, пытаясь подложить идеологические взрывные устройства под политику разрядки.

На предварительном и судебном следствии было тщательно изучено содержание клеветнических листовок, которые, по предварительному сговору с западными спецслужбами, передавались средствам массовой информации и разносились по всему миру. Были проведены экспертизы, допрошены десятки и десятки свидетелей и доказано: все без исключения «документы» являются клеветническими измышлениями, направленными на подрыв советского общественного и государственного строя, срыв усилий Советской страны, направленных на развитие международного сотрудничества.

Рабочими инструментами Орлова при сочинении этих пасквилей зачастую были палец и потолок. Однако для масштабной кампании в защиту «прав человека», затеянной западными спецслужбами, нужны были более крупные ресурсы, в том числе материальные. Нужен был квазилегальный канал для двустороннего движения — денежные средства с Запада и надлежащая «информация» из СССР, которую можно было бы использовать в клеветнических целях. Эти пожелания спецслужб, как в фокусе, сошлись в одном человеке, давно им известном, — Гинзбурге. Итак,

к «теоретику» Орлову был подключен «практик» Гинзбург, который также заявил о своей озабоченности обеспечением «прав человека» в Советском Союзе. Так кто же он?

Его верительные грамоты, хотя совершенно иного свойства, чем у Орлова, были безупречными для руководителей западных спецслужб. Гинзбург уже зарекомендовал себя в «борьбе за права человека», правда, в куда более скромных масштабах и в местах более отдаленных...

Как вспоминали отбывавшие с ним наказание в 1968—1972 годах, он прибыл в колонию с большой помпой — лоботряс и тунеядец представился поэтом, писателем и публицистом, лауреатом какой-то итальянской премии и внуком «барона Гинзбурга». О том, что у него нет никакого образования выше школьного, «потомок барона» скромно умолчал.

Гинзбург, или Алик, как звали его в колонии, действительно был очень приметной фигурой: зарубежные хозяева не оставили его, забросав посылками и деньгами, что позволило ему окружить себя друзьями. «А многочисленное общество таких друзей Алика, — говорил свидетель И., отбывавший наказание вместе с Гинзбургом в ИТК, — было разнообразным и, мягко говоря, смешанным. В его состав, например, входили бывшие нацистские полицаи, дремучие бандеровцы и не менее дремучие литовские националисты... и, наконец, просто «симпатичные» уголовники. Всех их Гинзбург подкармливал. Не даром, конечно. Друзья должны были помогать делать «общее дело»: снимать копии «наиболее интересных» приговоров осужденных, писать черновики статей, которые Алик потом отредактирует и определит их дальнейшее назначение, составлять тексты коллективных «заявлений-протестов» в адрес различных советских и юридических органов и отдельных общественных деятелей, указанные заявления затем будут направлены в закрытых конвертах в Прокуратуру СССР, а копии с них «тайными каналами» уйдут за рубеж и появятся в западной печати».

Когда в 1973 году Гинзбург оказался на свободе, он решил воспроизвести арестантскую практику куда в больших масштабах, благо установил обширные связи в уголовном мире. В апреле 1974 года западные «радиоголоса» объявили, что инакомыслящие в СССР отныне имеют своего радетеля: поселившийся в Тарусе в Калужской области Гинзбург принял на себя распоряжение «фондом Солжени-

цына», цель которого — оказание помощи тем, кто-де преследуется в СССР по «политическим» мотивам. Был указан и адрес благодетеля — дом по Лесной улице в Тарусе, купленный на средства из темных источников. Ибо честных заработков Гинзбурга за всю жизнь не хватило бы на приобретение больше одной пары штанов. По «авторитетному» заявлению Гинзбурга иностранным корреспондентам 2 февраля 1977 года, на указанную помощь за два года онде истратил эквивалент в 360 тысяч долларов!

На предварительном следствии и в суде, естественно, поинтересовались, куда Гинзбург употребил столь солидную сумму. Борец за «права человека» гордо отмалчивался. Пришлось следствию провести кропотливое изучение его клиентов. Идеалистов, думающих о лучшем устройстве жизни на нашей планете, среди них не оказалось, деньги получали уголовники или лица, совершившие особо тяжкие государственные преступления. Оно и понятно, как признал свидетель Ф., облагодетельствованный из «фонда» на 900 рублей, Гинзбург достаточно четко определил, кто может рассчитывать на его благосклонность: «Категорически предусматривалось, что правом пользоваться фондом могут только лица, осужденные за проведение антисоветской агитации и пропаганды, а также измену Родине в форме заговора с целью захвата власти, которые не осудили своей деятельности за время пребывания в заключении».

Перед следствием прошла вереница лиц, этих самых, по утверждению западной пропаганды, борцов за «права человека», которым «филантроп» Гинзбург оказывал помощь. Вот некий К., 1956 года рождения. Рецидивист — сначала обворовал буфет рабочей столовой, затем занялся антисоветской агитацией и пропагандой. Образование 7 классов, сочинил «Письмо Его Императорскому Высочеству», но не переслал, так и не установив, где пребывает «монарх». Вместо царя пожаловался на Советскую власть Гинзбургу (правда, из колонии писал сенатору Джексону, прося пустить в США). Вот небольшой отрывок из его показаний: «На основании моих высказываний Гинзбургу было ясно, что я намерен и впредь не прекращать своей борьбы против существующего в СССР строя. (За что из «фонда» он получил около 1000 рублей. — *Авт.*) В свою очередь, в результате беседы с Гинзбургом у меня сложилось твердое мнение о нем как убежденном противнике Советской власти, способном в своей борьбе пойти на любые, в том числе и крайние, меры».

Эта преступная работа Гинзбурга и заставила изолировать его от общества. Он не только сам занимался распространением клеветнических слухов об СССР, черпая надлежащую «информацию» в уголовном мире, в котором он жил, но и занимался прямым подстрекательством к совершению особо тяжких преступлений. Он не брезговал ничем. М., по профессии шофер, был осужден за вывоз с завода краденых телевизоров, а затем за другое преступление: под видом сотрудника компетентных органов провел «обыск» у вдовы гинеколога и обокрал ее. С неким смущением М. обратился к Гинзбургу. Сам он об этом говорит так: «Зная уже, что Александр Ильич по национальности еврей, я предупредил его об имеющихся в моем уголовном деле некоторых «антисемитских моментах», имея в виду «обыск» у старухи еврейки и разделение мною некоторых концепций фашистской идеологии, о чем речь шла в моем уголовном деле. Улыбнувшись, Гинзбург заявил, что эти «моменты» его мало волнуют». И выдал просителю примерно 1200 рублей. М. объяснил следствию: деньги выдавались тем, кто, «находясь в местах лишения свободы и после их освобождения, не сотрудничал с администрацией и не изменил своих прежних принципиальных убеждений, сложившихся у них к моменту привлечения их к уголовной ответственности».

От Гинзбурга и его сообщников небольшие переводы пошли и в места заключения. Убийцы и бандиты с удивлением вертели в руках переводы. Откуда? С., отбывающий наказание, показал: «Многих осужденных в нашей колонии несколько удивил тот факт, что некоторые из тех, кто получил эти денежные переводы, имели, мягко говоря, весьма отдаленное отношение к «политическому инакомыслию», но зато прямое отношение к убийствам. Получивший фондовские деньги Х. был осужден как военный преступник, другой — Т. как террорист: одного солдата убил, другого ранил». И т. д. и т. п.

Таков подлинный облик воздыхателя по «правам человека», предстающий со страниц следственного дела.

В ходе следствия было установлено и другое — покрупному надул Гинзбург спецслужбы и Солженицына, доверивших ему деньги на ведение подрывной работы. Большая часть той суммы в 360 тысяч долларов, несомненно, осела в карманах «благодетеля», чей широкий образ жизни в бытность распорядителя «фонда» вызывал удивление у знающих его. Кстати, как и подобает уголовнику, он

не испытывал большой привязанности к тому, от имени кого шли деньги на подрывную работу. Он отозвался о Солженицыне: «Конечно, он не великий в России, но из всех современных посредственностей он, несомненно, первый».

Он-то, Гинзбург, претендовал на первую роль. Как рассказывал свидетель X., знавший его по Тарусе: стоило западным «радиоголосам» объявить об участии Гинзбурга в кампании в защиту «прав человека», «даже внешне была заметна радость по поводу оценки Западом его деятельности, он не преминул заметить, что все это придает солидный «вес» его личности как у нас в стране, так и за рубежом, сказав: «Что бы теперь со мной ни случилось, во всем обвинят КГБ».

Другой житель Тарусы — Г., который провел немало времени в беседах с Гинзбургом, рассказывал, что собеседник неоднократно возвращался к вопросу о тактике, подчеркивая: «Протестовать надо всегда и непременно с шумом». Он хлопотал и разглагольствовал о «необходимости написания различных протестов, поднятия «новой волны шума в «самиздате», которые, по его мнению, позволят создать необходимый политический резонанс». С какой целью?

Гинзбург, продолжает Г., «и сам не скрывал от меня, что их поддерживает немногочисленная группа лиц из числа интеллигенции, поэтому только на Запад они возлагают свои надежды и обращаются с призывами о помощи. По его словам, делалось это с единственной целью — оказания политического и особенно экономического давления на Советский Союз со стороны развитых капиталистических стран. Организованный экономический нажим со стороны западных стран заставит правительство СССР пойти на либерализацию (термин Гинзбурга. — *Авт.*) существующей власти, что выгодно как диссидентам в стране, так и руководству капиталистических государств» [40].

10

Ну конечно, Запад не оставил попечением свою агентуру. Описанная преступная деятельность «правозащитников», естественно, преподносится как дело чуть ли не стерильной чистоты. Во всяком случае никак не связанная с ЦРУ. Это не только пропагандистская, но и служебная версия, к которой прибегают некоторые из тех, кто пойман с поличным. Версия эта смехотворна, она неизменно вызы-

вала смех в зале, например, во время открытого процесса над привлеченными за антигосударственную деятельность Руденко и Тихим в Дружковке в 1977 году.

Суд с большим изумлением выслушал подсудимого Руденко, который утверждал, что ЦРУ будто бы не имеет никакого отношения, скажем, к радиостанции «Свобода», передававшей антисоветские, клеветнические пасквили подсудимого. Председательствовавший с мягким украинским юмором все же поинтересовался — почему Руденко не читает прессы, ведь об этом немало писалось в советских газетах. Ощетинившийся подсудимый осведомился: зачем это говорится, для протокола? «Нет, вам», — пожал плечами председательствующий. «Ну если бы для протокола, то я бы заявил протест», — огрызнулся подсудимый. Гомерический хохот в зале...

Рецидивист Гинзбург во время открытого суда над ним в 1978 году в Калуге со своей точки зрения оказался куда более опытным, чем Руденко, слепо следовавший «легенде» ЦРУ. Государственный обвинитель указал, что поскольку подсудимый Гинзбург в ходе предварительного следствия все же способствовал раскрытию подрывной работы ЦРУ, то он заслуживает некоторого снисхождения. Поэтому вместо максимальной санкции по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР можно ограничиться 8 годами заключения. В последнем слове перед вынесением приговора Гинзбург принял это как должное и не протестовал. Он, вероятно, не хотел перед лицом тяжких улик оказаться в нелепом и смешном положении, в каком был, скажем, Руденко во время процесса в Дружковке. Так сказать, проявил «гибкость», не отрицал, что его преступной деятельностью по большому счету руководили из ЦРУ. Суд удовлетворил требование прокурора.

Так очень прозаически оборачиваются в залах судов инструкции ЦРУ, та самая доктрина «правдоподобного отрицания», разработанная за океаном в тиши и безопасности кабинетов экспертами по ведению «психологической войны». Иное дело в западной пропаганде, по-прежнему утверждающей, что законные меры в СССР по пресечению преступной работы являются «зловещими». К сожалению, эту точку зрения в США поддерживают не только штатные пропагандисты, но и лица, причисляющие себя к «ученым». Вероятно, чтобы произвести большее впечатление на обывателя, ибо такого рода люди обычно щеголяют своей интеллектуальной «независимостью». Уже упоминавшийся американский историк из Принстонского университета

С. Коен в цитированном сборнике «Здравый смысл в американо-советских отношениях» считает в ладах с этим смыслом утверждать: «Самое зловещее в недавней советской реакции (на преступления Гинзбурга и иных. — *Н. Я.*)... официальная советская кампания, связывающая диссидентов и потенциально любого реформатора с действиями американского правительства и особенно ЦРУ. Несостоятельность этого обвинения можно сравнить только с мрачным возрождением самого худшего сталинистского прошлого».

Написал это г-н Коен и, несомненно, возрадовался — свободно мыслящий американский интеллигент из почтенного университета излил переполнявшее его душу. Писал то ведь не в какой-нибудь антисоветский листок, а в сборник, составленный из статей уважаемых ученых. Во введении к нему бывший сенатор Д. Фулбрайт предупредил: «Статьи в этой книге написаны... не экстремистами. Авторы — эксперты и выдающиеся знатоки американо-советских отношений. Их громадный опыт в этом отношении, отразившийся в статьях, дает понимание проблемы, перспективы и обнаруживает здравый смысл... Они заслуживают внимания самой широкой аудитории как в США, так и в СССР» [41]. Подписано — апрель 1978 года.

В том же апреле, точнее, 12 апреля 1978 года, Исполком НТС выступил с заявлением по поводу осуждения в Ленинграде за измену Родине некоего Лубмана. Вся вина этого человека, объявил НТС, заключается в том, что онде написал книгу об экономических проблемах и попросил итальянскую славистку Габриелли «вывезти его труд для издания за границей... НТС обращает внимание на то, что власть снова возвращается к методам, излюбленным ею в сталинские годы, когда в «шпионы» записывали всех... НТС идет в СССР не с пистолетом и микрофоном, фотокамерой, а с книгой, брошюрой, журналом». Поразительное совпадение как мыслей, так и времени выступления г-на Коена и диверсантов НТС, служащих в ЦРУ.

Мы далеки от того, чтобы обвинять в злоумышленных замыслах Коена, но все же нужно знать, о чем пишешь, когда садишься за пишущую машинку. А дело состоит в том, что Лубман был связан с НТС. Габриелли — связная организации, у нее действительно была изъята рукопись Лубмана на 248 листах при таможенном досмотре в Шереметьеве. Предприимчивую даму отпустили, а автора привлекли к уголовной ответственности по той причине, что

писал он не об «экономических проблемах». Пухлый труд носил впечатляющий заголовок «Экспромт для ведомства г-на Тэрнера, ЦРУ». Лубман, уже оказавший кой-какие услуги западным спецслужбам, теперь уведомлял директора ЦРУ Тэрнера, которому набивался в сердечные друзья: «я не хотел бы сидеть сложа руки», ибо США должны поторопиться уничтожить СССР «с использованием любых доступных цивилизации средств».

По не зависящим от автора обстоятельствам обращение рассмотрел не адресат — адмирал С. Тэрнер, а Прокуратура Ленинграда, сжато отрецензировав труд Лубмана в обвинительном заключении по его делу: «Направил в ЦРУ США изготовленные им в 1976—1977 гг. документы, в которых сообщил сведения, составляющие военную тайну, высказал рекомендации по активизации подрывной работы против СССР путем проведения шпионажа, террора, диверсий и радиопропаганды». Для чего и потребовалось 248 листов! Плод раздумий Лубмана подшили к уголовному делу в качестве вещественного доказательства, а автора ленинградский городской суд осудил по пункту «а» ст. 64 УК РСФСР и отправил додумывать в исправительно-трудовую колонию, предоставив ему на благое дело вполне достаточный срок. Может, одумается?

Так на практике выглядят «правозащитники», таков их конец, когда они таскают каштаны из огня в интересах «психологической войны» ЦРУ против Советского Союза. И все же и все же: насколько искренни те в США, кто берет под свою защиту пресловутых «правозащитников» в СССР? Что они, эти радетели, говорят от души или по крайней мере не ведают, что творят?

В очередном выпуске трудов Американской академии политических наук собран ряд статей о современном положении в мире. Сборник этот был издан в 1978 году отдельной книгой под заголовком «Советская угроза: миф или реальность», разумеется, для специалистов. Директор отдела исследования СССР центра по изучению стратегических и международных вопросов Джорджтаунского университета Д. Симс в основном в служебных целях указал на громадный разрыв между деяниями выступающих против советского строя и представлением, создаваемым о них на Западе. В качестве самого яркого примера он привел подрывную работу Орлова и его сообщников.

«Американские средства массовой информации, — пишет он, — придерживаются мнения, что группа была созда-

на для наблюдения за соблюдением Советским Союзом условий Заключительного акта, принятого в Хельсинки, и ее члены подверглись несправедливому преследованию за законную деятельность. Факты, однако, несколько иные. Во-первых, члены группы почти целиком вышли из рядов диссидентов. Во-вторых, группа не проявила решительно никакого интереса к наблюдению за соблюдением положений первой и второй «корзин», касающихся безопасности и экономических вопросов, в чем особенно заинтересовано Советское правительство. Как и подобает диссидентам, ее члены занялись только третьей «корзиной». В-третьих, ряд заявлений группы показывает — ее цель отнюдь не только в том, чтобы содействовать выполнению Заключительного акта, а в том, чтобы дискредитировать за рубежом советский режим. Больше того, тон заявлений документов группы был в ряде случаев полемическим и враждебным к власти...

Отнюдь не небесполезно спросить, как бы реагировало большинство американцев, если бы в США объявилась группа диссидентов, притворяющихся, что заняты-де наблюдением за соблюдением Заключительного акта, а ограничили свою деятельность только нарушениями прав человека в США, взяв на вооружение в качестве основного метода работы обращение к иностранным правительствам, включая недружественные... Члены такой группы встретились бы с крайней враждебностью в США. Некоторые из них стали бы объектом тщательного расследования со стороны ФБР и столкнулись бы с трудностями, если бы попытались поступить в государственные учреждения...

Итак, в действительности группу наблюдения за соблюдением хельсинкских соглашений в СССР привлекли к ответственности отнюдь не за эту деятельность. Учитывая состав группы и характер ее заявлений, следует указать — ее цели были много шире. На деле группа стремилась подорвать позиции СССР на международной арене... Диссиденты бросили вызов коренным устоям советского строя»[42].

Вот это правильно и сказано по делу. Сказано, однако, в своем кругу, а не для массовой аудитории.

11

С приходом к власти администрации Картера американские спецслужбы подверглись реорганизации, некоторые нововведения обнародованы в исполнительном приказе пре-

зидента № 12036 от 24 января 1978 года. Хотя они сопровождались оглушительной риторикой насчет необходимости соблюдения «законности» и прочего, на деле реорганизация свелась к повышению эффективности работы ЦРУ и других ведомств разведывательного и контрразведывательного сообщества. Исполнительный приказ подтвердил решение Картера вскоре после прихода к власти: количество доверенных сотрудников Белого дома, имеющих доступ к информации о тайных операциях ЦРУ, сокращено до пяти человек вместо нескольких десятков.

Специальный комитет координации под председательством З. Бжезинского, созданный в рамках СНБ, заменил предшественника «Комитета 40». В функции этого комитета входит руководство подрывной работой ЦРУ, кроме того, комитет осуществляет наблюдение за контрразведывательной работой не только ЦРУ, но и ФБР. Это непосредственная политическая инстанция, которой подчинено ЦРУ [43]. В своем официальном качестве директора ЦРУ Тэрнер отныне контролирует бюджет многих разведывательных органов — разведки армии, авиации, флота, разведки министерства финансов, разведки управления по контролю над наркотиками, АНБ, разведки министерства обороны, соответствующих подразделений министерства энергетики, контрразведки ФБР. При реорганизации американских спецслужб с надлежащими криками и мелкими скандалами было проведено некоторое сокращение штатов, однако это отнюдь не означает умаления значения основного направления деятельности ЦРУ — подрывной работы.

В книге под редакцией Ф. Эйджи и Л. Вольфа обоснованно констатируется: «Те, кто интерпретировали чистку, проведенную Тэрнером, как отражение меньшей роли подрывной работы, объявили о «конце эры» секретных агентов. Однако эпитафии преждевременны. Не кто другой, как Тэрнер, указал: «Мы никоим образом не отказались от подрывных действий... они продолжаются... ревностно стою за то, чтобы мы сохранили способность обратиться к политическим действиям в случае необходимости и при получении надлежащей санкции». Агентурная разведка «остается безусловно необходимой стрелой в нашем колчане» [44]. Ввиду удесятеренной при Тэрнере секретности сколько-нибудь достоверных данных об этой работе, естественно, нет.

Пытаясь предъявить миру «новый облик» ЦРУ, руко-

водство ведомства усилило рекламу его «научных» достижеиий, которые немедленно становятся достоянием средств массовой информации. Дело, однако, идет о том, что под маркой академической «науки» ЦРУ выступает иициатором провокациоиных кампаний. Тэриер буквально не иаходит слов, чтобы восхвалить усилия ЦРУ именно в этой области. На рубеже 1977—1978 годов он расхвастался: «Я безмерно горд, что мы содействовали в последние девять месяцев публичному обсуждению важнейших проблем. Просмотрите, например, сегодняшние газеты. В них большие статьи по поводу проблем добычи нефти в СССР. Мы дали толчок этому обсуждеиию в апреле 1977 г., предав гласности исследование о советской иефти» [45]. Действительно, ЦРУ в последнее время все чаще публикует «исследования» по самым различным вопросам, пытаясь обработать американское и мировое общественное мнение в угодном Вашингтону духе.

Руководители ЦРУ настаивают, что оии-де опираются иа миеиие учеиых, которые буквально рвутся работать в ведомстве. Подчеркивается, что, например, в 1976 году на 1100 вакансий, открытых в ЦРУ, поступило 37 тысяч заявлений. Один из представителей ЦРУ по связям с прессой, Д. Беренд, заявил: «В любой отрасли зиаиия у нас работает достаточно докторов наук, чтобы укомплектовать профессорским составом университет. Для занятия поста в ряде подразделеиий требуется, по крайней мере, степень каидндата иаук» [46]. Очеиь может быть. Современное ЦРУ в этом отиошении не только до точки верно традициям, сложившимся в РА ОСС, но и развило их. Конечио, прискорбно, что немало американских ученых, разглагольствующих об академической «свободе» иа разного рода форумах, в том числе на международных, в условиях американской «демократии», проституируют науку на службе ЦРУ. Едва ли нужно объяснять, что охраиа указанной «свободы» иикак не входнт в число забот ЦРУ. И если говорить о нововведеииях Тэриера, то одио из самых ощутимых — цииичное восхваление союза науки и шпиоиажа иа страже интересов монополистического капитала.

Правда, налицо моральный парадокс — сочинители аиоиимных «исследований», которыми гордится ЦРУ, чтото не рвутся назвать себя. По более чем понятным причинам эти ученые не торопятся увенчать себя публично лавровыми венками, хотя предоставляют на всеобщее обозрение свои аиоиимные «исследования» в духе «психологиче-

ской войны». Можно высказать достаточно обоснованное и взвешенное суждение — среди красующихся в тоге ревнителей защитников «свободы науки», кокетничающих с «правами человека» и многим другим, немало лиц, работающих в ЦРУ и для ЦРУ. Они напоказ ставят подписи под антисоветскими пасквилями, но не торопятся сообщить, что те же подписи украшают секретные выплатные ведомости ЦРУ. Эти самые рыцари пресловутой «академической свободы», а на деле наемники спецслужб в самые последние годы сложили, например, «научный» фундамент мифа о советской военной «угрозе», которым вашингтонские экстремисты пытаются оправдать безудержную гонку вооружения.

Ныне в ряде американских работ, чернящих нашу страну, ход рассуждений предельно стандартизирован. В качестве исходной посылки кладется дежурный «научный вывод» ЦРУ, зацепившись за который очередной клеветник вытягивает цепь надлежащих умозаключений. Примеров тому великое множество. Взять того же корреспондента «Вашингтон пост» Р. Кайзера. Он провел в СССР около трех лет, срок куда более чем достаточный, чтобы увидеть советскую жизнь собственными глазами. Да и не сидел он сложа руки, а был куда как «любознателен» во всех отношениях. То, что юркий Кайзер подбирает из грязи билеты, «брошенные в разочаровании на землю болельщиком, когда объявили о результатах бегов», и аккуратно пересчитывает, сколько проиграл некий человек, ладно. Пусть гаденькое любопытство любителя совать нос не в свои дела.

Но с Кайзером нужно вообще держать ухо востро. Если вы читаете документ, когда американец сидит напротив вас, помните — он цепко следит за строчками, которые сможет увидеть, о чем гордо сообщает, повествуя о своем посещении редакции журнала «Иностранная литература». Если же вы оставите Кайзера в кабинете, то, будьте уверены, он обшарит ваш стол. В самом деле, похваляется Кайзер, «во время моего пребывания в Москве почти каждый раз, когда я посещал того или иного советского журналиста в его кабинете, на столе обычно лежала пачка документов, отпечатанных на ротаторе. Она выглядела одинаково, будь то редакция «Правды», «Известий» или в редакциях других газет и журналов. Как-то работник, к которому я пришел, вынужден был на короткое время покинуть кабинет, и мне представилась возможность просмотреть эту пачку». Оказалось, обычные материалы ТАСС, но метод-то ознакомле-

ния каков — стоило хозяину кабинета на миг прикрыть за собой дверь! Или Кайзер на приеме в Кремле случайно оказывается вблизи группы беседующих между собой советских ответственных работников. Он немедленно «приближается, чтобы услышать», о чем говорят, но «увы, — сокрушается Кайзер... — говоривший не повторил» фразы[47]. Подсмотреть, подглядеть, подслушать! Короче говоря, он человек тертый. Коль скоро Кайзер безмерно гордится своими качествами и изобильно пишет о них, в этом, по всей вероятности, и состоит этика американской профессиональной журналистики.

Это по необходимости пространное отступление подводит к основному: описанный личный опыт Кайзера пустяки по сравнению с тем, что он черпает в «исследованиях ЦРУ о Советском Союзе. Для Кайзера они не меньше евангелия. Стоит ему завести разговор о серьезных материях, как немедленно появляется: «оценивая урожай в СССР, аналитики американской разведки...», директор ЦРУ У. Колби «указал в 1974 г. комитету конгресса, что Советский Союз...»[48]. Но вот главное, о чем мы, собственно, и ведем речь: «ЦРУ исходит из того, что советские и американские военные расходы примерно равны. В своих подсчетах ЦРУ отбрасывает советскую статистику, аналитики ЦРУ прикидывают, сколько бы стоили США по текущим американским ценам оружие и личный состав вооруженных сил, имеющиеся у Советского Союза... Мне представляется, что это разумный метод для сравнения военных расходов обоих государств»[49]. Конечно, для Кайзеров все исходящее от ЦРУ «разумно»!

Это и есть та пресловутая «наука» по рецептам ЦРУ, которая, в сущности, не больше чем провокация в попытках подорвать разрядку, вовлечь мир в новый виток гонки вооружений. Но названные ученые из ЦРУ с серьезным видом сравнимают несравнимое: уровень цен капиталистической экономики, которую лихорадит инфляция, с тем, во что обходится оборона плановому социалистическому народному хозяйству. Больше того, при этих, повторяем, провокационных подсчетах прибыли фабрикантов смерти, которые заложены в стоимость американского военного производства, приплюсовываются как будто реально существующее вооружение. В результате выводятся дутые фантастические цифры советских оборонных расходов, которыми запугивают американца.

В середине 1976 года ЦРУ выпустило исследование

«Оценка советскнх расходов на оборону в рублях в 1970—1975 гг.», СР 76-10121V». С совершенно иесвойственным ему смнреннем ЦРУ прнзнало, что ошибалось много лет в оценке советскнх расходов на оборону, Советскнй Союз-де тратил в два раза больше, чем прежде, счнталн эксперты ведомства. Сногсшибательное открытне шумно прнветствовалн в США те, кто ратует за ускореине гонкн вооружения. «Ястребы», собравшиеся в одиом нз своих гнезд — Национальном центре стратегической информацни, спецналнзнрующемся на распростраиении провокацноиных слухов о советской «угрозе», подхватилн выводы ЦРУ. Но даже они выразнлн нзумление по поводу уднвнтельной бухгалтернн ЦРУ. Как было сказано в 1978 году в публнкацнн этого центра:

«Удвоенне ЦРУ оценок советскнх расходов на оборону — шаг в правильном иаправлеиии. Но выдвиженне новых оценок поднимает серьезиые вопросы касательно последовательиостн н достоверности выводов.

Во-первых, пересмотренные оцеикн не соответствуют оценкам ЦРУ советского валового национальиого продукта в 1970 н 1973 гг. ЦРУ не публиковало данных о валовом советском иацноналыюм продукте за другне годы. Во-вторых, ЦРУ раньше указывало, что его пересчет соотношения курса рубля н доллара ие будет оказывать заметиого влияиия на оценки. Теперь ЦРУ удвоило свон оценки н отнесло 90% увелнчения за счет нзменеиия цеи. Зиачит, теперь все прнходнтся объяснять соответственным курсом валют, но нужно поднять вопрос, как н почему ЦРУ столь резко и быстро изменнло свою оцеику соотношення рубля и доллара на апрель — декабрь 1975 г. (не указывая в своих предварительиых подсчетах иа возможность таких резкнх измеиений) н в мае 1976 г. взяло и удвонло свои оценки»[50].

Но, как обычно, дело было сделано. Новые провокацнонные нзмышлеиня анонимных ученых нз ЦРУ оказалнсь как нельзя кстатн для очередной кампаннн о советской военной «угрозе». Последовали заявлення о том, что СССР готовнт-де «первый удар» н т. д. В предисловни к упомянутой публикацин Национального центра стратегнческой информацнн Е. Ростоу прокрнчал: «В иашем нынешнем положении потенциальной нли уже существую-

щей стратегической неполноценности нужна ударная программа бомбардировщиков, крылатых ракет, равным образом и более традиционных ракет наземного базирования и запускаемых с подводных лодок» и пр. и пр. Что до философии в этих делах, то Е. Ростоу настаивает: «Пассивность равносильна самоубийству... (если) мы и наши союзники не будем ничего делать для сдерживания... Мы должны вернуться к политике, начатой президентом Трумэном и государственным секретарем Ачесоном поколение назад, приспособив ее к опасностям и возможностям изменяющегося мира» [51]. Вот опять звучит знакомый язык директивы СНБ-68!

Многообразное сотрудничество американской академической общины с ЦРУ лишь пример, пусть из самых отталкивающих, обслуживания той наукой классовых интересов правящей элиты в США. Собственно, это логическое завершение достаточно долгого пути, пройденного так называемой «либеральной» политической мыслью в США после второй мировой войны. Но почему американская академическая община, в свое время кокетничавшая с левыми взглядами, а иной раз по крайней мере часть ее, принимавшая их всерьез, в наше время ревностно обслуживает органы американского государства, в том числе ЦРУ? И видит, как правило, в этом особую доблесть. Генеральное объяснение несложно — антикоммунизм. Но все же трудно представить, как примитивная идеология так способна овладеть мыслящими умами.

Приходится идти дальше в поисках объяснения, которые в прагматическом буржуазном обществе, созданном буржуазией для буржуазии, выводят к первоисточнику — деньгам. Англичанин Д. Ходжсон, размышлявший о том, как американские интеллектуалы в последние десятилетия равняли ряды под знаменами «истеблишмента», заметил:

> «Финансирование со стороны государственных органов и частных организаций достигло неслыханных размеров. Заработная плата и социальный статус профессоров резко росли... Для ученых, жены которых еще недавно печатали их диссертации на кухонных столах, было невыразимо приятно становиться директорами исследовательских институтов, генералами армий научных работников... Очень скоро социологи, политологи и даже историки были призваны на службу государством... Поощрялись лишь те исследования, которые исходили из постоянного

характера и первостепенной важности «холодной войны»... Если в первой половине пятидесятых годов интеллектуалам показывали кнут — существовал страх перед тем, что неугодные подвергнутся расследованию, то позднее их манили пряником — надеждой на то, что они будут советниками. Правительству не нужны были альтернативные предложения. Оно ждало предложений о решениях. Оно ожидало получить их от людей, сочетавших максимум знаний с минимумом диссидентства».

Среди государственных органов спецслужбы предложили ученым самые лучшие условия занятости не только в денежном отношении. Д. Ходжсон заключает:

«Государственная служба, особенно в ОСС, предшественника ЦРУ, гибкой организации, оказывавшей предпочтение выпускникам лучших университетов, привила целому поколению интеллектуалов и ученых неутолимую жажду власти и стремление послужить государству. «Ведь мы тогда были всего-навсего юнцами, — с нежностью припомнил один из таких, Карл Кайзен, впоследствии заместитель М. Банди в Белом доме, а ныне директор Института высших исследований в Принстоне. — Да, мы были юнцами, капитанами и майорами, а отдавали приказы всему миру». Когда они вернулись в свои юридические конторы и аудитории, то принесли с собой взгляды и связи, установившиеся в ОСС. Им предстояло снова встретиться — Джорджу Боллу, Дэвиду Брюсу, Аллену Даллесу, Артуру Гольдбергу, Джону Кеннету Гелбрейту, Артуру Шлезингеру, Уолтеру Ростоу, Полю Нитце и другим» [52].

Встретиться на высших государственных постах, в первую очередь в ЦРУ, где они выпестовали себе подобных, отличающихся ныне на описанном «научном» поприще. Поименно перечислить теперешних не представляется возможным, такова уж специфика работы ЦРУ. В рамках ведомства они, купленные на корню, не только материально обслуживают классовые интересы руководящих кругов Соединенных Штатов, а в свободное от основных занятий время, надо думать, не прочь порассуждать об академической «независимости» и прочих приятных для интеллектуала вещах. Впрочем, и рассуждения эти скорее всего входят в круг их служебных обязанностей. «Психологическая война» ведется различными методами.

Коль скоро речь идет об ученых, представителях выс-

шей нителлигенции на государственной службе, нельзя не сказать хотя бы несколько слов о моральной стороне дела. Они послушные рядовые «психологической войны». Они вооружили американский империализм новейшими достижениями извращенной науки — от сложных систем современного вооружения до разработки изуверских методов установления контроля над поведением человека. О последних стало известно как о программе «Мкультра» ЦРУ. Сокращение, означающее «Мозговой контроль» плюс «ультра», такое кодовое название носила в годы второй мировой войны служба дешифровки англо-американских спецслужб. «Сложите их, и вы получите величайшую тайну «холодной войны» — опыты в целях установления контроля над поведением людей», — указывают компетентные американские исследователи[53].

Моральная проблема ясна и нениова. Но западной интеллигенции хорошо известны мемуары гитлеровского министра вооружений А. Шпеера, выпущенные им после отбытия двадцатилетнего заключения по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге. За это время Шпеер сумел обдумать, как все это случилось, почему он, человек незаурядных дарований, отдал их на службу преступным целям. Он не пощадил себя, А. Шпеер, заявив: «Через двадцать пять лет... мне чужд тот молодой человек (Шпееру было 36 лет, когда в 1942 году он стал министром. — *Н. Я.*)... Я был тогда неизбежно морально отравлен, опасаясь увидеть любое, что могло отвратить меня с моей дороги, я закрывал глаза... Поэтому я и написал эту книгу не только о прошлом, но как предостережение на будущее»[54]. Предостережение о том, что, когда попирается мораль, катастрофа неизбежна.

Предостережение это, которое, впрочем, старо как мир, на Западе упало в пустоту. ЦРУ, в сущности, ведет ученых, сотрудничающих с ним, по тому же пути, который в свое время прошел Шпеер. И когда из густых колонн, следующих по маршруту позора, слышится по команде или поощрению колонновожатых — работников ЦРУ рык о «морали», что за зрелище!

ИТОГИ?

Соедниеиные Штаты ежегодно бросают на подрывную работу за рубежом гигаитскне суммы, точные размеры которых устаиовнть иевозможио — государственная тайна! Не впадая в преувеличенне, можно уверенно утверждать — несколько десятков мнллиардов долларов, львииая доля которых идет на цели, выполияемые в первую очередь ЦРУ, то есть иа борьбу протнв СССР *. Но вндимых результатов нет, наша страиа уверенно строит свою жнзнь, вызывает закониое уважеиие за рубежом. Никакне ухнщрения ЦРУ не могут остаиовить неуклониого поступательного двнжеиия к коммунизму. Что закоиомерио — грядет волиа будущего, на смену капиталистической формацни прнходит новое, самое справедливое во всей истории человечества общество.

Буржуазия, однако, не желает сдавать своих позицнй, больше того, пытается разгромнть снлы нового. В этом смысле ЦРУ — коицеитрнроваииое выражение решимости крупного капнтала добиться своего, иевзирая ии на какие жертвы и материальные нздержки. Тем более что в основном оии перекладываются на плечн народа. Ф. Эйджи, в прошлом кадровый работник ЦРУ, решнтельио порвавший с ведомством, когда увидел его грязную нзианку, в 1975 году подвел нтог своего капитальиого труда о ЦРУ

* Для общей ориеитировкн иебезынтересиые подсчеты компетентного исследователя Ф. Эйджи: «Комитет палаты представителей под председательством конгрессмена Отнса Пайка иашел, что общие расходы на разведку «составляют более 10 млрд. долл.», что в «3—4 раза больше, чем сообщается конгрессу», а возможио, в 5 раз больше. В докладе сеиатского комитета есть иамек относительио общей стоимости разведки. Везде, где речь идет о расходах иа разведку в абсолютных цифрах и их проценте в федеральиом бюджете, цифры исключены. Только в одиом месте, вероятно по редакционному недосмотру, значится: стратегическая разведка в 1976 фииаисовом году составила примерно 3% федерального бюджета. Это выражается в сумме 11,2 млрд. долл., включая сюда ассигноваиия на ЦРУ, разведку министерства обороны, АНБ и Агеитство нациоиальиой разведки. По сообщению того же сеиатского комитета, с учетом расходов на тактическую разведку и обеспечение общая сумма удваивается и достигает 22,4 млрд. долл.» [1]. По оценке комиссии Ф. Черча, 65% средств, выделяемых на разведку, используется непосредственио против СССР [2].

четко и ясно: «Американский капитализм, основывающийся на эксплуатации бедных, с его главной движущей силой — страстью к личной наживе — не может выжить без тайной полиции... ЦРУ, ФБР и другие органы безопасности — логическое, необходимое проявление решимости правящего класса сохранить свою силу и привилегии»[3].

Ветеран американского рабочего движения, отнюдь не коммунист, но верящий в демократию, Э. Демайо, ныне постоянный представитель Всемирной федерации профсоюзов в ООН, в 1978 году заметил: «Если мы хотим понять ЦРУ, мы должны прежде всего понять социально-экономическую систему, породившую это ведомство. Наше общество покоится на эксплуатации многих теми немногими, кто владеет и контролирует экономику, производящую богатства нации, и финансовыми институтами, которые дают ему жизнь. Эти всемогущие немногие, располагающие громадными экономическими ресурсами, господствуют в политической жизни страны. Они и составляют теневое правительство, принимающее ключевые решения, которые передаются для выполнения исполнительной и законодательной властям официального правления через наймитов, занимающих ключевые посты в федеральном аппарате... Выступающий против ЦРУ навлекает тем самым на себя мощь ведомства правительства»[4].

Этот анализ представляется безупречным. ЦРУ — острейшее классовое орудие монополистического капитала, организованного в государство. Тем не менее в самих Соединенных Штатах деятельность ЦРУ, как и других органов политического сыска и репрессий, подвергается критике справа. Иногда раздаются голоса, что ЦРУ и К° даже недостаточно эффективны. Крупный капитал также подвергает эти ведомства критике, но по большей части делами. Богачи и сверхбогачи, правящие в Соединенных Штатах, например, вероятно, не считают, что государственные органы, охраняющие в целом их классовое господство, обеспечивают достаточную индивидуальную защиту. На середину семидесятых годов они содержат 250 тысяч человек личной охраны, что вместе с надлежащими сторожевыми техническими системами с новейшей электроникой и прочим обходится в 5 миллиардов долларов в год. Помимо того, в США 4200 частных сыскных фирм, в которых занято 32 тысячи агентов, имеющих лицензии. Шпионаж в интересах отдельных лиц приобрел гигантские размеры: по приблизительным подсчетам, на

одно подслушивающее устройство, установленное государственными органами, приходится 300 таких устройств, установленных частными сыскными агентствами[5].

Когда личная безопасность правящего класса обеспечена глубокоэшелонированной защитой, тогда почему бы не позволить распустить языки по поводу ЦРУ, разве это не новое доказательство существования в США «демократии»? Почему бы не дать возможность упражняться на этом поприще критикам справа, если конечные цели — дальнейшее усиление ЦРУ? В сентябре 1978 года американский журнал «Комментари» публикует статью «Что ЦРУ знает о России». В ней описано известное: крайнее невежество в Соединенных Штатах относительно Советского Союза — средства массовой информации не знают или лгут, академический мир, если судить по открытым публикациям, далек от понимания того, что в действительности происходит в нашей стране. «Но если нельзя положиться ни на средства массовой информации, ни на ученых, тогда на кого? В этом случае мои американские друзья вытаскивают козырную карту «будьте уверены, где-то в разведывательном сообществе...». Фраза прерывается,. и говорящий загадочно замолкает, как бы напоминая о том, что в глубокой тайне аналитические гении западного мира, использующие самые совершенные компьютеры, размышляют над донесениями, полученными из советской глубинки».

Автор статьи среди многих нелепиц, исходящих от ЦРУ об СССР, указывает: «В 1973 году ЦРУ попыталось оценить «способность к научным изысканиям русских», как будто... эти «русские» вновь открытое племя, научные способности которого должна определять разведка. В этой связи ЦРУ назвало имена четырех русских ученых, известных каждому советскому школьнику, как Б. Франклин и Т. Эдисон известны американскому, умудрившись при этом переврать две фамилии. Всемирно известный химик Менделеев (о котором в словаре Вебстера сказано, что он открыл периодический закон) превратился в Менделевича, а деятель просвещения XVIII века Ломоносов стал Ломоносовским. Что бы подумал американец об экспертах из разведки по США, которые, изучая способность к науке американцев, упомянут Франклинштейна и Эдисонера?

Большую часть этого невежества следует отнести к явному нежеланию понять, что Россия не является каким-

то экзотическим, примитивным племенем, а громадиой, смертельно опасиой, в высшей степени сложиой цивилизацией, более просвещеиной, передовой и в иекоторых отношениях более рациональиой, чем США». Когда ЦРУ выдает оценки типа приведеиной выше, подводится итог в статье, тогда понятно существующее мнение о том, что «ЦРУ, выступающее с публичными заявлеииями перед конгрессом и т. д., ие настоящее ЦРУ, а хитроумиая маскировка, дабы ввести в заблуждение как советский режим, так и американцев. Где-то в абсолютной тайие существует истиииое ЦРУ, ибо кто может поверить, что такие речи может вести настоящее ЦРУ?»[6].

Журиал обиаружил полемический задор и полиое непонимаиие генеральиого направления работы. Еще и еще раз иужио иапомииать — это ведомство лишь в небольшой мере заиято разведкой, его основная цель — подрывиые операции. Там и проходит истинная деятельность ЦРУ. Открывая эту киигу, мы указывали — на долю подрывиой работы падает примерио 90 процентов всех трудов ЦРУ. Американский публицист Д. Уайз отметил: «Комитет палаты представителей (О. Пайка. — *Н. Я.)* по вопросам разведки, попытавшись оценить только часть тайных операций ЦРУ (критерий отбора, утверждение их «Комитетом 40»), указал: в 1965—1975 годах 32 процента падало иа оказание влияния на выборы в других странах (США истратили, например, в Италии на эти цели за двадцать лет 65 млн. долл.), 29 процеитов касались операций, связаиных со средствами массовой коммуникации, а 23 процеита на фииансированне тайных армий, передачу вооружения, боеприпасов или военного снаряжения»[7]. Комитет Пайка вывел это соотиошение, имея в виду операции, требовавшие санкции выше, чем руководство ЦРУ. Но помимо их ЦРУ заиято рутиииой деятельностью, а имеино: «ЦРУ фииансирует великое множество иностранных светских, религиозиых, профессиоиальиых и рабочих организаций»[8]. На прямой шпиоиаж, о плачевиых результатах которого сокрушался журнал «Комментари», приходится 16 процеитов. По поводу этого иаправлеиия работы ЦРУ идут бескоиечиые толки и пересуды.

Куда сложиее попытаться разобраться в подрывной работе ЦРУ. Причина проста. В докладе сеиатской комиссии Ф. Черча дается многозначительное определение: «Подрывиая работа определяется как тайиая деятельиость с целью оказания влияиия иа иностранные правительства,

события, организации или лиц в интересах поддержки американской внешней политики, которая проводится так, что участие правительства США в ней нельзя проследить». Что там бессилие исследователей установить истину, в таком же положении благодетели, финансирующие подрывную работу, — обе палаты конгресса! Как сказано далее в докладе: «Нет никаких данных, свидетельствующих о том, чтобы весь конгресс знал или понимал размах тайной деятельности, включая подрывную работу ЦРУ». Сама комиссия в весьма расплывчатой форме сообщила об этом предмете то, что сочли необходимым пропустить цензоры ЦРУ.

Общим руководством в подрывной работе явилась директива Совета национальной безопасности, которая уполномачивает ЦРУ:

«— Создавать и использовать трудности для международного коммунизма;

— дискредитировать международный коммунизм, подрывать силу его партий и организаций;

— сокращать контроль международного коммунизма над любыми районами мира».

В этих целях ЦРУ «осуществило тысячи тайных операций» очень широкого спектра: от вооруженных действий (особенно в Юго-Восточной Азии) до вербовки и использования агентуры. Но в отличие от банальных агентов, занятых шпионажем, агентура для подрывной работы носит иной характер. «ЦРУ создало по всему миру систему готовых к подрывной работе «активов», начиная от работников средств массовой информации, кончая лицами, которые, как известно, могут оказывать влияние на правительства». Надо думать, что агентура эта не сидит сложа руки. Но, развели руками члены комиссии Черча, «очень трудно вынести суждение по поводу того, какие акции в подрывной работе оказались успешными, а какие провалились».

Причина неуверенности комиссии в том, что о подрывной работе просто нельзя сообщать. Больше того, даже при подготовке доклада, уже подвергшегося цензуре ЦРУ, купюры делались даже на заключительном этапе работы: по настоянию ЦРУ из его текста были исключены два раздела: «Техника подрывных операций» и «Подрывные акции: выдвижение идеи, рассмотрение и одобрение»[9]. Американские исследователи А. Шафлин и Э. Оптон сухо

заметили по поводу второго из исключенных разделов: в нем «затрагивается самый существенный вопрос — кто же правит нашей страной?»[10].

Бесконечные разговоры и споры о ЦРУ, которые публично ведутся в США, приучили американцев к тому, что в работе ЦРУ нет ничего из ряда вон выходящего с точки зрения этики. Если говорят, значит, ЦРУ в ладах с моралью. Мы видели, что это за «мораль». Разговоры о перманентных изменениях в ЦРУ приобрели перманентный характер. У. Корсон сообщил, что Г. Киссинджер, например, «считал необходимым реорганизовать разведывательное сообщество, на словах привести его в соответствие с изменяющимся миром, а на деле он и Никсон стремились обеспечить успех внешней политики Никсона — Киссинджера, причем ее и будет воплощать в жизнь разведывательное сообщество». Что, ренессанс методов ОСС?

Достаточно констатировать: ЦРУ ныне введено в число самых респектабельных органов правительства США, то есть в США те, кто как-то пытается указать на непристойность этого образа действия, терпят сокрушительное поражение. Американцам достаточно внушили: дело ЦРУ — дело святое. Поучительный пример тому, как при Никсоне и Киссинджере были легализированы подрывные радиостанции, до тех пор более двадцати лет оплачивавшиеся тайно ЦРУ. Пожалуй, это единственный пример подрывной работы ЦРУ против СССР, о котором теперь более или менее известно.

25 января 1971 года член сенатской комиссии конгресса по иностранным делам сенатор-республиканец К. Кейс сделал на заседании этой комиссии неожиданное заявление: «В течение последних двадцати лет из государственного бюджета США были израсходованы несколько сот миллионов долларов на содержание радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода». Только за минувший финансовый год ЦРУ израсходовало на эти цели 30 миллионов долларов. И все это время конгресс отстранялся от участия в рассмотрении и утверждении этих расходов». Действуя таким образом, подчеркивал Кейс, правительство нарушало и свои собственные торжественные обещания: «После того, как в 1967 году стало известно о финансировании ЦРУ Национальной студенческой ассоциации, специальный комитет при президенте с участием

директора ЦРУ Ричарда Хелмса решил, что «никакие государственные учреждения не должны прямо или косвенно оказывать финансовую поддержку каким бы то ни было национальным просветительным или другим добровольческим организациям»... Президент Джонсон распространил это положение на деятельность всех правительственных учреждений США»[11].

Сенатор Кейс и поддержавший его в палате представителей О. Рейд, собственно, поставил только юридический вопрос, ни словом не обмолвившись о политической стороне дела вопроса. Между тем именно она определяла многие видимые странности в отношении правительства к деятельности радиостанций или, говоря другими словами, к деятельности ЦРУ на поприще ведения «психологической войны» против социалистических стран, в первую очередь против Советского Союза. «Одно правительство за другим независимо от того, принадлежали ли они к демократической или республиканской партиям, — скажет несколько позже председатель сенатской комиссии по иностранным делам сенатор У. Фулбрайт, — выделяли эти ассигнования, и это тайное вспомоществование шло рука об руку с политическим контролем деятельности указанных радиостанций, неукоснительным приведением ее в полное соответствие правительственной политике... Если, как принято считать, величина расходов на те или иные программы может служить индикатором их значения в глазах правительства, то можно видеть, что в данном случае мы имеем дело с важнейшей, осуществлявшейся и осуществляющейся акцией США в области их взаимоотношений с социалистическими странами»[12].

Изучение предложений Кейса Белый дом поручил пресловутому «Комитету 40», среди наиболее влиятельных членов которого значился и директор ЦРУ Р. Хелмс. Шли месяцы, расследование затягивалось. Трудно сказать, оказалось бы или нет оно вообще похороненным в архивах «Комитета 40», если бы 10 марта 1971 года в Варшаве не состоялась пресс-конференция польского разведчика Чеховича, выступившего перед иностранными корреспондентами с рассказом о своих личных впечатлениях за годы работы на радиостанции «Свободная Европа». На Западе разразился скандал.

Уже через два дня после пресс-конференции в Варшаве государственный департамент получил с Капитолийского холма уведомление, что слушание «дела о финанси-

рованни» радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» будет возобновлено 28 апреля. Государственный департамент потребовал отсрочки, желательно длительной. Завязавшаяся после этого переписка или, вернее, перебранка между обеими высокими сторонами окончилась компромиссом: отсрочка была дана только до 24 мая.

Когда в назначенный день собралась сенатская комиссия по иностранным делам и вызванные ею свидетели, то виновника шумихи, сенатора Кейса, смущало лишь то, что окружавшая ранее каналы финансирования обеих станций секретность мешала конгрессу точно определить размеры ассигнований на их работу. На всякий случай он предложил выделить на 1972 финансовый год 30 миллионов долларов, оговорившись, впрочем, что если не хватит денег, то размеры вспомоществования можно будет и увеличить. В свою очередь, конгрессмен Рейд также обошел полным молчанием вопрос о ЦРУ. «Мое присутствие здесь, — заявил он со всей скромностью, — имеет своей целью укрепить, как следует надеяться, доверие к радиостанциям «Свободная Европа» и «Свобода». Обе эти радиостанции, как я полностью убежден, занимаются весьма полезной деятельностью» [13]. В этом же ключе высказались не только остальные приглашенные на заседание комиссии свидетели. но и большинство ее членов.

Председатель комиссии сенатор Фулбрайт сделал было попытку разобраться в деле. Он схватился с выступавшим перед комиссией в качестве свидетеля заместителем государственного секретаря М. Хилленбрандом, который каждый раз с плохо скрываемым холодным презрением уходил от ответа о причастности ЦРУ, цедя сквозь зубы: «О таких делах было бы уместнее поговорить на закрытом заседании... не думаю, что мне следует принимать участие в обсуждении прошлого этих радиостанций на открытом заседании... если уж вы настаиваете на том, чтобы копаться во всей этой истории, буду счастлив содействовать вам на закрытом обсуждении — там мы сможем и пооткровенничать сколько вам будет угодно» [14]. И лишь когда сенатор Фулбрайт совершенно уж надоел Хилленбранду, он, нагловато ухмыляясь, сказал, что, может быть, точно, что ЦРУ и оказывало какую-нибудь «незначительную денежную помощь» радиостанциям, но лишь с целью содействия тому благородному делу «просвещения и образования», которому служат «Свобода» и «Сво-

бодная Европа», и, уж конечно, ни в коем случае не пытаясь воздействовать на характер их передач.

Фулбрайт, выступавший тогда за реалистический подход к международным делам, проявлением которого уже было высказанное им желание увидеть, чтобы эти радиостанции «получили наконец возможность занять достойное место на кладбище останков «холодной войны», не поскупился на резкости и злую иронию. «ЦРУ, — заявил он, — было создано в определенных целях. Мне не кажется, что в их число входило намерение поручить разведывательной организации осуществление также культурной и просветительной деятельности. Не думаю, что и конгресс ожидал чего-либо подобного от ЦРУ, например, что оно возьмет на себя ответственность за повышение общеобразовательного и культурного уровня народов других стран. Непохоже, чтобы в этом состояла главная задача ЦРУ... В то же время никто не сомневается, что радиостанции содержатся на средства ЦРУ, а ни ЦРУ, ни любая другая организация не стали бы швырять таких огромных денег и позволять при этом неизвестным им частным лицам делать все, что заблагорассудится последним...» [15]

Споры кончились тем, что конгресс ассигновал «в порядке исключения» «Свободе» и «Свободной Европе» 36 миллионов долларов на 1972 финансовый год. Тем временем нарастали противоречия между конгрессом и Белым домом относительно общего направления политики США. В этой обстановке в начале 1972 года сенатор Фулбрайт предпринял еще одну попытку остановить откровенно происходившую подмену вопроса о роли и связях ЦРУ с радиостанциями вопросом о технических аспектах финансирования их деятельности. Он написал президенту Никсону: «Многие годы нас всерьез уверяли, что деятельность этих радиостанций финансируется мифическими «добровольными сборами среди учащейся молодежи». На самом деле, как выяснилось, сотни миллионов долларов, которые переводились на счета радиостанций и которые якобы были плодами этих «сборов», выделялись ЦРУ. Все это было частью того всеобщего обмана, к которому мы прибегали, чтобы внушить американскому народу и народам стран Восточной Европы, что эти радиостанции представляют собой частные организации, существующие только и исключительно на частные пожертвования... Эта политика правительства имеет своим источником то же извращенное и больное воображе-

ние, ту же предвзятость и тот же не имеющий ничего общего с реальной действительностью образ мышления, которые уже породили такие уродливые явления, как полеты самолетов-шпионов У-2, как вооруженная акция в заливе Свиней, как провокация в Тонкинском заливе»[16].

Спустя три месяца президент назначил специальную комиссию лишь по вопросу о способах финансирования «Свободы» и «Свободной Европы». О роли ЦРУ ни слова. Зато президент Никсон вновь «настоятельно рекомендовал конгрессу благожелательно рассмотреть» и одобрить предлагавшийся им новый «временный» законопроект о выделении из государственного бюджета ассигнований на покрытие расходов радиостанций на 1973 финансовый год. Конгресс не возражал: он щедрой рукой отвалил «Свободе» и «Свободной Европе» на этот раз еще большую сумму — 38,5 миллиона долларов.

Специальная президентская комиссия по вопросу о технике финансирования деятельности «частных» радиостанций, получившая наименование «Комиссия по международному радиовещанию», приступила к работе в августе 1972 года. Все ее члены проявили похвальное рвение, они даже, как явствует из представленного президенту через полгода доклада, «посетили Мюнхен и в пределах имевшихся возможностей... тщательно и всесторонне ознакомились с ведущейся там исследовательской работой, методами сбора информации, в том числе и с помощью службы радиоперехвата, и радиотрансляционными программами». Более того, «они встречались и беседовали с эмигрантами, особенно с теми из них, кто недавно покинул Советский Союз или страны Восточной Европы»[17].

Надо думать, что увиденное и услышанное в Мюнхене произвело на членов комиссии самые радужные впечатления. Вызывает удивление лишь то, что, встречаясь и беря интервью не только у эмигрантов, но и у руководящих работников обеих радиостанций, среди которых было и остается изрядное число кадровых и давно уже изобличенных в качестве таковых сотрудников ЦРУ, члены комиссии «не обнаружили» никого, кто вызывал бы их подозрения относительно своей причастности к указанному ведомству. Комиссия была озабочена лишь тем, чтобы измыслить такой способ финансирования радиостанций, который бы «гарантировал, что осуществляемая ими деятельность не затрудняла каким бы то ни было образом осуществление задач, ставящихся Соединенными Шта-

тами в сфере их внешнеполитической деятельности», и, главное, который «не наносил бы ущерба независимому характеру деятельности самих радиостанций, информативной достоверности и эффективности передаваемых ими программ»[18].

Такая организация, получившая наименование «Совета международного вещания», была создана и в 1974 году обосновалась в своей штаб-квартире в Вашингтоне. «Свобода» и «Свободная Европа», разместившиеся в Мюнхене под одной крышей, получили из ее рук в 1974 и 1975 годах по 50 миллионов долларов, а в 1976 году — 30 миллионов долларов. К нашим дням ассигнования эти достигли почти ста миллионов долларов ежегодно.

Слушания в сенатской комиссии по иностранным делам о финансировании радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» летом 1973 года можно приравнять к последним арьергардным боям, которые, как это было уже очевидно для друзей и врагов, сенатор Фулбрайт вел без всякой надежды на достижение хотя бы частичного успеха. В одном из ставших достоянием гласности личных писем руководителя «польского отдела» радиостанции «Свободная Европа» Я. Новака последний, давая оценку сложившейся ситуации, писал: «...этот Фулбрайт, как тебе известно, потерпел поражение в собственной же комиссии. Теперь ничто уже не угрожает существованию нашей радиостанции»[19]. Неудивительно поэтому, что теперь Фулбрайт выступал очень сдержанно и предельно кратко, хотя и на этот раз счел необходимым подчеркнуть: «В течение двух десятилетий американский народ верил, что обе радиостанции существуют исключительно на добровольные пожертвования. Сейчас, как я хочу вам об этом напомнить, мы знаем, что их деятельность фактически полностью оплачивалась из секретных фондов ЦРУ... откуда на счета радиостанций было в общей сложности переведено почти 800 млн. долл.»[20].

Фулбрайту не возражали. Его игнорировали. Члены комиссии и выступавшие перед ней со своими показаниями свидетели, как сговорившись, восхваляли великое дело распространения идей «свободы», которыми-де занимались обе радиостанции рука об руку с ЦРУ. В общем слаженном хоре звучали и новые ноты. Если раньше было более или менее принято говорить о приобщении к этим идеям всего советского народа, то теперь акцент делался на необходимости поддержки и оказании всей возможной

моральной помощи «смело выступающей в защиту своих убеждений немногочисленной, но влиятельной элите», другими словами, так называемым «инакомыслящим».

Весьма характерным в этом плане было, например, выступление бывшего заместителя государственного секретаря Д. Болла. «Я бы сказал, — заявил он членам комиссии, — что деятельность радио «Свобода» представляется мне особо неоценимой потому, что оно, помимо всего прочего, выступает в качестве своеобразного посредника между этими людьми и остальным народом. «Свобода» располагает уникальным по своей полноте собранием публикаций советского «самиздата», и она регулярно знакомит с ними своих слушателей. Таким образом, происходит нечто, что можно было бы назвать явлением геометрической прогрессии в распространении публикаций «самиздата» в Советском Союзе: вместо того чтобы переходить из рук в руки, они доставляются радио «Свобода» на дом к каждому... Мы поступили бы с ними слишком жестоко, если бы лишили их этой поддержки»[21].

Если представить себе картину этого всеобщего согласия, то становится понятным, как были шокированы все присутствующие, когда Фулбрайт дал слово лично приглашенному им и мало кому известному свидетелю — П. Бартлету, которого он отрекомендовал в качестве «независимого», то есть официально не связанного с какими-либо государственными или частными компаниями, специалиста в области средств связи и коммуникаций.

«Многие годы тому назад, — начал свое выступление этот странный свидетель, — я уже пришел к твердому убеждению, что радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» в том виде, в котором они существуют сейчас, должны быть ликвидированы.

...Посвятив более тридцати лет своей жизни развитию радиовещания, я, конечно, верю в необходимость распространения правдивой информации среди народов мира. Но... «Свобода» и «Свободная Европа» и не думают заниматься этим. Их совершенно особой и основной задачей является... распространение тех материалов, в передаче в эфир которых заинтересован государственный департамент, но от причастности к которым он будет открещиваться самым энергичным образом.

Здесь были розданы копии писем из России, в которых говорится об огромном влиянии этих передач на умы людей. Я не верю людям, писавшим эти письма...

Радиостанции «Свобода» и «Свободиая Европа» — это детища ЦРУ и государствеииого департамеита, и оии паразитируют на государствеином бюджете страиы... Пришло время, когда мы должиы раз и иавсегда сорвать с этих радиостанций ложные покровы... Пусть все увидят, что оии представляют собой иа самом деле корпорации, всеми акциями которых владеет одио только правительство США...» [22]

Выступлеиие Бартлета ие измеиило общего хода и тоиальиости заседаиия. Никто из выступивших после иего даже ие «опустился» до прямых опровержеиий сказаииого.

На заседаиии комиссии по иностраииым делам в коице мая 1974 года, посвящеиином опять вопросу о фииаисировании радиостанций «Свобода» и «Свободиая Европа», выступающие ссылались иа Солжеиицыиа иа каждом шагу. Присутствующим были роздаиы ежемесячиые программы «Свободы» с полиой режиссерской разметкой передач его пасквилей. Виовь и виовь зачитывались цитаты из изречений Солжеиицыиа *.

В ходе этого последиего заседаиия — последиего, так как затем вступил в силу закои о фииаисироваиии радиостанций «Свобода» и «Свободиая Европа» иа постояииой основе, — виимаиие привлекло и еще одио зиамеиательиое явлеиие. В поучеиие простакам было ясио сказаио, что услуги, оказываемые радиостанцией «Свобода», иосят сугубо специфический характер и что, иапример, «Голос Америки» иикогда ие сможет замеиить ее. В зачитаиином перед комиссией заявлеиии америкаиского директората междуиародиого радиовещаиия указывалось: «В отличие от «Голоса Америки» и других официальио действующих радиостанций... радиостаиции «Свобода» и «Свободиая Европа»... вещают исключительио для иародов Советского Союза и страи Восточиой Европы. При этом осиовиой задачей вещаиия этих радиостанций является доведение

---

* Крайние реакциоиеры в США, поиятно, находят его полезным для раздувания мифа о советской военной «угрозе». Как поучает своих соотечественников сенатор Д. Хелмс: «Третья мировая война окончилась, и Запад проиграл ее», — говорит г-н Солженицын, что каждодневно подтверждается... Наши предки сумели услышать призыв Поля Ревира: «Англичане идут!» Если мы не услышим слов его прямых последователей Шлезинджера, Солженицына и ряда менее известных пророков, в США вторгнутся, ибо «Русские идут!». Мы утратим шанс понять это и окажемся бессильными, чтобы отразить вторжение» [23].

до сведения их слушателей информации о происходящих в их собственных странах событиях» [24].

Нашлись непонятливые, которые никак не могли взять в толк, почему бы передачу такой информации, если она полностью соответствует фактам, не мог бы взять на себя, например, «Голос Америки». Экономия была бы весьма ощутимой! Пришлось вытащить на свет «Руководство по основам политики радиостанции «Свобода» и зачитать оттуда примечательное место: «В отличие от передач других зарубежных радиостанций, которые исходят из своей, «национальной» точки зрения на события, радиостанция «Свобода» вещает на языках народов Советского Союза, так, как вещали бы их собственные местные радиостанции, если бы они могли действовать, не подвергаясь налагаемым цензурой ограничениям» [25].

Все вновь возвращалось на круги своя, а тому, кто не находил в этом эстетического удовольствия, не возбранялось прошествовать мимо нагло ухмыляющейся рожи ЦРУ, смежив свои ресницы с полным достоинством.

Освещение, по необходимости очень узкое, этого небольшого, с точки зрения размаха ЦРУ, участка подрывной работы против Советского Союза ясно показывает — занятые ею в Соединенных Штатах, видимо, гордятся своим бесстыдством. Проще говоря, игнорируют даже правовые нормы, определяющие отношения Соединенных Штатов с другими государствами. Это прекрасно понимают в Вашингтоне.

В сентябре 1974 года палата представителей американского конгресса отвергла предложение о том, чтобы ЦРУ было запрещено финансировать операции «с целью подрыва или дестабилизации правительства любой иностранной державы». Через месяц в сенате аналогичная участь постигла следующее предложение: «Любому правительственному ведомству США запрещается проводить любую работу в любой иностранной стране, которая нарушает или подстрекает к нарушению законов США или законов в иностранных государствах, за исключением «деятельности», необходимой для безопасности США и предназначенной «исключительно» для сбора разведывательных сведений» [26]. Провал этих поправок к текущему законодательству вне всяких сомнений показывает — большинство в Капитолии признало подрывную работу ЦРУ частью государственной политики Соединенных Штатов. Они сокрушили немногих в своей среде, а последние про-

сили ведь не больше чем подтвердить нормальную практику межгосударственных отношений.

При установлении дипломатических отношений между США и СССР в 1933 году по инициативе американской стороны оба государства взяли на себя обязательства не только не вмешиваться во внутренние дела друг друга, но и удерживать всех лиц и организации, находящиеся под его «прямым или косвенным контролем, включая организации, получающие от него финансовую помощь, от какого-либо явного и скрытого акта, могущего каким-либо образом нанести ущерб спокойствию, благосостоянию, порядку или безопасности» другой стороны. В этой связи прямо упоминались «агитация и пропаганда». Эти положения, оформленные обменом письмами между М. М. Литвиновым и Ф. Рузвельтом, действуют по сей день.

Когда в 1951 году конгресс США официально ассигновал средства на создание и содержание вооруженных подразделений из предателей из СССР и других социалистических стран для борьбы против нас, Советское правительство в ноте, врученной 21 ноября 1951 года американскому поверенному в делах, указало: «Принятие Соединенными Штатами такого закона является беспрецедентным актом в отношениях между государствами и представляет собой грубое вмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела других стран. Вместе с тем оно является неслыханным нарушением норм международного права». Вашингтон пропустил этот протест мимо ушей.

В подписанном 29 мая 1972 года документе «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами» указано главное в советско-американских отношениях: стороны «будут исходить из общей убежденности в том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования». Это первый совместный советско-американский договорно-правовой документ, в котором США официально признали принцип мирного сосуществования.

В доктрине мирного сосуществования, официально признанной и Соединенными Штатами, нет и не может быть места «психологической войне». ЦРУ, продолжающее подрывную работу против Советского Союза, колеблет самые основы советско-американских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

Необходимое пояснение

1. A. Dulles, The Craft of Intelligence, N. Y., 1963, p. 264.
2. F. Prouty. The Secret Team. The CIA and its Allies in control of the United States and the World, Englewood Cliffs, 1973, pp. 66—67.
3. R. Sigford, The Rhetoric of the Vietnam War: Presidents Johnson and Nixon. University of Minnesota. Ph. D.1973, p. 193.
4. W. Colby and P. Forbath, Honorable Men. My Life in the CIA, N. Y., 1978, pp. 300—301.
5. «The Nation», November 19, 1977, p. 514.
6. G. Kennan, The Cloud of Danger. Current Realities of American Foreign Policy. Boston, 1977, pp. 212, 210.
7. «War Report of the Office of Strategic Services», Washington 1949, p. 99.
8. D. Halberstam, The Best and the Brightest, N. Y., 1973, p. 526.
9. H. Thompson, Fear and Loathing: On the Campaign Trail 72, N. Y., 1973, pp. 403—404.
10. The Intelligence Investigations: Congress Cops Out, «The Progressive», July 1976, pp. 16—17.

Война после войны

1. J. Gaddis, Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive history, N. Y., 1978, pp. 154—155.
2. «Известия», 1946, 29 октября.
3. «Известия», 1947, 24 января.
4. G. Kennan, Memoirs 1925—1950, Boston 1967, pp. 266—267.
5. J. Gaddis, The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947, N. Y., 1972, pp. 259—260.
6. G. Kennan. Op. cit., p. 277.
7. D. Yergin. Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security state, Boston 1977, pp. 96—98.
8. F. R.: 1945, v. 3, p. 1228.
9. «Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with respect to Intelligence Activities». U. S. Senate. Book 1, Washington 1976, pp. 19—20.
10. «The Patton Papers», Ed. by M. Blumenson, Boston 1974, pp. 721, 731—734.
11. M. Sherry, Preparing for the Next War. American Plans for postwar defense, 1941—45, Yale University Press, 1977, p. 57.
12. M. Matloff, Strategic Planning for Coalition Warfare 1943—1944, Washington 1959, pp. 523—524.
13. J. Burns. Roosevelt: the Soldier of Freedom, N. Y., 1970, p. 459.
14. M. Sherry, Op. cit., pp. 201, 205, 212—213.
15. Ibid., pp. 214—215
16. F. R.: 1946, v. 1, pp. 1160—1165, 1125—28.
17. F. R.: 1946, v. 6, p. 705.
18. «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945—1950», Ed. by T. Etzold and J. Gaddis, N. Y., 1978, pp. 66—68.
19. F. R.: 1946, v. 6, pp. 709, 699.
20. F. R.: 1947, v. 1, pp. 772, 776—777.

21. F. R.: 1948, v. 1, pt. 2, p. 589.
22. «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945—1950», pp. 174, 176, 180—181, 190, 189, 196, 197, 201—203.
23. «Drop Shot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957», Ed. by A. Brown, N. Y., 1978, p. 36.
24. F. R.: 1948, v. 1, pt. 2, pp. 666, 665.
25. «Drop Shot...», p. 6.
26. «Containment. Documents...», p. 323.
27. «Drop Shot...», p. 9—10.
28. Ibid., p. 7.
29. «Containment. Documents...», pp. 357—360.
30. Ibid., pp. 361—364.
31. «Drop Shot...», p. 5.
32. R. Hewlett and F. Dunean, Atomie Shield: 1947—52, Pennsylvania State University Press, 1969, pp. 362—369.
33. «Drop Shot...», p. 20.
34. Ibid., p. 28.
35. Ibid., p. 47.
36. Ibid., p. 241.
37. Ibid., pp. 243—245.
38. Ibid., pp. 42, 73.
39. Ibid., pp. 60, 74—75, 62.
40. М. Клаузевиц. О войне. М., 1941., т. 2, с. 365.
41. «Drop Shot...», p.p. 76, 74, 75, 41.
42. Ibid., pp. 243—244.
43. Ibid., p. 1—2.
44. L. Chester, G. Hodgson, B. Page. The American Melodrama, N. Y., 1969, p. 778.
45. F. R.: 1950, v. 1, pp. 237—292.
46. S. Harry, Truman Library, President's Secretary's File.
47. «Naval War College Review». May June 1975, pp. 51—108.
48. «An Overreview of East-West Relations, Report of the Trilaleral Task Force on East-West Relations to the Trilateral Commis-
49. «Penthouse», December 1977, pp. 160, 89, 166.
50. «An overreview of East-West Relations...», pp. 46—47, 9—10, 52—54.

От ОСС к ЦРУ

1. Цит. по: Д. Уайз, Т. Росс. Невидимое правительство. М., 1965, с. 99.
2. H. Truman. Memoirs, Years of Trial and Hope, N. Y., 1965, v. 2, pp. 74, 73.
3. «Final Report of the Select Committee to study governmental operations with respect to intelligence activities», U. S. Senate, Washington, 1976, v. 4, pp. 15, 7, 4.
4. W. Stevenson. A Man Called Intrepid. The Secret War. The Authentic account of the most decisive intelligence operations of World War II — and the superspy who controlled them. N. Y., 1977, p. 279.
5. R. Cline, Secrets, Spies and Scholars, Washington 1976, pp. 75—76.
6. C. Ford, Donovan of OSS, Boston 1970, pp. 111, 149—150.
7. Ibid., p. 152.
8. R. Cline, Op. cit., p. 76.

9. W. Stevenson. Op. cit., p. 378.
10. Ibid, p. 396.
11. W. Langer. The Mind of Adolf Hitler. The Secret Wartime report, N. Y., 1972 pp. 141, 143, 153—155, 189, 192, 246, 26, 166—167.
12. «Hitler's Secret Conversation, 1941—1944», Ed. by H. Trevor-Roper, N. Y., 1953, pp. 442—476.
13. D. Irving. Hitler's War, London 1977, p. 610.
14. R. Cline, Op. cit., p. 78.
15. H. Rositzke. CIA Secret Operations. Espionage, counterespionage and covert operations. N. Y., 1977, pp. 221—222.
16. «The Pentagon Papers as published by the New York Times», N. Y., 1971, p. XIX.
17. The Memoirs of Richard Nixon, N. Y., 1978, p. 509.
18. V. Lasky. It didn't start with Watergate, N. Y., 1977, pp. 285—286.
19. R. Sigford. The Rhetoric of Vietnam. War: Presidents Johnson and Nixon, University of Minnesota. Ph. D. 1973, p. 190.
20. F. Prouty. The Secret Team. The CIA and its Allies in control of the United States and the World, Englewood Cliff 1973, p. 58.
21. V. Lasky. Op. cit., p. 282—283.
22. D. Wise, The American Police State. The Government against People, N. Y., 1976, p. 403.
23. W. Colby and P. Forbath. Honorable Men. My Life in the CIA, N. Y., 1978, p. 337.
24. «The Presidential Transcripts. In conjunction with the staff of the Washington Post», N. Y., 1974, pp. 91—92.
25. The Memoirs of Richard Nixon, p. 514.
26. W. Peck. The AFL — CIA. «Uncloaking the CIA», Ed. by H. Frazier. N. Y., 1978, p. 257.
27. R. Cline, Op. cit., pp. 83—84.
28. K. Ford. Op. cit., p. 304; R. Cline, Op. cit.; p. 85, W. Colby. Op. cit., p. 59.
29. «Final Report...», v. 4, p. 13.
30. F. Prouty, Op. cit., p. 61.
31. H. Rositzke. Op. cit., p. 1, 13.
32. «Final Report...», v. 4, pp. 28—29, 26.
33. K. Cline. Op. cit., p. 101.
34. «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945—1950», Ed. by F. Etzold and J. Gaddis. N. Y., 1978, 127—128.
35. «Final Report...», v. 4, pp. 31—33.
36. W. Colby, Op. cit., p. 73.
37. H. Rositzke. Op. cit., p. 154.
38. R. Sigford, The Phetoric of Vietnam War: Presidents Johnson and Nixon, pp. 199, 201.
39. W. Colby, Op. cit.. 97, 82, 93, 83.
40. F. Prouty, Op. cit., p. 164.
41. R. Cline, Op. cit., p. 76.
42. H. Rositzke, Op. cit., pp. 37—38.
43. The Memoirs of Richard Nixon, pp. 377—378.
44. На службе ЦРУ. Разоблачение аитнсоветской деятельиости народно-трудового союза. М., 1977, с. 7.
45. К. Черезов. Маска НТС нлн НТС без маски. М., 1975, с. 57.
46. Е. И. Дивнич. Ук. соч., с. 89—90.

47. R. Cline, Op. cit., p. 131.
48. «Final Report», v. 4, p. 93.

ЦРУ: техника, компьютеры, люди

1. R. Cline, Secrets, Spies and Scholars, Blueprint of the Essential CIA, Washington, 1976, p. 120.
2. Ibid., p. 144.
3. «Final Report...», v. 4, p. 19.
4. «Psychological Offensive vis-a-vis the USSR. Objectives, Tasks and Themes», pp. 1, 3—5. Harry S. Truman. Library, President's Secretary File.
5. «The New York Times», April 28, 1966.
6. W. Barret, Truth is our Weapon, N. Y. 1953, p. 79.
7. «Congressional Record», March 30, 1951, p. 1764.
8. D. Wise and J. Ross. The Invisible Government. N. Y., 1964, p. 321.
9. «National Committee for a Free Europe». Introductory Statement to the Press by Joseph Grew», N. Y., 1949, pp. 3—4.
10. «The New York Times», November 24, 1951.
11. Ibid., March 15, 1971.
12—14. А. Герэн. Компандос «холодной войны». М., 1972, с. 82.
15. Там же, с. 8.
16. «Volksstimme», 22.XII. 1972.
17. «Разведчики разоблачают». М., 1977.
18. «Final Report...», v. 4, p. 36.
19. R. Cline, Op. cit., p. 128
20. C. Ford, Donovan of OSS, Boston 1970, p. 125.
21. The Memoirs of Richard Nixon. N. Y., 1978, p. 183.
22. «The New York Times», November 30, 1976.
23. W. Colby, Op. cit., pp. 134—135.
24. Ibid., p. 134.
25. G. Kennan. Memoirs 1950—1963, v. 2, Boston, 1972, p. 97—99.
26. «Final Report...», v. 4, p. 78.
27. Ibid., p. 59.
28. P. Klass, Secret Sentries in Space, N. Y., 1971. p. 51.
29. «Fortune», June 1967, p. 85.
30. P. Klass, op. cit., p. 78.
31. Ibid., p. 18.
32. «Fortune», July 1959, p. 84.
33. «Wall Street Journal», May 10, 1960.
34. «Nation», February 13, 1960, p. 132.
35. «Air Force Magazine and Space Digest». September 1963, p. 71.
36. Ph. Agce. Inside the Company: CIA Diary, N. Y., 1975, p. 69.
37. «Congressional Record», October 10, 1963, p. 18192.
38. «The New York Times», April 6, 1977.
39. W. Corson. The Armies of Ignorance, N. Y., 1977, pp. 432—433.
40. Ibid., p. 302.
41. Ibidem.
42. Г. Кисснинджер. Ядериое оружие н виешняя политика. М., 1959, с. 79.
43. «Aviation Week», March 15, 1954.
44. P. Klass. Op. cit., p. 8.
45. «Aviation week», May 23, 1955.
46. Г. Кисснинджер. Ук., соч., с. 127.

47. «The New York Times», October 19, 1957.
48. «The New York Herald Tribune», October 10, 1957.
49. «The New Yokr Times», January 7, 1956.
50. J. Klass, Op. cit., p. 37.
51. Ibid., p. 31.
52. Ibid., p. 40.
53. R. Lapp, The Weapons Culture, N. Y., 1968, p. 32.
54. Цит. по: Ю. Н. Мельников. Внешнеполитические доктрины США. М., 1970, с. 130.
55. R. Lapp, Op. cit., p. 38.
56. «The New York Times», November 29, 1957.
57. P. Klass, Op. cit., p. 54.
58. E. Epstein, Legend: The Secret World of Lee Harvey Oswald, N. Y., 1978, p. 119.
59. F. Prouty, Op. cit., p. 354.
60. «Washington Post», September 25, 1961.
61. «The New York Times», June 10, 1963.
62. «Uncloaking the CIA», Ed. by H. Frazier, N. Y., 1978, pp. 152—153.
63. W. Corson, Op. cit., p. 33.
64. «Foreign Affairs», April 1971, pp. 385—386.
65. «Congressional Record», June 29, 1971, p. S10257.
66. «Newsweek», July 12, 1971, p. 26.
67. «Congressional Record», June 29, 1971, p. S10257.
68. Ibid., July 20, 1971, p. 11603.
69. «Department of State Bulletin», May 29, 1972, p. 748.
70. «The CIA File», Ed. by R. Borosage and J. Marks, N. Y., 1976, p. 68.
71. «Parade», July 21, 1974.
72. F. Prouty, Op. cit., pp. 57—61.
73. «Time», March 1969, p. 14.
74. P. Klass, Op. cit., p. 199.
75. «Intelligence and ABM. Hearings before the Committee on Foreign Relations», U. S. Senate, June 23, July 9, 1969, pp. V—VI.
76. «Department of State Bulletin», October 9, 1967, p. 444.
77. J. Shelling, Arms and Influence, New Heaven, 1966, p. 249.
78. «Business Week», March 15, 1969, p. 37.
79. «Congressional Record», February 22, 1970, p. S2162.
80. Ibid., November 18, 1969, p. S. 14526.
81. H. Baldwin, Strategy for Tomorrow, N. Y., 1970, p. 89.
82. «Department of State Bulletin», March 31, 1969, p. 273.
83. H. Haldeman with J. DiMona. The Ends of Power, N. Y. 1978, pp. 176, 196.
84. Ibid., pp. 199, 402.
85. «Remarks by Secretary of Defense James R. Schlesinger... Washington, 1974».
86. «Orbis», v. XVIII, N 3, p. 659.
87. «Washington Post», March 18, 1974.
88. Ph. Agee, Op. cit., p. 68.
89. «The CIA File», p. 183.
90. «The CIA and the Security Debate: 1971—1975», N. Y., 1976, p. 19.
91. «The CIA File», p. 224.
92. «Newsweek», February 6, 1978, p. 27.
93. Ph. Agee, Op. cit., p. 547.

94. Ibid., p. 544.
95. D. W i s e. The American Police State. The Government against the People, N. Y., 1976, pp. 160—163.
96. Ibid., p. 161.
97. D. E p s t e i n. Op. cit., p. 168.
98. Ibid., p. 312.
99. D. W i s e, Op. cit., p. 189.
100. M. C o p e l a n d. Without Cloak or Dagger. The Truth about the new espionage, N. Y., 1974. p. 176.
101. M. H a l p e r i n, Y. B e r m a n, R. B o r o s a g e, Ch. M a r w i c k. The Lawless State, N. Y., 1976, p. 142.
102. W. C o l b y, Op. cit., p. 220.

ЦРУ: на полях сражений «псиxологической войны»

1. G. H o d g s o n. America in Our Time, N. Y. 1976, pp. 74—75.
2. J. G a d d i s. Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive History. N. Y., 1978, pp. 31—32.
3. R. C l i n e, Secrets, Spies and Scholars, Wastington, 1976, pp. 129—170; H. R o z i t s k e, CIA Secret Operations. Espionage, counterespionage and covert actions. N. Y., 1977, p. 163.
4. J. B e a m. Multiple Exposure, N. Y. 1978, pp. 232—233.
5. «Final Report of the Select Committee to study governmental Operations with respect to Intelligence Activities», v. s. Senate, Book 1, Washington 1976, p. 193.
6. С. Н. С е р г е е в - Ц е н с к и й. Севастопольская страда. М., 1958, т. 1, с. 427.
7. «Лнтературная Россня», 1972, 7 апреля.
8. А. А. Б р у с и л о в. Мои воспоминания. М., 1943, с. 71.
9. «Отечественеи фронт», 1974, 10 июня.
10. «News from AFL—CIO», (202) 637—5010, 1.9.
11. Цит. по: У. Ф о с т е р. Очерк полнтической историн Америкн. М., 1955, с. 674.
12. D. Y e r g i n. Shattered Peace, Boston, 1977, p. 414.
13. «The Literature of the Early Republic», Ed. by H. Cody, N. Y., 1962, p. 82.
14. «Отечественен фронт», 1974, 11 нюня.
15. «Newsweek», March 18, 1974, p. 48.
16. Ibidem.
17. R. K a i s e r. Russia: The People and the Power. London 1977, p. 397.
18. «The Listener», March 1976, p. 261.
19. «The New York Times». July 11, 1975.
20. «The Washington Post», July 3, 1975.
21. «Tele/express», 22.3.1976.
22. «Blanco y Negro», 27.3.1976.
23. «The Times», April 8, 1976.
24. M. C o p e l a n d. Without cloak and dagger. The Truth about the New Espionage, N. Y., 1974. (См. далее сноски по тексту.)
25. А. Т р а й н и н. Разговор иачнстоту. — «Голос Роднны», 1978, сентябрь, с. 10.
26. A. T o c q u e v i l l e, On the Penitentiary System in the United States and its Application in France, Philadelphia 1833, Appendix A.
27. R. S c h w i t z g c l e l, Limitations on the Coercive Treatment of Offenders, «Criminal Law Review», 1972, pp. 269—270.

28. Д. Митфорд. Тюремный бизнес. М., 1978, с. 51.
29. E. Schein, Coercive Persuasion, N. Y., 1961, p. 285.
30. E. Schein, Man against Man's Brainwashing, «Corrective Psychiatry and F. Social Therapy», 8, 1962, pp. 92, 90, 97, 102.
31. A. Scheflin and E. Opton. The Mind Manipulators, N. Y., 1978, pp. 98—100.
32. E. Epstein. Legend: The Secret World of Lee Harvey Oswald. N. Y., 1978, pp. 14, 45, 258, 46—47.
33. «Vendredi, Samedi, Dimanche», October, 1978.
34. E. Epstein, Op. cit., p. 271.
35. «The New York Times», October 4, 1977.
36. «Common Sense in U. S. — Soviet Relations», Washington, 1978. pp. 50, 22.
37. Or. K. P. Mangold to Robert Owen of the Office of Soviet Affairs at the State Department, March 17, 1964. Lyndon B. Johnson Library, Ex. Co 303.
38. E. Goldman. The Tragedy of Lyndon Johnson, N. Y., 1969, p. 500.
39. «Dissent in the USSR: policy, ideology and people», Ed. by R. Tokes, N. Y., 1975,
40. А. Трайнин. Разговор начистоту. — «Голос Родины», 1978, сентябрь, с. 10—12.
41. «Common Sense in the U. S. — Soviet Relations», pp. 1, 24.
42. «Soviet Threat. Myths and realities». N. Y. 1978, pp. 140—141.
43. «Time», February, 6, 1978, p. 29.
44. «Dirty Work. The CIA in Western Europe». Ed. by Ph. Agee and L. Wolf, Secaurus, 1978, p. 309.
45. Ibid., p. 311.
46. Ibidem.
47. R. Kaiser. Op. cit., pp. 84, 234, 223, 165.
48. Ibid., pp. 314, 321.
49. Ibid., p. 327.
50. «Arms, Men and Military Budgets. Issues for Fiscal Year 1978», N. Y., 1978, pp. 299—300.
51. Ibid., p. XXX—XXXI.
52. G. Hodgson. Op. cit., pp. 96—97, 115.
53. A. Scheflin and E. Opton. Op. cit., p. 446.
54. A. Speer. Inside the Third Reich, London, 1978, pp. 506—507, 699.

Итоги?

1. «Dirty Work. The CIA in Western Europe». Ed. by Ph. Agee and L. Wolf, Secaurus, 1978, p. 254.
2. «Final Report...», Book 1, p. 10.
3. Ph. Agee. Inside the Company. CIA Diary, London, 1978, p. 597.
4. E. De Maio. Strongarm of TNCs, «Uncloaking the CIA». Ed. by H. Frazier, N. Y., 1978, pp. 18, 23.
5. G. Hougan. Spooks. Hounting of America — the private use of secret agents, N. Y., 1978, pp. 17—18.
6. L. Navrosov. What the CIA knows about Russia. — «Commentary», September, 1978, pp. 51, 53, 57.
7. D. Wise. The American Police State. The Covernment against the People, N. Y., 1976, p. 224.

8. Report of the House Select Committee on Intelligence. — «Village Voice», February, 16, 1976, p. 84.
9. «Final Report...». Book 1, pp. 131, 133, 143, 146, 158.
10. A. Schaflin and E. Opton. The Mind Manipulators, N. Y., 1978, pp. 241—242.
11. «Radio Free Europe and Radio Liberty», U. S. Senate, Report N 92—319, Washington, 1971, p. 10.
12. «Congressional Record», January, 17, 1972, p. 2055.
13. «Public Financing of Radio Free Europe and Radio Liberty». Hearings..., May, 24, 1971, Washington, 1971, p. 7.
14. Ibid., pp. 33—34.
15. Ibid., pp. 39, 114.
16. Statement by Senator W. Fulbright on Radio Free Europe and Radio Liberty, February, 17, 1972, Washington, 1972.
17. «The Right to know. Report of the Presidential Study Commission on International Radio Broadcasting», Washington, 1973, p. 60.
18. Ibid., p. IV.
19. «Radio Free Europe and Radio Liberty», Hearings... June, 12 and 23, 1973, Washington, 1973, p. 18.
20. Ibid., p. 4.
21. Ibid., p. 119.
22. Ibid., pp. 130—133.
23. J. Helms, «When Free Men Shall Stand», Grand Rapids, 1974, pp. 96, 98.
24. «Radio Free Europe and Radio Liberty. Authorisation», Hearings... May, 30, 1974, Washington, 1974, p. 33.
25. Ibid., p. 55.
26. «Final Repott...», Book 1, p. 502.

СОДЕРЖАНИЕ

Яковлев Н. Н.

Я47 ЦРУ против СССР. — М.: Мол. гвардия, 1980.—287 с.

В пер.: 70 коп. 100 000 экз.
55 коп. 100 000 экз.

В книге известиого советского историиа, профессора Н. Н. Яиовлева рассказывается о подрывной работе ЦРУ против Советсиого Союза. В центре виимаиия изложеиия область идеологии. Впервые освещаются документы, поиазывающне историю ЦРУ с момеита его создаиия в 1947 году, место ЦРУ в системе государствеииых органов США. Книга иасыщена яркими интересиыми фаитами, малоизвестиыми широиому иругу читателей.

ББК 66.2(7США)
32И

Я $\frac{11105-017}{078(02)-80}$ Б3—60—023—79. 0801000000

ИБ № 2341

Нкколай Николаевич Яковлев

ЦРУ ПРОТИВ СССР

Редаитор А. Чигаров
Художиии В. Терещенко
Художествениый редаитор Н. Коробейииков
Технический редаитор Р. Сиголаева

Сдано в иабор 04.06.79. Подписано в печать 28.12.79. А00282. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографсиая № 1. Гариитура «Академичесиая». Печать высокая. Условн. печ. л. 15,12. Учетио-изд. л. 16,6. Тираж 200 000 эиз. (1-й завод 100 000 эиз). Цеиа в пер. 70 иоп., (100 000 эиз.), в мягиой обл. 55 иоп., (100 000 эиз.). Заиаз 1008.

Типографня ордеиа Трудового Красиого Зиамеии издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

